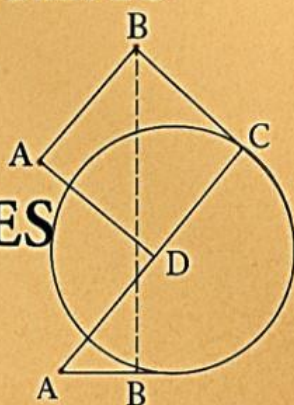

DISCOURS DE
LA MÉTHODE
Рассуждение
о методе

RENE
DESCARTES

Рене Декарт

René Descartes
(1596 - 1650)

Discours de la méthode
(1637)

Рассуждение
о методе

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

**Аннотация к переводу «Рассуждение о методе» Рене Декарта.
Перевод с французского и пояснения Бориса Кригера.**

Перевод выполнен с намерением точно передать смысловую и стилистическую структуру оригинального текста. Особенностью изложения является включение кратких пояснений переводчика с сохранением ключевых фраз на французском языке. Такие вставки помогают читателю лучше понять лексические и логические особенности аргументации Декарта, особенно в тех местах, где язык оригинала важен для раскрытия философской мысли. Перевод стремится сохранить ясность, сдержанность и внутреннюю дисциплину авторского стиля. Переводчик будет рад диалогу с читателями.

Двухязычная версия книги во всех форматах, удобных для чтения, прослушивания и скачивания, а также контакты переводчика, находятся на сайте в разделе "переводы".
<https://boriskriger.com/translations/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИМЕЧАНИЕ К ЭТОМУ ИЗДАНИЮ..... 7

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. РАССУЖДЕНИЯ О НАУКАХ..... 10

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА МЕТОДА 29

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ. НЕКОТОРЫЕ ПРАВИЛА МОРАЛИ, ВЫВЕДЕННЫЕ ИЗ
МЕТОДА 47

ЧЕТВЁРТАЯ ЧАСТЬ. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА И
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ, ИЛИ ОСНОВАНИЯ МЕТАФИЗИКИ 87

ПЯТАЯ ЧАСТЬ. ПОРЯДОК ВОПРОСОВ ФИЗИКИ 108

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ. УСЛОВИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ 147

NOTE SUR CETTE EDITION

Le Discours de la méthode pour bien conduire sa raison et chercher la vérité dans les sciences parut en 1637, en français. Il était accompagné de trois traités (La Dioptrique, Les Météores et La Géométrie) non reproduits ici.

Nous avons rectifié la graphie au français actuel.

DISCOURS DE LA METHODE

Si ce discours semble trop long pour être lu en une fois, on le pourra distinguer en six parties. Et, en la première, on trouvera diverses considérations touchant les sciences. En la seconde, les principales règles de la méthode que l'auteur a cherchée. En la troisième, quelques-unes de celles de la morale qu'il a tirée de cette méthode. En la quatrième, les raisons par lesquelles il prouve l'existence de Dieu et de l'âme humaine, qui sont les fondements de sa métaphysique. En la cinquième, l'ordre des questions de physique qu'il a cherchées, et particulièrement l'explication du mouvement du coeur et de quelques autres difficultés qui appartiennent à la médecine; puis aussi la différence qui est entre notre âme et celle des bêtes. Et en la dernière, quelles choses il croit être requises pour aller plus avant en la recherche de la nature qu'il n'a été, et quelles raisons l'ont fait écrire.

РАССУЖДЕНИЕ О МЕТОДЕ

Рене Декарт, Рассуждение о методе (*Discours de la méthode*). Перевод с французского и пояснения Бориса Кригера.

От переводчика

Настоящий перевод выполнен с предельным вниманием к смысловой структуре и стилистической выразительности оригинального философского текста и стремлением сохранить литературную интонацию автора, не искажая при этом логической строгости рассуждений.

Особенность подхода данного перевода — встраивание кратких пояснений непосредственно в текст перевода. Такие вставки служат не только для прояснения трудных понятий, но и для акцентирования лексических или грамматических особенностей оригинала, играющих важную роль в философском контексте.

Фразы на языке оригинала включены для того, чтобы читатель мог ощутить структуру исходного текста и проследить игру значений, зачастую не имеющую точных аналогов в русском языке. Это также позволяет сохранить связь с традицией философского чтения на языке оригинала.

ПРИМЕЧАНИЕ К ЭТОМУ ИЗДАНИЮ

Рассуждение о методе для того, чтобы правильно направлять свой разум и искать истину в науках впервые вышло в 1637 году на французском языке. Оно сопровождалось тремя трактатами (Диоптрика, Метеоры и Геометрия), которые в данном издании не воспроизводятся.

(Пояснение переводчика: «Le Discours de la méthode pour bien conduire sa raison et chercher la vérité dans les sciences» — «Рассуждение о методе для того, чтобы правильно направлять свой разум и искать истину в науках». Фраза указывает на практическую цель методологии.)

DISCOURS DE LA METHODE

Si ce discours semble trop long pour être lu en une fois, on le pourra distinguer en six parties. Et, en la première, on trouvera diverses considérations touchant les sciences. En la seconde, les principales règles de la méthode que l'auteur a cherchée. En la troisième, quelques-unes de celles de la morale qu'il a tirée de cette méthode. En la quatrième, les raisons par lesquelles il prouve l'existence de Dieu et de l'âme humaine, qui sont les fondements de sa métaphysique. En la cinquième, l'ordre des questions

de physique qu'il a cherchées, et particulièrement l'explication du mouvement du coeur et de quelques autres difficultés qui appartiennent à la médecine; puis aussi la différence qui est entre notre âme et celle des bêtes. Et en la dernière, quelles choses il croit être requises pour aller plus avant en la recherche de la nature qu'il n'a été, et quelles raisons l'ont fait écrire.

Если это рассуждение покажется слишком длинным, чтобы прочесть его за один раз, его можно разделить на шесть частей. В первой части читатель найдёт различные размышления относительно наук. Во второй — основные правила метода, который автор искал. В третьей — некоторые моральные принципы, выведенные им из этого метода. В четвёртой — доводы, посредством которых он доказывает существование Бога и человеческой души, что составляет основание его метафизики. В пятой — порядок вопросов физики, которыми он занимался, а особенно объяснение движения сердца и некоторых других трудностей, относящихся к медицине; а также различие между нашей душой и душой животных. И в последней — какие вещи он считает необходимыми для того, чтобы продвинуться дальше в исследовании природы, чем это удалось ему самому, и какие причины побудили его к написанию этой книги.

(Пояснение переводчика: «*quelles choses il croit être requises pour aller plus avant en la recherche de la nature qu'il n'a été*» — «какие вещи он считает необходимыми для того, чтобы продвинуться дальше в исследовании природы, чем это удалось ему самому». Сложная

грамматическая структура с обособленной финальной инфинитивной конструкцией подчёркивает скромность и ограниченность собственной позиции автора.)

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. РАССУЖДЕНИЯ О НАУКАХ

PREMIERE PARTIE

CONSIDERATIONS TOUCHANT LES SCIENCES

Le bon sens est la chose du monde la mieux partagée; car chacun pense en être si bien pourvu, que ceux même qui sont les plus difficiles à contenter en toute autre chose n'ont point coutume d'en désirer plus qu'ils en ont. En quoi il n'est pas vraisemblable que tous se trompent: mais plutôt cela témoigne que la puissance de bien juger et distinguer le vrai d'avec le faux, qui est proprement ce qu'on nomme le bon sens ou la raison, est naturellement égale en tous les hommes; et ainsi que la diversité de nos opinions ne vient pas de ce que les uns sont plus raisonnables que les autres, mais seulement de ce que nous conduisons nos pensées par diverses voies, et ne considérons pas les mêmes choses. Car ce n'est pas assez d'avoir l'esprit bon, mais le principal est de l'appliquer bien. Les plus grandes âmes sont capables des plus grands vices aussi bien que des plus grandes vertus; et ceux qui ne marchent que fort lentement peuvent avancer beaucoup davantage, s'ils suivent toujours le droit chemin, que ne font ceux qui courent et qui s'en éloignent.

Pour moi, je n'ai jamais présumé que mon esprit fût en rien plus parfait que ceux du commun; même j'ai souvent souhaité d'avoir la pensée aussi prompte, ou l'imagination aussi nette et distincte, ou la mémoire aussi ample ou aussi présente, que quelques autres. Et je ne sache point de qualités que celles-ci qui servent à la perfection de l'esprit; car pour la raison, ou le sens, d'autant qu'elle est la seule chose qui nous rend hommes

et nous distingue des bêtes, je veux croire qu'elle est tout entière en un chacun; et suivre en ceci l'opinion commune des philosophes, qui disent qu'il n'y a du plus et du moins qu'entre les accidents, et non point entre les formes ou natures des individus d'une même espèce.

Mais je ne craindrai pas de dire que je pense avoir eu beaucoup d'heur de m'être rencontré dès ma jeunesse en certains chemins qui m'ont conduit à des considérations et des maximes dont j'ai formé une méthode, par laquelle il me semble que j'ai moyen d'augmenter par degrés ma connaissance, et de l'élever peu à peu au plus haut point auquel la médiocrité de mon esprit et la courte durée de ma vie lui pourront permettre d'atteindre. Car j'en ai déjà recueilli de tels fruits, qu'encore qu'au jugement que je fais de moi-même je tâche toujours de pencher vers le côté de la défiance plutôt que vers celui de la présomption, et que, regardant d'un oeil de philosophe les diverses actions et entreprises de tous les hommes, il n'y en ait quasi aucune qui ne me semble vaine et inutile, je ne laisse pas de recevoir une extrême satisfaction du progrès que je pense avoir déjà fait en la recherche de la vérité, et de concevoir de telles espérances pour l'avenir, que si, entre les occupations des hommes, purement hommes, il y en a quelqu'une qui soit solidement bonne et importante, j'ose croire que c'est celle que j'ai choisie.

Здравый смысл — вещь в мире наиболее равномерно распределённая; ибо каждый полагает, что наделён им в достаточной мере, и даже те, кто в остальном крайне требовательны, обычно не желают иметь его больше, чем имеют. И в этом, по всей вероятности, не все

заблуждаются: скорее, это свидетельствует о том, что способность хорошо рассуждать и отличать истину от лжи — а это, собственно, и называется здравым смыслом или разумом — по природе своей равна у всех людей; и, следовательно, различие наших мнений происходит не из-за того, что одни более разумны, чем другие, а лишь из-за того, что мы направляем наши мысли различными путями и рассматриваем разные предметы.

Ибо недостаточно обладать хорошим умом, главное — правильно его применять. Величайшие души способны как на величайшие добродетели, так и на величайшие пороки; и те, кто идёт медленно, могут продвинуться гораздо дальше, если следуют прямым путём, чем те, кто мчится, но отклоняется от него.

(Пояснение переводчика: «ce n'est pas assez d'avoir l'esprit bon, mais le principal est de l'appliquer bien» — «недостаточно обладать хорошим умом, главное — правильно его применять». В оригинале «l'esprit bon» — букв. «хороший ум», что оттеняет мысль о врождённости способностей, противопоставленную практике их применения.)

Что касается меня, я никогда не предполагал, что мой ум в чём-либо совершеннее, чем у других; напротив, я часто желал бы иметь столь же быструю мысль, столь же ясное и отчётливое воображение, столь же обширную и надёжную память, какими обладают некоторые. И мне не известны иные качества, чем эти, которые способствуют совершенству ума; ибо разум или здравый смысл, поскольку он — единственное, что делает нас

людьми и отличает от животных, — я склонен верить, что он полностью присутствует в каждом; и в этом я следую общему мнению философов, утверждающих, что «больше» и «меньше» относятся лишь к случайным признакам, но не к формам или сущностям индивидов одного и того же вида.

Но не побоюсь сказать, что, как мне кажется, мне выпала большая удача — ещё с юности оказаться на определённых путях, которые привели меня к таким соображениям и принципам, из которых я сформировал метод, дающий, по моему мнению, возможность понемногу приумножать знание и постепенно возносить его к той высоте, которую допустит посредственность моего ума и краткость моей жизни. Ибо я уже собрал такие плоды, что, несмотря на стремление в самооценке скорее склоняться к недоверию, чем к самонадеянности, и несмотря на то, что, взирая философским взором на деяния и начинания людей, я почти ни одно из них не нахожу ни прочным, ни значительным, я всё же испытываю величайшее удовлетворение от того прогресса, которого, как мне кажется, я достиг в поиске истины, и питаю такие надежды на будущее, что, если среди человеческих занятий есть хоть одно, действительно стоящее и важное, я осмелюсь верить, что это — то, которое я избрал.

Toutefois il se peut faire que je me trompe, et ce n'est peut-être qu'un peu de cuivre et de verre que je prends pour de l'or et des diamants. Je sais combien nous sommes sujets à nous méprendre en ce qui nous touche, et combien aussi les jugements de nos amis nous doivent

être suspects, lorsqu'ils sont en notre faveur. Mais je serai bien aise de faire voir en ce discours quels sont les chemins que j'ai suivis, et d'y représenter ma vie comme en un tableau, afin que chacun en puisse juger, et qu'apprenant du bruit commun les opinions qu'on en aura, ce soit un nouveau moyen de m'instruire, que j'ajouterai à ceux dont j'ai coutume de me servir.

Ainsi mon dessein n'est pas d'enseigner ici la méthode que chacun doit suivre pour bien conduire sa raison, mais seulement de faire voir en quelle sorte j'ai tâché de conduire la mienne. Ceux qui se mêlent de donner des préceptes se doivent estimer plus habiles que ceux auxquels ils les donnent; et s'ils manquent en la moindre chose, ils en sont blâmables. Mais, ne proposant cet écrit que comme une histoire, ou, si vous l'aimez mieux, que comme une fable, en laquelle, parmi quelques exemples qu'on peut imiter, on en trouvera peut-être aussi plusieurs autres qu'on aura raison de ne pas suivre, j'espère qu'il sera utile à quelques-uns sans être nuisible à personne, et que tous me sauront gré de ma franchise.

J'ai été nourri aux lettres dès mon enfance; et, pour ce qu'on me persuadait que par leur moyen on pouvait acquérir une connaissance claire et assurée de tout ce qui est utile à la vie, j'avais un extrême désir de les apprendre. Mais sitôt que j'eus achevé tout ce cours d'études, au bout duquel on a coutume d'être reçu au rang des doctes, je changeai entièrement d'opinion. Car je me trouvais embarrassé de tant de doutes et d'erreurs, qu'il me semblait n'avoir fait autre profit, en tâchant de m'instruire, sinon que j'avais découvert de plus en plus mon ignorance. Et néanmoins j'étais en l'une des plus célèbres écoles de l'Europe, où je pensais qu'il devait y

avoir de savants hommes, s'il y en avait en aucun endroit de la terre. J'y avais appris tout ce que les autres y apprenaient; et même, ne m'étant pas contenté des sciences qu'on nous enseignait, j'avais parcouru tous les livres traitant de celles qu'on estime les plus curieuses et les plus rares, qui avaient pu tomber entre mes mains. Avec cela je savais les jugements que les autres faisaient de moi; et je ne voyais point qu'on m'estimât inférieur à mes condisciples, bien qu'il y en eût déjà entre eux quelques-uns qu'on destinait à remplir les places de nos maîtres. Et enfin notre siècle me semblait aussi fleurissant et aussi fertile en bons esprits qu'ait été aucun des précédents. Ce qui me faisait prendre la liberté de juger par moi de tous les autres, et de penser qu'il n'y avait aucune doctrine dans le monde qui fût telle qu'on m'avait auparavant fait espérer.

Je ne laissais pas toutefois d'estimer les exercices auxquels on s'occupe dans les écoles. Je savais que les langues qu'on y apprend sont nécessaires pour l'intelligence des livres anciens; que la gentillesse des fables réveille l'esprit; que

les actions mémorables des histoires le relèvent, et qu'étant lues avec discrétion elles aident à former le jugement; que la lecture de tous les bons livres est comme une conversation avec les plus honnêtes gens des siècles passés, qui en ont été les auteurs, et même une conversation étudiée en laquelle ils ne nous découvrent que les meilleures de leurs pensées; que l'éloquence a des forces et des beautés incomparables; que la poésie a des délicatesses et des douceurs très ravissantes; que les mathématiques ont des inventions très subtiles, et qui

peuvent beaucoup servir tant à contenter les curieux qu'à faciliter tous les arts et diminuer le travail des hommes; que les écrits qui traitent des moeurs contiennent plusieurs enseignements et plusieurs exhortations à la vertu qui sont fort utiles; que la théologie enseigne à gagner le ciel; que la philosophie donne moyen de parler vraisemblablement de toutes choses, et se faire admirer des moins savants; que la jurisprudence, la médecine et les autres sciences apportent des honneurs et des richesses à ceux qui les cultivent; et enfin qu'il est bon de les avoir toutes examinées, même les plus superstitieuses et les plus fausses, afin de connaître leur juste valeur et se garder d'en être trompé.

Тем не менее может статься, что я ошибаюсь, и, быть может, это лишь немного меди и стекла, которые я принимаю за золото и алмазы. Я знаю, насколько мы склонны заблуждаться в том, что касается нас самих, и насколько подозрительны должны быть для нас суждения друзей, когда они нам благоприятствуют. Но я буду рад показать в этом рассуждении те пути, которыми я следовал, и представить в нём свою жизнь как на картине, чтобы каждый мог судить сам, и чтобы, узнав по всеобщей молве мнения, какие о ней сложатся, я получил бы тем самым новый способ обучения, который прибавлю к тем, что обычно использую.

Итак, моя цель — не преподавать здесь метод, которому каждый должен следовать, чтобы правильно направлять свой разум, но лишь показать, каким образом я пытался направлять свой собственный. Те, кто берётся давать предписания, должны считать себя более сведущими,

чем те, кому они их дают; и, если они ошибутся хотя бы в малом, заслуживают упрёка. Но, представляя этот текст не иначе как рассказ, или, если угодно, как басню, в которой наряду с некоторыми примерами, достойными подражания, найдутся, быть может, и такие, которых разумно будет не следовать, — я надеюсь, что он окажется полезным для некоторых и не повредит никому, а все будут благодарны мне за откровенность.

С детства я был воспитан на книгах; и, поскольку меня убеждали, что с их помощью можно обрести ясное и достоверное знание всего, что полезно для жизни, я испытывал огромное желание учиться. Но как только я завершил курс учёбы, по окончании которого обычно принимают в круг учёных, я полностью изменил своё мнение. Ибо я обнаружил, что обременён множеством сомнений и заблуждений, так что казалось, что единственная польза, которую я извлёк из стремления к знанию, заключалась в том, что я всё более и более осознавал собственное невежество.

И всё же я находился в одном из самых знаменитых учебных заведений Европы, где, как мне казалось, должны были быть учёные мужи, если таковые вообще существуют на земле. Я изучил всё, чему там учили, и даже, не удовлетворившись преподаванием, прочёл все книги, которые только смог достать, посвящённые наукам, считающимся наиболее утончёнными и редкими. Я также знал, каким было мнение обо мне у других, и не замечал, чтобы меня считали менее способным, чем моих товарищей, среди которых уже были те, кого готовили занять места наших наставников. И, наконец, мне казалось, что наш век столь же плодovit

и богат на добрые умы, как и любой из прежних. Всё это придавало мне смелость судить самому обо всём остальном и думать, что нет в мире никакого учения, которое бы оправдало те надежды, какие мне внушали прежде.

(Пояснение переводчика: «il n'y avait aucune doctrine dans le monde qui fût telle qu'on m'avait auparavant fait espérer» — «не было в мире никакого учения, которое бы оправдало те надежды, какие мне внушали».оборот с сослагательным наклонением подчёркивает несбывшееся ожидание, словно речь идёт о несостоявшейся истине.)

Тем не менее я продолжал ценить занятия, которыми занимаются в школах. Я знал, что языки, изучаемые там, необходимы для понимания древних книг; что изящество басен оживляет ум; что деяния, запечатлённые в истории, возвышают его и, будучи прочитаны с должной рассудительностью, помогают формировать суждение; что чтение всех хороших книг — как беседа с достойнейшими людьми прошедших веков, их авторами, причём беседа обдуманная, в которой они открывают нам только лучшие из своих мыслей; что красноречие обладает несравненной силой и красотой; что поэзия полна утончённости и чарующей нежности; что математика предлагает тончайшие изобретения, способные как удовлетворить любознательных, так и облегчить все искусства и уменьшить труд человека; что сочинения о нравах содержат множество наставлений и побуждений к добродетели, весьма полезных; что богословие учит, как

обрести небеса; что философия даёт возможность рассуждать правдоподобно обо всём и вызывать восхищение у тех, кто менее сведущ; что юриспруденция, медицина и другие науки приносят почести и богатства своим последователям; и, наконец, что хорошо изучить их все — даже самые суеверные и ложные, — чтобы знать их подлинную цену и не быть ими обманутым.

Mais je croyais avoir déjà donné assez de temps aux langues, et même aussi à la lecture des livres anciens, et à leurs histoires, et à leurs fables. Car c'est quasi le même de converser avec ceux des autres siècles que de voyager. Il est bon de savoir quelque chose des mœurs de divers peuples, afin de juger des nôtres plus sainement, et que nous ne pensions pas que tout ce qui est contre nos modes soit ridicule et contre raison, ainsi qu'ont coutume de faire ceux qui n'ont rien vu. Mais lorsqu'on emploie trop de temps à voyager, on devient enfin étranger en son pays; et lorsqu'on est trop curieux des choses qui se pratiquaient aux siècles passés, on demeure ordinairement fort ignorant de celles qui se pratiquent en celui-ci. Outre que les fables font imaginer plusieurs événements comme possibles qui ne le sont point; et que même les histoires les plus fidèles, si elles ne changent ni n'augmentent la valeur des choses pour les rendre plus dignes d'être lues, au moins en omettent-elles presque toujours les plus basses et moins illustres circonstances, d'où vient que le reste ne paraît pas tel qu'il est, et que ceux qui règlent leurs mœurs par les exemples qu'ils en tirent sont sujets à tomber dans les extravagances des

paladins de nos romans, et à concevoir des desseins qui passent leurs forces.

J'estimais fort l'éloquence, et j'étais amoureux de la poésie; mais je pensais que l'une et l'autre étaient des dons de l'esprit plutôt que des fruits de l'étude. Ceux qui ont le raisonnement le plus fort, et qui digèrent le mieux leurs pensées afin de les rendre claires et intelligibles, peuvent toujours le mieux persuader ce qu'ils proposent, encore qu'ils ne parlissent que bas-breton, et qu'ils n'eussent jamais appris de rhétorique; et ceux qui ont les inventions les plus agréables et qui les savent exprimer avec le plus d'ornement et de douceur, ne laisseraient pas d'être les meilleurs poètes, encore que l'art poétique leur fût inconnu.

Je me plaisais surtout aux mathématiques, à cause de la certitude et de l'évidence de leurs raisons: mais je ne remarquais point encore leur vrai usage; et, pensant qu'elles ne servaient qu'aux arts mécaniques, je m'étonnais de ce que leurs fondements étant si fermes et si solides, on n'avait rien bâti dessus de plus relevé: comme au contraire je comparais les écrits des anciens païens qui traitent des mœurs, à des palais fort superbes et fort magnifiques, qui n'étaient bâtis que sur du sable et sur de la boue: ils élèvent fort haut les vertus, et les font paraître estimables par-dessus toutes les choses qui sont au monde; mais ils n'enseignent pas assez à les connaître, et souvent ce qu'ils appellent d'un si beau nom n'est qu'une insensibilité, ou un orgueil, ou un désespoir, ou un parricide.

Je révérais notre théologie, et prétendais autant qu'aucun autre à gagner le ciel: mais ayant appris, comme chose

très assurée, que le chemin n'en est pas moins ouvert aux plus ignorants qu'aux plus doctes, et que les vérités révélées qui y conduisent sont au-dessus de notre intelligence, je n'eusse osé les soumettre à la faiblesse de mes raisonnements; et je pensais que, pour entreprendre de les examiner et y réussir, il était besoin d'avoir quelque extraordinaire assistance du ciel, et d'être plus qu'homme.

Je ne dirai rien de la philosophie, sinon que, voyant qu'elle a été cultivée par les plus excellents esprits qui aient vécu depuis plusieurs siècles, et que néanmoins il ne s'y trouve encore aucune chose dont on ne dispute, et par conséquent qui ne soit douteuse, je n'avais point assez de présomption pour espérer d'y rencontrer mieux que les autres; et que, considérant combien il peut y avoir de diverses opinions touchant une même matière, qui soient soutenues par des gens doctes, sans qu'il y en puisse avoir jamais plus d'une seule qui soit vraie, je réputais presque pour faux tout ce qui n'était que vraisemblable.

Однако я полагал, что уже уделил достаточно времени изучению языков, чтению древних книг, их историй и басен. Ведь общаться с людьми иных веков — почти то же, что путешествовать. Полезно знать что-то о нравах различных народов, чтобы более здраво судить о собственных обычаях и не считать нелепым или неразумным всё, что им противоречит, как склонны делать те, кто ничего не видел. Но если тратить слишком много времени на путешествия, можно в конце концов стать чужим в собственной стране; а если чрезмерно увлекаться тем, что происходило в прежние века, то

обычно остаёшься весьма невежественным в том, что происходит в нынешнем.

Кроме того, басни заставляют воображать множество событий как возможные, тогда как в действительности они невозможны; а даже самые достоверные исторические повествования, если и не искажают и не приукрашивают факты, чтобы сделать их более достойными прочтения, то, по крайней мере, почти всегда опускают наиболее обыденные и невпечатляющие обстоятельства, из-за чего всё остальное представляется не таким, как есть на самом деле, и те, кто строит своё поведение по таким примерам, склонны впадать в фантазии, подобные подвигам паладинов в романах, и замышлять дела, превышающие их силы.

Я высоко ценил красноречие и был влюблён в поэзию; но думал, что и то, и другое — скорее дары ума, чем плоды учения. Те, кто обладает наиболее сильной способностью к рассуждению и умеет лучше всего упорядочивать свои мысли, чтобы сделать их ясными и понятными, всегда смогут убедительнее всего излагать свои доводы, даже если говорят на низком бретонском наречии и никогда не изучали риторику; а те, кто обладает наиболее приятными изобретениями и умеет выразить их с наибольшим изяществом и мягкостью, всё равно останутся лучшими поэтами, даже если не знакомы с поэтическим искусством.

(Пояснение переводчика: «encore qu'ils ne parlissent que bas-breton» — «даже если говорят на низком бретонском

наречии». Здесь иронический приём: грубый, «неучёный» язык противопоставлен внутренней способности к ясному выражению мысли, важной для Декарта.)

Особенно же мне нравились математика — за её достоверность и очевидность рассуждений; но я ещё не понимал её настоящего назначения и, думая, что она служит лишь механическим искусствам, удивлялся, почему на столь прочных и твёрдых основаниях не возведено чего-либо более возвышенного. Напротив, я сравнивал сочинения древних язычников, посвящённые нравственности, с великолепными и пышными дворцами, построенными на песке и грязи: они превозносят добродетели до небес, заставляют их казаться достойнейшими из всех вещей на свете, но не учат их по-настоящему познавать, и зачастую то, что они столь красиво называют, есть лишь бесчувствие, или гордыня, или отчаяние, или даже отцеубийство.

Я почитал нашу теологию и стремился к небесам не меньше, чем кто-либо иной; но, узнав как несомненное, что путь туда открыт не меньше для невежд, чем для учёных, и что откровенные истины, ведущие к спасению, превышают наше понимание, я не осмеливался подчинять их немощи своего разума и полагал, что для того, чтобы взяться за их исследование и преуспеть в нём, нужно получить особую небесную помощь и быть более чем человеком.

О философии же я скажу только то, что, видя, как её

возделывали величайшие умы, жившие на протяжении многих веков, и что, несмотря на это, в ней нет ни одного утверждения, о котором бы не спорили, а значит — ни одного, в подлинности которого можно было бы быть уверенным, — я не имел достаточной самонадеянности, чтобы надеяться преуспеть в ней более, чем другие. И, размышляя, как много может быть разных мнений по одному и тому же вопросу, которые отстаиваются учёными людьми, несмотря на то что истинным может быть только одно, я склонен был считать почти ложным всё, что лишь правдоподобно.

Puis, pour les autres sciences, d'autant qu'elles empruntent leurs principes de la philosophie, je jugeais qu'on ne pouvait avoir rien bâti qui fût solide sur des fondements si peu fermes; et ni l'honneur ni le gain qu'elles promettent n'étaient suffisants pour me convier à les apprendre: car je ne me sentais point, grâce à Dieu, de condition qui m'obligeât à faire un métier de la science pour le soulagement de ma fortune; et, quoique je ne fisse pas profession de mépriser la gloire en cynique, je faisais néanmoins fort peu d'état de celle que je n'espérais point pouvoir acquérir qu'à faux titres. Et enfin, pour les mauvaises doctrines, je pensais déjà connaître assez ce qu'elles valaient pour n'être plus sujet à être trompé ni par les promesses d'un alchimiste, ni par les prédictions d'un astrologue, ni par les impostures d'un magicien, ni par les artifices ou la vanterie d'aucun de ceux qui font profession de savoir plus qu'ils ne savent.

C'est pourquoi, sitôt que l'âge me permit de sortir de la sujétion de mes précepteurs, je quittai entièrement

l'étude des lettres; et me résolvant de ne chercher plus d'autre science que celle qui se pourrait trouver en moi-même, ou bien dans le grand livre du monde, j'employai le reste de ma jeunesse à voyager, à voir des cours et des armées, à fréquenter des gens de diverses humeurs et

conditions, à recueillir diverses expériences, à m'éprouver moi-même dans les rencontres que la fortune me proposait, et partout à faire telle réflexion sur les choses qui se présentaient que j'en pusse tirer quelque profit. Car il me semblait que je pourrais rencontrer beaucoup plus de vérité dans les raisonnements que chacun fait touchant les affaires qui lui importent, et dont l'événement le doit punir bientôt après s'il a mal jugé, que dans ceux que fait un homme de lettres dans son cabinet, touchant des spéculations qui ne produisent aucun effet, et qui ne lui sont d'autre conséquence, sinon que peut-être il en tirera d'autant plus de vanité qu'elles seront plus éloignées du sens commun, à cause qu'il aura dû employer d'autant plus d'esprit et d'artifice à tâcher de les rendre vraisemblables. Et j'avais toujours un extrême désir d'apprendre à distinguer le vrai d'avec le faux, pour voir clair en mes actions, et marcher avec assurance en cette vie.

Il est vrai que pendant que je ne faisais que considérer les mœurs des autres hommes, je n'y trouvais guère de quoi m'assurer, et que j'y remarquais quasi autant de diversité que j'avais fait auparavant entre les opinions des philosophes. En sorte que le plus grand profit que j'en retirais était que, voyant plusieurs choses qui, bien qu'elles nous semblent fort extravagantes et ridicules, ne laissent pas d'être communément reçues et approuvées

par d'autres grands peuples, j'apprenais à ne rien croire trop fermement de ce qui ne m'avait été persuadé que par l'exemple et par la coutume: et ainsi je me délivrais peu à peu de beaucoup d'erreurs qui peuvent offusquer notre lumière naturelle, et nous rendre moins capables d'entendre raison. Mais, après que j'eus employé quelques années à étudier ainsi dans le livre du monde, et à tâcher d'acquérir quelque expérience, je pris un jour résolution d'étudier aussi en moi-même, et d'employer toutes les forces de mon esprit à choisir les chemins que je devais suivre; ce qui me réussit beaucoup mieux, ce me semble, que si je ne me fusse jamais éloigné ni de mon pays ni de mes livres.

Итак, что касается прочих наук, поскольку они заимствуют свои начала у философии, я полагал, что нельзя было возвести ничего прочного на столь ненадёжных основаниях; и ни слава, ни выгода, какие они обещают, были недостаточны, чтобы побудить меня к их изучению. Ибо, по милости Божьей, я не находился в таком положении, которое заставляло бы меня делать науку своим ремеслом ради улучшения своей участи; и хотя я и не называл себя киником, презиравшим славу, я тем не менее придавал очень малое значение той, которую, как мне казалось, могу обрести лишь по ложным основаниям.

А что касается ложных учений, то я уже, как мне казалось, достаточно узнал их цену, чтобы не быть более обманутым ни обещаниями алхимика, ни

предсказаниями астролога, ни кознями мага, ни ухищрениями или бахвальством кого бы то ни было из тех, кто претендует на знание большего, чем действительно знает.

Поэтому, как только возраст позволил мне освободиться от опеки наставников, я полностью оставил изучение книжных наук и, решив не искать иного знания, кроме того, что можно найти в самом себе или в великой книге мира, я посвятил остаток своей юности путешествиям, наблюдению за придворной жизнью и армиями, общению с людьми самых разных нравов и положений, собиранию разнообразных опытов, самопроверке в ситуациях, которые предлагала мне судьба, и повсюду — размышлениям над тем, что встречалось на моём пути, с тем чтобы извлечь из всего какую-либо пользу.

Ибо мне казалось, что гораздо больше истины можно найти в тех рассуждениях, которые люди ведут по поводу дел, затрагивающих их лично, и за ошибку в которых они немедленно будут наказаны самими последствиями, чем в тех, что высказывает учёный в своём кабинете о чисто умозрительных вопросах, не имеющих никаких последствий, кроме, быть может, порождения в нём ещё большей гордыни — поскольку они тем более оторваны от здравого смысла, чем больше он вложил в них изощрённости и искусности, стараясь придать им правдоподобие.

А я всегда испытывал величайшее желание научиться отличать истину от лжи, чтобы ясно видеть свои поступки и уверенно идти по жизни.

(Пояснение переводчика: «*afin de voir clair en mes actions, et marcher avec assurance en cette vie*» — «чтобы ясно видеть свои поступки и уверенно идти по жизни». Идиома «*voir clair*» — букв. «видеть ясно» — переносит физический образ зрения на сферу нравственного самопонимания.)

Правда, когда я занимался лишь наблюдением за нравами других людей, я находил в этом мало определённого, и замечал почти столько же различий, сколько прежде среди мнений философов. Так что главным плодом этого занятия было то, что, видя множество вещей, которые, хотя нам кажутся весьма странными и нелепыми, тем не менее повсеместно приняты и одобряемы иными великими народами, я научился не верить чересчур твёрдо во всё то, что внушено мне лишь примером и привычкой. И так я мало-помалу избавился от множества заблуждений, способных затмевать наш природный свет разума и делать нас менее способными понимать истину.

Но после того как я провёл несколько лет, изучая таким образом «книгу мира» и стремясь обрести некоторый опыт, я однажды решил обратиться к самому себе как к предмету изучения и направить все силы своего ума на то, чтобы избрать пути, которыми должен следовать. И, как мне кажется, это оказалось куда более плодотворным, чем если бы я никогда не покидал ни своей страны, ни своих книг.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА МЕТОДА

DEUXIEME PARTIE PRINCIPALES REGLES DE LA METHODE

J'étais alors en Allemagne, où l'occasion des guerres qui n'y sont pas encore finies m'avait appelé; et comme je retournais du couronnement de l'empereur vers l'armée, le commencement de l'hiver m'arrêta en un quartier où, ne trouvant aucune conversation qui me divertit, et n'ayant d'ailleurs, par bonheur, aucuns soins ni passions qui me troublassent, je demeurais tout le jour enfermé seul dans un poêle, où j'avais tout le loisir de m'entretenir de mes pensées. Entre lesquelles l'une des premières fut que je m'avisai de considérer que souvent il n'y a pas tant de perfection dans les ouvrages composés de plusieurs pièces, et faits de la main de divers maîtres, qu'en ceux auxquels un seul a travaillé. Ainsi voit-on que les bâtiments qu'un seul architecte a entrepris et achevés ont coutume d'être plus beaux et mieux ordonnés que ceux que plusieurs ont tâché de raccommoder, en faisant servir de vieilles murailles qui avaient été bâties à d'autres fins. Ainsi ces anciennes cités qui, n'ayant été au commencement que des bourgades, sont devenues par succession de temps de grandes villes, sont ordinairement si mal compassées, au prix de ces places régulières qu'un ingénieur trace à sa fantaisie dans une plaine, qu'encore que, considérant leurs édifices chacun à part, on y trouve souvent autant ou plus d'art qu'en ceux des autres, toutefois, à voir comme ils sont arrangés, ici un grand, là un petit, et comme ils rendent les rues courbées et inégales, on dirait que c'est plutôt la fortune que la volonté de quelques hommes usants de raison, qui les a ainsi disposés.

Et si on considère qu'il y a eu néanmoins de tout temps quelques officiers qui ont eu charge de prendre garde aux bâtiments des particuliers, pour les faire servir à l'ornement du public, on connaîtra bien qu'il est malaisé, en ne travaillant que sur les ouvrages d'autrui, de faire des choses fort accomplies. Ainsi je m'imaginai que les peuples qui, ayant été autrefois demi-sauvages, et ne s'étant civilisés que peu à peu, n'ont fait leurs lois qu'à mesure que l'incommodité des crimes et des querelles les y a contraints, ne sauraient être si bien policés que ceux qui, dès le commencement qu'ils se sont assemblés, ont observé les constitutions de quelque prudent législateur. Comme il est bien certain que l'état de la vraie religion, dont Dieu seul a fait les ordonnances, doit être incomparablement mieux réglé que tous les autres. Et, pour parler des choses humaines, je crois que si Sparte a été autrefois très florissante, ce n'a pas été à cause de la bonté de chacune de ses lois en particulier, vu que plusieurs étaient fort étranges, et même contraires aux bonnes moeurs; mais à cause que, n'ayant été inventées que par un seul, elles tendaient toutes à même fin. Et ainsi je pensai que les sciences des livres, au moins celles dont les raisons ne sont que probables, et qui n'ont aucunes démonstrations, s'étant composées et grossies peu à peu des opinions de plusieurs diverses personnes, ne sont point si approchantes de la vérité que les simples raisonnements que peut faire

naturellement un homme de bon sens touchant les choses qui se présentent. Et ainsi encore je pensai que pour ce que nous avons tous été enfants avant que d'être hommes, et qu'il nous a fallu longtemps être gouvernés par nos appétits et nos précepteurs, qui étaient souvent contraires

les uns aux autres, et qui, ni les uns ni les autres, ne nous conseillaient peut-être pas toujours le meilleur, il est presque impossible que nos jugements soient si purs ni si solides qu'ils auraient été si nous avions eu l'usage entier de notre raison dès le point de notre naissance, et que nous n'eussions jamais été conduits que par elle.

В то время я находился в Германии, куда меня привела война, ещё не завершившаяся; и когда я возвращался с коронации императора к армии, наступление зимы задержало меня в одном месте, где, не находя никакого развлечения в разговорах, и, к счастью, не имея ни забот, ни страстей, способных нарушить мой покой, я проводил целые дни, запершись в отапливаемом помещении, где имел всё время на размышления.

Одним из первых моих размышлений было следующее: я задумался о том, что часто больше совершенства обнаруживается в произведениях, созданных одним мастером, чем в тех, что состоят из множества частей и выполнены разными руками. Так, здания, начатые и завершённые одним архитектором, как правило, красивее и лучше организованы, чем те, которые были перестроены многими, использовавшими старые стены, изначально предназначенные для других целей.

Аналогично, древние города, которые изначально были просто деревнями, но со временем стали большими поселениями, обычно устроены куда менее разумно, чем регулярные площади, спланированные инженером по собственному замыслу на равнине; и хотя, если рассматривать каждое здание в отдельности, в них можно найти столько же искусства, а то и больше, чем в других,

тем не менее, когда видишь, как они расположены — здесь большое здание, там маленькое, и как это делает улицы кривыми и неровными, кажется, будто не разумная воля, а случай распорядился их устройством.

(Пояснение переводчика: «on dirait que c'est plutôt la fortune que la volonté de quelques hommes usants de raison» — «кажется, будто не разумная воля, а случай». Указание на стилистическую инверсию и философскую антитезу между разумом и фортуной.)

И если учесть, что всегда существовали чиновники, обязанные следить за строительством частных домов, чтобы они способствовали красоте города, становится ясно, как трудно, работая только с уже существующими постройками, создать нечто совершенное.

Так я подумал, что народы, которые некогда были полудикими и цивилизовались лишь постепенно, создавая законы только под давлением преступлений и раздоров, не могут быть столь хорошо устроены, как те, которые, с самого начала своего объединения, следовали установлениям мудрого законодателя. Так же, как совершенно ясно, что истинная религия, чьи законы установлены только Богом, должна быть устроена неизмеримо лучше всех остальных.

И говоря о человеческих делах, я считаю, что если Спарта когда-то и процветала, то не потому, что каждая её отдельная норма была хороша — напротив, многие из них были весьма странными и даже противными нравственности, — а потому, что, созданные одним человеком, они все стремились к единой цели.

Так же мне подумалось, что науки, изложенные в книгах — по крайней мере те, где рассуждения только вероятны и не содержат доказательств, — будучи сложены постепенно из мнений многих разных людей, не приближаются к истине так, как простые размышления человека здравого смысла о вещах, непосредственно ему представленных.

И ещё я подумал, что поскольку все мы были сначала детьми, а уже потом взрослыми, и долгое время вынуждены были подчиняться своим желаниям и наставникам, часто противоречащим друг другу, и, возможно, не всегда советовавшим лучшее, наши суждения не могут быть столь чистыми и прочными, какими они были бы, если бы с самого рождения мы обладали полноценным разумом и всегда руководствовались только им.

Il est vrai que nous ne voyons point qu'on jette par terre toutes les maisons d'une ville pour le seul dessein de les refaire d'autre façon et d'en rendre les rues plus belles; mais on voit bien que plusieurs font abattre les leurs, pour les rebâtir, et que même quelquefois ils y sont contraints, quand elles sont en danger de tomber d'elles-mêmes, et que les fondements n'en sont pas bien fermes. À l'exemple de quoi je me persuadai qu'il n'y aurait véritablement point d'apparence, qu'un particulier fît dessein de réformer un état, en y changeant tout dès les fondements, et en le renversant pour le redresser; ni même aussi de réformer le corps des sciences, ou l'ordre établi dans les écoles pour les enseigner: mais que, pour toutes les

opinions que j'avais reçues jusques alors en ma créance, je ne pouvais mieux faire que d'entreprendre une bonne fois de les en ôter, afin d'y en remettre par après ou d'autres meilleures, ou bien les mêmes lorsque je les aurais ajustées au niveau de la raison. Et je crus fermement que par ce moyen je réussirais à conduire ma vie beaucoup mieux que si je ne bâtissais que sur de vieux fondements, et que je ne m'appuyasse que sur les principes que je m'étais laissé persuader en ma jeunesse, sans avoir jamais examiné s'ils étaient vrais. Car, bien que je remarquasse en ceci diverses difficultés, elles n'étaient point toutefois sans remède, ni comparables à celles qui se trouvent en la réformation des moindres choses qui touchent le public. Ces grands corps sont trop malaisés à relever étant abattus, ou même à retenir étant ébranlés, et leurs chutes ne peuvent être que très rudes. Puis, pour leurs imperfections, s'ils en ont, comme la seule diversité qui est entre eux suffit pour assurer que plusieurs en ont, l'usage les a sans doute fort adoucies, et même il en a évité ou corrigé insensiblement quantité, auxquelles on ne pourrait si bien pourvoir par prudence; et enfin elles sont quasi toujours plus supportables que ne serait leur changement; en même façon que les grands chemins, qui tournoient entre des montagnes, deviennent peu à peu si unis et si commodes, à force d'être fréquentés, qu'il est beaucoup meilleur de les suivre, que d'entreprendre d'aller plus droit, en grimpant au-dessus des rochers et descendant jusques aux bas des précipices.

Правда, мы не видим, чтобы сносили все дома в городе только для того, чтобы перестроить их иначе и сделать улицы красивее; но нередко бывает, что многие

разрушают свои собственные дома, чтобы отстроить их заново, и порой их к этому принуждают, когда дома угрожают обвалиться сами по себе, и их основания ненадёжны.

По аналогии с этим я убедил себя, что вряд ли разумно, чтобы отдельный человек пытался реформировать государство, изменяя его с самых основ и переворачивая его вверх дном ради исправления; так же, как и реформировать весь корпус наук или существующий порядок их преподавания в школах.

Но что касается всех мнений, которые я до сих пор принимал на веру, я счёл лучшим предпринять решительное усилие освободиться от них, чтобы впоследствии либо заменить их лучшими, либо снова принять те же самые, если они выдержат проверку разумом.

И я твёрдо поверил, что таким способом мне удастся вести свою жизнь гораздо лучше, чем если бы я продолжал строить только на старых основаниях и полагался бы лишь на принципы, внушённые мне в юности, не подвергнутые мною никогда никакому сомнению.

Ведь хотя я и осознавал в этом деле множество трудностей, всё же они были не столь непреодолимы и уж тем более не столь велики, как трудности, связанные даже с малейшими преобразованиями в делах общественных. Эти огромные организмы слишком трудно восстановить, будучи разрушенными, или даже

удержать от падения, когда они поколеблены, и их падение неизбежно будет весьма тяжким.

К тому же, если в них есть какие-либо изъяны — а одна лишь разнородность между ними уже указывает, что такие изъяны есть у многих, — то, несомненно, практика со временем сгладила их, а в ряде случаев даже незаметно устранила или смягчила такие, с какими разум мог бы справиться не столь удачно.

И, наконец, эти изъяны почти всегда более терпимы, чем были бы вызванные ими изменения; так же как и главные дороги, извивающиеся среди гор, со временем становятся столь ровными и удобными от частого пользования, что идти по ним гораздо предпочтительнее, чем пытаться срезать путь, взбираясь по скалам и спускаясь в пропасти.

(Пояснение переводчика: «que d'entreprendre d'aller plus droit, en grim pant au-dessus des rochers et descendant jusques aux bas des précipices» — «чем пытаться срезать путь, взбираясь по скалам и спускаясь в пропасти». Здесь Декарт использует выразительный образ, противопоставляя разумную практичность обыденных путей дерзким, но опасным экспериментам, что метафорически иллюстрирует его осторожный подход к реформированию знаний.)

Et pour moi j'aurais été sans doute du nombre de ces derniers, si je n'avais jamais eu qu'un seul maître, ou que je n'eusse point su les différences qui ont été de tout temps entre les opinions des plus doctes. Mais ayant appris dès le collège qu'on ne saurait rien imaginer de si étrange et si peu croyable, qu'il n'ait été dit par quelqu'un des philosophes; et depuis, en voyageant, ayant reconnu que tous ceux qui ont des sentiments fort contraires aux nôtres ne sont pas pour cela barbares ni sauvages, mais que plusieurs usent autant ou plus que nous de raison; et ayant considéré combien un même homme, avec son même esprit, étant nourri dès son enfance entre des Français ou des Allemands, devient différent de ce qu'il serait s'il avait toujours vécu entre des Chinois ou des cannibales, et comment, jusques aux modes de nos habits, la même chose qui nous a plu il y a dix ans, et qui nous plaira peut-être encore avant dix ans, nous semble maintenant extravagante et ridicule; en sorte que c'est bien plus la coutume et l'exemple qui nous persuade, qu'aucune connaissance certaine; et que néanmoins la pluralité des voix n'est pas une preuve qui vaille rien, pour les vérités un peu malaisées à découvrir, à cause qu'il est bien plus vraisemblable qu'un homme seul les ait rencontrées que tout un peuple; je ne pouvais choisir personne dont les opinions me semblassent devoir être préférées à celles des autres, et je me trouvai comme contraint d'entreprendre moi-même de me conduire.

Mais, comme un homme qui marche seul, et dans les ténèbres, je me résolus d'aller si lentement et d'user de tant de circonspection en toutes choses,

que si je n'avançais que fort peu, je me garderais bien au moins de tomber. Même je ne voulus point commencer à rejeter tout-à-fait aucune des opinions qui s'étaient pu glisser autrefois en ma créance sans y avoir été introduites par la raison, que je n'eusse auparavant employé assez de temps à faire le projet de l'ouvrage que j'entreprenais, et à chercher la vraie méthode pour parvenir à la connaissance de toutes les choses dont mon esprit serait capable.

J'avais un peu étudié, étant plus jeune, entre les parties de la philosophie, à la logique, et, entre les mathématiques, à l'analyse des géomètres et à l'algèbre, trois arts ou sciences qui semblaient devoir contribuer quelque chose à mon dessein. Mais, en les examinant, je pris garde que, pour la logique, ses syllogismes et la plupart de ses autres instructions servent plutôt à expliquer à autrui les choses qu'on sait, ou même, comme l'art de Lulle¹, à parler sans jugement de celles qu'on ignore, qu'à les apprendre; et bien qu'elle contienne en effet beaucoup de préceptes très vrais et très bons, il y en a toutefois tant d'autres mêlés parmi, qui sont ou nuisibles ou superflus, qu'il est presque aussi malaisé de les en séparer, que de tirer une Diane ou une Minerve hors d'un bloc de marbre qui n'est point encore ébauché. Puis, pour l'analyse des anciens et l'algèbre des modernes, outre qu'elles ne s'étendent qu'à des matières fort abstraites, et qui ne semblent d'aucun usage, la première est toujours si astreinte à la considération des figures, qu'elle ne peut exercer l'entendement sans fatiguer beaucoup l'imagination; et on s'est tellement assujetti en la dernière à certaines règles et à certains chiffres, qu'on en a fait un art confus et obscur qui embarrasse l'esprit, au lieu d'une science qui le cultive. Ce qui fut cause que je pensai qu'il fallait chercher

quelque autre méthode, qui, comprenant les avantages de ces trois, fût exempte de leurs défauts. Et comme la multitude des lois fournit souvent des excuses aux vices, en sorte qu'un état est bien mieux réglé lorsque, n'en ayant que fort peu, elles y sont fort étroitement observées; ainsi, au lieu de ce grand nombre de préceptes dont la logique est composée, je crus que j'aurais assez des quatre suivants, pourvu que je prisse une ferme et constante résolution de ne manquer pas une seule fois à les observer.

И я, несомненно, принадлежал бы к числу тех, кто следует общепринятым мнениям, если бы у меня был только один учитель, или если бы я не знал о существующих с древнейших времён разногласиях между мнениями самых учёных людей.

Но, уже в колледже узнав, что невозможно вообразить ничего столь странного и невероятного, чтобы это не было высказано каким-либо философом, а позднее, в путешествиях, убедившись, что даже те, чьи взгляды резко расходятся с нашими, отнюдь не варвары и не дикари, но зачастую пользуются разумом не менее, а то и более, чем мы; и поразмыслив, как один и тот же человек, обладая тем же самым умом, становится совершенно иным, если с детства воспитывается среди французов или немцев, а не среди китайцев или людоедов, — и как даже в моде одежды то, что нам нравилось десять лет назад и, возможно, понравится снова лет через десять, ныне кажется нелепым и смешным, — я пришёл к выводу, что нас куда больше убеждает привычка и пример, чем достоверное знание.

(Пояснение переводчика: «c'est bien plus la coutume et l'exemple qui nous persuade, qu'aucune connaissance certaine» — «нас куда больше убеждает привычка и пример». Здесь Декарт подчёркивает относительность культурных норм, противопоставляя её идеалу разума.)

А поскольку мнение большинства — ненадёжное доказательство в делах, где истину трудно обнаружить, ибо гораздо вероятнее, что один человек найдёт её, чем весь народ, — я не мог выбрать никого, чьи взгляды, как мне казалось, следовало бы предпочесть взглядам остальных, и оказался почти вынужден взять на себя руководство собственной мыслью.

Но, как человек, идущий в одиночестве в темноте, я решил идти столь медленно и с такой осторожностью, чтобы, пусть и продвигаясь лишь понемногу, по крайней мере, избежать падения.

Я даже не захотел сразу отвергать ни одно из мнений, ранее укоренившихся в моей вере без участия разума, прежде чем не потрачу достаточно времени на то, чтобы наметить план своего труда и отыскать истинный метод постижения всего, на что способен мой ум.

Будучи моложе, я немного изучал среди философских дисциплин логику, а среди математических — геометрический анализ и алгебру, — три искусства или науки, которые, казалось, могли бы содействовать моей цели.

Но, подвергнув их рассмотрению, я заметил, что логика со своими силлогизмами и большинством других

предписаний больше служит для того, чтобы объяснять другим то, что уже известно, или даже, подобно искусству Раймунда Луллия, говорить без рассудка о том, чего не знаешь, нежели узнавать что-либо. И хотя в ней действительно содержится немало верных и полезных наставлений, однако их столь тесно окружают вредные или излишние положения, что отделить одно от другого почти так же трудно, как высечь Диану или Минерву из неотёсанного мраморного блока.

Что же касается анализа древних и алгебры новых, то, помимо того, что они касаются лишь весьма абстрактных предметов, не имеющих, по-видимому, практической пользы, первая из них столь привязана к рассмотрению фигур, что не может упражнять ум, не утомляя воображения; а вторая — настолько подчинена определённым правилам и символам, что превратилась в запутанное и тёмное искусство, скорее затрудняющее ум, нежели развивающее его.

Вот почему я решил, что необходимо искать иной метод, который бы объединил достоинства этих трёх и был бы свободен от их недостатков.

И как множество законов часто даёт повод к порокам, так что государство устроено куда лучше, когда в нём немного законов, но они строго соблюдаются, — я подумал, что вместо множества предписаний, из которых состоит логика, мне будет достаточно четырёх следующих правил, при условии, что я приму твёрдое и неуклонное решение никогда от них не отступать.

Le premier était de ne recevoir jamais aucune chose pour vraie que je ne la connusse évidemment être telle; c'est-à-dire, d'éviter soigneusement la précipitation et la prévention, et de ne comprendre rien de plus en mes jugements que ce qui se présenterait si clairement et si distinctement à mon esprit, que je n'eusse aucune occasion de le mettre en doute.

Le second, de diviser chacune des difficultés que j'examinerais, en autant de parcelles qu'il se pourrait, et qu'il serait requis pour les mieux résoudre.

Le troisième, de conduire par ordre mes pensées, en commençant par les objets les plus simples et les plus aisés à connaître, pour monter peu à peu comme par degrés jusqu'à la connaissance des plus composés, et supposant

1 Raymond Lulle, philosophe et alchimiste espagnol (1235? - 1316?). (N.d.É.)

même de l'ordre entre ceux qui ne se précèdent point naturellement les uns les autres.

Et le dernier, de faire partout des dénombrements si entiers et des revues si générales, que je fusse assuré de ne rien omettre.

Ces longues chaînes de raisons, toutes simples et faciles, dont les géomètres ont coutume de se servir pour parvenir à leurs plus difficiles démonstrations, m'avaient donné occasion de m'imaginer que toutes les choses qui peuvent tomber sous la connaissance des hommes s'entresuivent en même façon, et que, pourvu seulement qu'on s'abstienne d'en recevoir aucune pour vraie qui ne le soit, et qu'on garde toujours l'ordre qu'il faut pour les déduire les unes des autres, il n'y en peut avoir de si éloignées auxquelles enfin on ne parvienne, ni de si cachées qu'on

ne découvre. Et je ne fus pas beaucoup en peine de chercher par lesquelles il était besoin de commencer: car je savais déjà que c'était par les plus simples et les plus aisées à connaître; et, considérant qu'entre tous ceux qui ont ci-devant recherché la vérité dans les sciences, il n'y a eu que les seuls mathématiciens qui ont pu trouver quelques démonstrations, c'est-à-dire quelques raisons certaines et évidentes, je ne doutais point que ce ne fût par les mêmes qu'ils ont examinées; bien que je n'en espérasse aucune autre utilité, sinon qu'elles accoutumeraient mon esprit à se repaître de vérités, et ne se contenter point de fausses raisons. Mais je n'eus pas dessein pour cela de tâcher d'apprendre toutes ces sciences particulières qu'on nomme communément mathématiques; et voyant qu'encore que leurs objets soient différents, elle ne laissent pas de s'accorder toutes, en ce qu'elles n'y considèrent autre chose que les divers rapports ou proportions qui s'y trouvent, je pensai qu'il valait mieux que j'examinasse seulement ces proportions en général, et sans les supposer que dans les sujets qui serviraient à m'en rendre la connaissance plus aisée, même aussi sans les y astreindre aucunement, afin de les pouvoir d'autant mieux appliquer après à tous les autres auxquels elles conviendraient. Puis, ayant pris garde que pour les connaître j'aurais quelquefois besoin de les considérer chacune en particulier, et quelquefois seulement de les retenir, ou de les comprendre plusieurs ensemble, je pensai que, pour les considérer mieux en particulier, je les devais supposer en des lignes, à cause que je ne trouvais rien de plus simple, ni que je pusse plus distinctement représenter à mon imagination et à mes sens; mais que, pour les retenir, ou les comprendre plusieurs ensemble, il fallait que je les expliquasse par quelques chiffres les plus courts qu'il

serait possible; et que, par ce moyen, j'emprunterais tout le meilleur de l'analyse géométrique et de l'algèbre, et corrigerais tous les défauts de l'une par l'autre.

Первое из этих правил заключалось в том, чтобы никогда не принимать за истину ничего, что я бы явно не познал как таковое, — то есть тщательно избегать поспешности и предубеждения, и не включать в свои суждения ничего, кроме того, что представлялось бы моему уму столь ясно и отчётливо, что у меня не оставалось бы никакого повода усомниться в этом.

Второе — делить каждую из трудностей, подвергаемых рассмотрению, на столько частей, сколько возможно и необходимо для их лучшего разрешения.

Третье — направлять свои мысли в порядке, начиная с объектов самых простых и наиболее лёгких для познания, чтобы постепенно, как по ступеням, восходить к познанию более сложных, допуская при этом даже порядок между теми, что не предшествуют друг другу по своей природе.

(Пояснение переводчика: «supposant même de l'ordre entre ceux qui ne se précèdent point naturellement les uns les autres» — «допуская даже порядок между теми...». Эта формулировка указывает на методологическую волю к упорядочиванию, даже если таковой порядок в предметах не заложен.)

И, наконец, четвёртое — делать везде такие полные обзоры и столь всеобъемлющие пересмотры, чтобы быть уверенным, что ничто не упущено.

Эти длинные цепи простых и лёгких рассуждений, которыми геометры обычно пользуются для достижения самых трудных доказательств, дали мне повод вообразить, что всё, что может быть познано человеком, также может быть выведено по подобной логике; и что, если только не принимать ничего за истину, кроме действительно такового, и соблюдать должный порядок вывода, то нет столь отдалённой истины, до которой в итоге нельзя было бы добраться, и столь скрытой, которую нельзя было бы раскрыть.

И мне не составило труда понять, с чего следует начать: ведь я уже знал, что начинать надо с самых простых и наилегче познаваемых вещей; и, учитывая, что среди всех, кто когда-либо искал истину в науках, только математики смогли достичь каких-либо доказательств — то есть достоверных и очевидных оснований, — я не сомневался, что и мне следует пойти по их пути; хотя я и не ожидал от этого никакой иной пользы, кроме как приучить свой ум к истинным суждениям и научить его не довольствоваться ложными.

Однако я не ставил себе целью изучать все частные науки, которые обычно называют математикой; и, видя, что, хотя их предметы различны, все они сходятся в том, что рассматривают лишь отношения и пропорции между вещами, я решил, что лучше будет исследовать эти пропорции вообще, не предполагая их ни в чём, кроме как в предметах, которые могли бы облегчить их

познание, и не ограничивая их рамками этих предметов, чтобы затем тем легче применять их ко всем другим, к которым они подходят.

Затем, заметив, что для их познания иногда потребуется рассматривать каждую в отдельности, а иногда — запомнить или понять несколько сразу, я подумал, что, чтобы рассматривать их лучше поодиночке, мне следует предполагать их в линиях, поскольку я не нашёл ничего более простого и того, что я мог бы столь ясно представить своему воображению и чувствам; но чтобы их запомнить или понять вместе, надо бы было выражать их посредством кратчайших возможных обозначений, то есть чисел. И таким образом я заимствую всё лучшее из геометрического анализа и алгебры, исправляя недостатки каждой из них при помощи другой.

**ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ. НЕКОТОРЫЕ ПРАВИЛА МОРАЛИ,
ВЫВЕДЕННЫЕ ИЗ МЕТОДА**

TROISIEME PARTIE

**QUELQUES REGLES DE LA MORALE TIREE DE LA
METHODE**

Et enfin, comme ce n'est pas assez, avant de commencer à rebâtir le logis où on demeure, que de l'abattre, et de faire provision de matériaux et d'architectes, ou s'exercer soi-même à l'architecture, et outre cela d'en avoir soigneusement tracé de dessin, mais qu'il faut aussi s'être pourvu de quelque autre où on puisse être logé commodément pendant le temps qu'on y travaillera; ainsi, afin que je ne demeurasse point irrésolu en mes actions, pendant que la raison m'obligerait de l'être en mes jugements, et que je ne laissasse pas de vivre dès lors le plus heureusement que je pourrais, je me formai une morale par provision, qui ne consistait qu'en trois ou quatre maximes dont je veux bien vous faire part.

И наконец, подобно тому как недостаточно, прежде чем начать перестраивать дом, в котором живёшь, просто снести его, запастись материалами и архитекторами, или самому научиться архитектуре, и даже тщательно начертить план, — но необходимо также заранее обзавестись иным жильём, где можно будет удобно обитать во время строительства, — так и я, чтобы не пребывать в нерешительности в своих поступках в то время, как разум требует сдержанности в суждениях, и чтобы уже тогда жить насколько возможно счастливо,

составил для себя временную мораль. Она состояла лишь из трёх или четырёх максим, которыми я охотно с вами поделюсь.

(Пояснение переводчика: «morale par provision» — «временная мораль». Важно отметить грамматическую конструкцию: «par provision» указывает на предварительный, временный, но необходимый набор норм, служащий практическим ориентиром до завершения фундаментального философского переустройства.)

La première était d'obéir aux lois et aux coutumes de mon pays, retenant constamment la religion en laquelle Dieu m'a fait la grâce d'être instruit dès mon enfance, et me gouvernant en toute autre chose suivant les opinions les plus modérées et les plus éloignées de l'excès qui fussent communément reçues en pratique par les mieux sensés de ceux avec lesquels j'aurais à vivre. Car, commençant dès lors à ne compter pour rien les miennes propres, à cause que je les voulais remettre toutes à l'examen, j'étais assuré de ne pouvoir mieux que de suivre celles des mieux sensés. Et encore qu'il y en ait peut-être d'aussi bien sensés parmi les Perses ou les Chinois que parmi nous, il me semblait que le plus utile était de me régler selon ceux avec lesquels j'aurais à vivre; et que, pour savoir quelles étaient véritablement leurs opinions, je devais plutôt prendre garde à ce qu'ils pratiquaient qu'à ce qu'ils disaient, non seulement à cause qu'en la corruption de nos moeurs il y a peu de gens qui veuillent dire tout ce qu'ils croient, mais aussi à cause que plusieurs l'ignorent eux-mêmes; car l'action de la pensée par laquelle on croit une chose étant

différente de celle par laquelle on connaît qu'on la croit, elles sont souvent l'une sans l'autre. Et, entre plusieurs opinions également reçues, je ne choisissais que les plus modérées, tant à cause que ce sont toujours les plus commodes pour la pratique, et vraisemblablement les meilleures, tous excès ayant coutume d'être mauvais, comme aussi afin de me détourner moins du vrai chemin, en cas que je faillisse, que si, ayant choisi l'un des extrêmes, c'eût été l'autre qu'il eût fallu suivre. Et particulièrement je mettais entre les excès toutes les promesses par lesquelles on retranche quelque chose de sa liberté; non que je désapprouvasse les lois, qui, pour remédier à l'inconstance des esprits faibles, permettent, lorsqu'on a quelque bon dessein, ou même, pour la sûreté du commerce, quelque dessein qui n'est qu'indifférent, qu'on fasse des vœux ou des contrats qui obligent à y persévérer: mais à cause que je ne voyais au monde aucune chose qui demeurât toujours en même état, et que, pour mon particulier, je me promettais de perfectionner de plus en plus mes

jugements, et non point de les rendre pires, j'eusse pensé commettre une grande faute contre le bon sens, si, pour ce que j'approuvais alors quelque chose, je me fusse obligé de la prendre pour bonne encore après, lorsqu'elle aurait peut-être cessé de l'être, ou que j'aurais cessé de l'estimer telle.

Первое правило заключалось в том, чтобы подчиняться законам и обычаям своей страны, неизменно сохраняя религию, в которой Бог даровал мне благодать быть

наставленным с детства, и во всём остальном руководствоваться мнениями наиболее умеренными и наименее крайними среди тех, которые общеприняты в практике наиболее рассудительных из тех, с кем мне предстояло жить.

Поскольку я с того времени уже перестал придавать вес собственным мнениям, потому что намеревался подвергнуть их пересмотру, я был уверен, что ничто не будет лучше, чем следовать взглядам людей разумных.

И хотя, возможно, среди персов или китайцев есть не менее разумные, чем среди нас, мне казалось, что полезнее всего будет сообразовываться с теми, с кем мне суждено жить; и что, чтобы узнать их подлинные убеждения, следует скорее наблюдать за тем, как они поступают, чем за тем, что они говорят — не только потому, что в силу испорченности нравов немногие хотят говорить то, что действительно думают, но и потому, что многие не ведают этого и сами: ведь действие мысли, с помощью которого мы во что-то верим, отличается от того, с помощью которого мы осознаём, что верим, — и они часто существуют друг без друга.

(Пояснение переводчика: «l'action de la pensée par laquelle on croit une chose étant différente de celle par laquelle on connaît qu'on la croit» — «действие мысли, с помощью которого мы верим...». Здесь Декарт тонко различает уровни сознания, подчёркивая расхождение между непосредственным убеждением и его рефлексивным осознанием.)

И среди множества одинаково признанных мнений я выбирал лишь самые умеренные — как потому, что они всегда наиболее пригодны для практики и, по всей вероятности, лучшие, поскольку всякий чрезмерность, как правило, вредна, — так и для того, чтобы, в случае ошибки, я отклонился от истинного пути не столь далеко, как если бы выбрал одну из крайностей, а следовать надо было бы другой.

Особенно я относил к крайностям все обещания, которые отнимают часть свободы; не потому, что я отвергал законы, позволяющие, чтобы противодействовать непостоянству слабых умов, давать обеты или заключать договоры, обязывающие к стойкости в добрых, а иногда и просто безразличных намерениях, — но потому, что не видел в мире ничего, что пребывало бы в неизменности, и потому что я лично рассчитывал лишь на совершенствование своих суждений, а не на их ухудшение.

И я счёл бы это великой ошибкой против здравого смысла — если бы, признавая нечто правильным в данный момент, я обязался бы считать это правильным и впредь, даже когда оно, возможно, перестанет быть таковым или я перестану так его оценивать.

Ma seconde maxime était d'être le plus ferme et le plus résolu en mes actions que je pourrais, et de ne suivre pas moins constamment les opinions les plus douteuses lorsque je m'y serais une fois déterminé, que si elles eussent été très assurées: imitant en ceci les voyageurs, qui, se trouvant égarés en quelque forêt, ne doivent pas

errer en tournoyant tantôt d'un côté tantôt d'un autre, ni encore moins s'arrêter en une place, mais marcher toujours le plus droit qu'ils peuvent vers un même côté, et ne le changer point pour de faibles raisons, encore que ce n'ait peut-être été au commencement que le hasard seul qui les ait déterminés à le choisir; car, par ce moyen, s'ils ne vont justement où ils désirent, ils arriveront au moins à la fin quelque part où vraisemblablement ils seront mieux que dans le milieu d'une forêt. Et ainsi les actions de la vie ne souffrant souvent aucun délai, c'est une vérité très certaine que, lorsqu'il n'est pas en notre pouvoir de discerner les plus vraies opinions, nous devons suivre les plus probables; et même qu'encore que nous ne remarquions point davantage de probabilité aux unes qu'aux autres, nous devons néanmoins nous déterminer à quelques-unes, et les considérer après, non plus comme douteuses en tant qu'elles se rapportent à la pratique, mais comme très vraies et très certaines, à cause que la raison qui nous y a fait déterminer se trouve telle. Et ceci fut capable dès lors de me délivrer de tous les repentirs et les remords qui ont coutume d'agiter les consciences de ces esprits faibles et chancelants qui se laissent aller inconstamment à pratiquer comme bonnes les choses qu'ils jugent après être mauvaises.

Моя вторая максима заключалась в том, чтобы быть как можно более твёрдым и решительным в своих поступках и следовать выбранному направлению не менее последовательно, даже если оно основывалось на сомнительных мнениях, чем если бы они были совершенно достоверными: подражая в этом

путешественникам, которые, оказавшись заблудшими в лесу, не должны метаться, поворачивая то в одну, то в другую сторону, и тем более — останавливаться на месте, но должны идти как можно более прямо в каком-то одном направлении и не менять его без серьёзных причин, даже если первоначально это направление было выбрано лишь случайно.

Ибо таким образом, пусть они и не придут туда, куда стремились, но, по крайней мере, в конце концов выберутся куда-то, что, вероятно, будет лучше, чем оставаться в чаще леса.

Так как действия в жизни зачастую не терпят промедления, то весьма верно, что, когда невозможно определить, какое мнение истиннее, следует следовать наиболее вероятному; и даже если ни одно из мнений не кажется более вероятным, всё же необходимо выбрать какое-то одно и впоследствии не считать его сомнительным в том, что касается практики, но принимать его как истинное и достоверное — потому что именно таковым его делает разум, заставивший нас остановиться на нём.

(Пояснение переводчика: «*mais comme très vraies et très certaines, à cause que la raison qui nous y a fait déterminer se trouve telle*» — «как истинное и достоверное... потому что таковым его делает разум». Здесь Декарт утверждает приоритет решимости и последовательности действия над полной эпистемологической уверенностью, что составляет суть его прагматической этики.)

И это правило с самого начала избавило меня от всяких угрызений совести и сожалений, которые обычно мучают слабые и колеблющиеся умы, позволяющие себе поступать как бы во имя добра, а затем судящие эти поступки как дурные.

Ma troisième maxime était de tâcher toujours plutôt à me vaincre que la fortune, et à changer mes désirs que l'ordre du monde, et généralement de m'accoutumer à croire qu'il n'y a rien qui soit entièrement en notre pouvoir que nos pensées, en sorte qu'après que nous avons fait notre mieux touchant les choses qui nous sont extérieures, tout ce qui manque de nous réussir est au regard de nous absolument impossible. Et ceci seul me semblait être suffisant pour m'empêcher de rien désirer à l'avenir que je n'acquiesce, et ainsi pour me rendre content; car notre volonté ne se portant naturellement à désirer que les choses que notre entendement lui représente en quelque façon comme possibles, il est certain que si nous considérons tous les biens qui sont hors de nous comme également éloignés de notre pouvoir, nous n'aurons pas plus de regret de manquer de ceux qui semblent être dus à notre naissance, lorsque nous en serons privés sans notre faute, que nous avons de ne posséder pas les royaumes de la Chine ou de Mexique; et que faisant, comme on dit, de nécessité vertu, nous ne désirerons pas davantage d'être sains étant malades, ou d'être libres étant en prison, que nous faisons maintenant d'avoir des corps d'une matière

aussi peu corruptible que les diamants, ou des ailes pour voler comme les oiseaux. Mais j'avoue qu'il est besoin d'un long exercice, et d'une méditation souvent réitérée,

pour s'accoutumer à regarder de ce biais toutes les choses; et je crois que c'est principalement en ceci que consistait le secret de ces philosophes qui ont pu autrefois se soustraire de l'empire de la fortune, et, malgré les douleurs et la pauvreté, disputer de la félicité avec leurs dieux. Car, s'occupant sans cesse à considérer les bornes qui leur étaient prescrites par la nature, ils se persuadaient si parfaitement que rien n'était en leur pouvoir que leurs pensées, que cela seul était suffisant pour les empêcher d'avoir aucune affection pour d'autres choses; et ils disposaient d'elles si absolument qu'ils avaient en cela quelque raison de s'estimer plus riches et plus puissants et plus libres et plus heureux qu'aucun des autres hommes, qui, n'ayant point cette philosophie, tant favorisés de la nature et de la fortune qu'ils puissent être, ne disposent jamais ainsi de tout ce qu'ils veulent.

Моей третьей максимой было стремление побеждать скорее самого себя, чем судьбу, изменять свои желания, а не порядок мира, и вообще приучать себя к мысли, что ничто не находится в полной нашей власти, кроме наших мыслей. Таким образом, после того как мы сделали всё возможное в отношении внешних обстоятельств, всё, что не удалось, следует считать для нас абсолютно невозможным.

И этого одного, как мне казалось, было бы достаточно, чтобы не желать впредь ничего, чего я не могу достичь, а значит, быть довольным. Ведь наша воля по природе своей стремится лишь к тем вещам, которые наш разум представляет ей как в каком-то смысле возможные; а

если мы будем рассматривать все внешние блага как одинаково удалённые от нашей власти, то будем сожалеть об утрате тех, что кажутся должными по рождению, не больше, чем о том, что не владеем царствами Китая или Мексики. И, делая, как говорится, добродетель из необходимости, мы не будем больше желать быть здоровыми, будучи больными, или быть свободными, находясь в заключении, чем сейчас желаем иметь тела из столь же неразрушимого вещества, как алмазы, или крылья, чтобы летать, как птицы.

(Пояснение переводчика: «faire de nécessité vertu» — «делать добродетель из необходимости». Это выражение отражает стоическое отношение к судьбе и предопределённости, перекликающееся с античной этикой самодостаточности.)

Однако я признаю, что необходимо долго упражняться и многократно размышлять, чтобы привыкнуть смотреть на вещи в таком свете; и думаю, что именно в этом, главным образом, заключался секрет тех философов, которые в древности могли освободиться от власти судьбы и, несмотря на страдания и нищету, состязаться в счастье с богами.

Ибо, неустанно размышляя о границах, предписанных им природой, они столь совершенно убеждали себя в том, что ничто, кроме мыслей, не подвластно им, что уже этого было достаточно, чтобы не питать ни к чему другому никакой привязанности; и они так совершенно распоряжались своими мыслями, что в этом отношении имели основание считать себя богаче, могущественнее, свободнее и счастливее всех прочих людей, которые, не

обладая этой философией, сколь бы ни были они одарены природой и судьбой, никогда не могут столь полно распоряжаться тем, чего они желают.

Enfin, pour conclusion de cette morale, je m'avisai de faire une revue sur les diverses occupations qu'ont les hommes en cette vie, pour tâcher à faire choix de la meilleure; et, sans que je veuille rien dire de celles des autres, je pensai que je ne pouvais mieux que de continuer en celle-là même où je me trouvais, c'est-à-dire que d'employer toute ma vie à cultiver ma raison, et m'avancer autant que je pourrais en la connaissance de la vérité, suivant la méthode que je m'étais prescrite. J'avais éprouvé de si extrêmes contentements depuis que j'avais commencé à me servir de cette méthode, que je ne croyais pas qu'on en put recevoir de plus doux ni de plus innocents en cette vie; et découvrant tous les jours par son moyen quelques vérités qui me semblaient assez importantes et communément ignorées des autres hommes, la satisfaction que j'en avais remplissait tellement mon esprit que tout le reste ne me touchait point. Outre que les trois maximes précédentes n'étaient fondées que sur le dessein que j'avais de continuer à m'instruire; car Dieu nous ayant donné à chacun quelque lumière pour discerner le vrai d'avec le faux, je n'eusse pas cru me devoir contenter des opinions d'autrui un seul moment, si je ne me fusse proposé d'employer mon propre jugement à les examiner lorsqu'il serait temps; et je n'eusse su m'exempter de scrupule en les suivant, si je n'eusse espéré de ne perdre pour cela aucune occasion d'en trouver de meilleures en cas qu'il y en eût; et enfin, je n'eusse su borner mes désirs ni être content, si je n'eusse

suivi un chemin par lequel, pensant être assuré de l'acquisition de toutes les connaissances dont je serais capable, je le pensais être par même moyen de celle de tous les vrais biens qui seraient jamais en mon pouvoir; d'autant que, notre volonté ne se portant à suivre ni à fuir aucune chose que selon que notre entendement la lui représente bonne ou mauvaise, il suffit de bien juger pour bien faire, et de juger le mieux qu'on puisse pour faire aussi tout son mieux, c'est-à-dire pour acquérir toutes les vertus, et ensemble tous les autres biens qu'on puisse acquérir; et lorsqu'on est certain que cela est, on ne saurait manquer d'être content.

И, наконец, завершая изложение этой морали, я решил рассмотреть различные занятия, которыми заняты люди в жизни, чтобы попытаться выбрать наилучшее из них. И, не желая ничего утверждать о занятиях других, я подумал, что мне лучше всего продолжать то, чем я уже занимался, — то есть посвятить всю свою жизнь развитию разума и продвижению в познании истины, следуя методу, который я себе наметил.

С тех пор как я начал применять этот метод, я испытал столь глубокое удовлетворение, что не верил, будто в этой жизни возможно обрести нечто более приятное и безвредное; и поскольку каждый день с его помощью я открывал истины, которые казались мне достаточно важными и в то же время, по-видимому, неизвестными большинству людей, то удовлетворение от этих открытий так наполняло мой дух, что всё остальное не волновало меня.

Кроме того, три предыдущие максимы основывались исключительно на намерении продолжать обучение: ибо, если Бог дал каждому из нас некий свет, чтобы различать истину и ложь, я бы не счёл возможным довольствоваться одними чужими мнениями даже на мгновение, если бы не рассчитывал впоследствии исследовать их собственным разумом, когда придёт время.

(Пояснение переводчика: «si je ne me fusse proposé d'employer mon propre jugement à les examiner» — «если бы не рассчитывал впоследствии исследовать их собственным разумом». Указание на внутреннюю временную установку, обосновывающую временное принятие общепринятого.)

И я бы не мог избежать внутреннего сомнения, следуя им, если бы не надеялся, что не упущу возможности найти мнения лучше, если такие окажутся; и, наконец, я бы не смог ограничить свои желания и быть довольным, если бы не следовал пути, на котором, полагая, что могу обрести все знания, к которым способен, я тем самым верил, что таким же образом обрету и все истинные блага, которые когда-либо окажутся в моей власти.

Поскольку наша воля направляется к стремлению или отвращению в зависимости от того, как наш разум представляет ей вещь как хорошую или дурную, то достаточно судить правильно, чтобы поступать правильно, а судить наилучшим образом — значит действовать наилучшим образом, то есть стяжать все добродетели и, вместе с тем, все прочие блага, которые

можно обрести. И если мы уверены в этом, нам невозможно не быть довольными.

Après m'être ainsi assuré de ces maximes, et les avoir mises à part avec les vérités de la foi, qui ont toujours été les premières en ma créance, je jugeai que pour tout le reste de mes opinions je pouvais librement entreprendre de m'en défaire. Et d'autant que j'espérais en pouvoir mieux venir à bout en conversant avec les hommes qu'en demeurant plus longtemps renfermé dans le poêle où j'avais eu toutes ces pensées, l'hiver n'était pas encore bien achevé que je me remis à voyager. Et en toutes les neuf années suivantes je ne fis autre chose que rouler ça et là dans le monde, tâchant d'y être spectateur plutôt qu'acteur en toutes les comédies qui s'y jouent; et, faisant particulièrement réflexion en chaque matière sur ce qui la pouvait rendre suspecte et nous donner occasion de nous méprendre, je déracinais cependant de mon esprit toutes les erreurs qui s'y étaient pu glisser auparavant. Non que j'imitasse pour cela les sceptiques, qui ne doutent que pour douter, et affectent d'être toujours irrésolus; car, au contraire, tout mon dessein ne tendait qu'à m'assurer, et à rejeter la terre mouvante et le sable pour trouver le roc ou l'argile. Ce qui me réussissait, ce me semble, assez bien, d'autant que, tâchant à découvrir la fausseté ou l'incertitude des propositions que j'examinais, non par de faibles conjectures, mais par des raisonnements clairs et assurés, je n'en rencontrais point de si douteuse que je n'en tirasse toujours quelque conclusion assez certaine, quand ce n'eût été que cela même qu'elle ne contenait rien de certain. Et, comme, en abattant un vieux logis, on en

réserve ordinairement les démolitions pour servir à en bâtir un nouveau, ainsi, en détruisant toutes celles de mes opinions que je jugeais être mal fondées, je faisais diverses observations et acquérais plusieurs expériences qui m'ont servi depuis à en établir de plus certaines. Et de plus je continuais à m'exercer en la méthode que je m'étais prescrite; car, outre que j'avais soin de conduire généralement toutes mes pensées selon les règles, je me réservais de temps en temps quelques heures, que j'employais particulièrement à la pratiquer en des difficultés de mathématique, ou même aussi en quelques autres que je pouvais rendre quasi semblables à celles des mathématiques, en les détachant de tous les principes des autres sciences que je ne trouvais pas assez fermes, comme vous verrez que j'ai fait en plusieurs qui sont expliquées en ce volume². Et ainsi, sans vivre d'autre façon en apparence que ceux qui, n'ayant aucun emploi qu'à passer une vie douce et innocente, s'étudient à séparer les plaisirs des vices, et qui, pour jouir de leur loisir sans s'ennuyer, usent de tous les divertissements qui sont honnêtes, je ne laissais pas de poursuivre en mon dessein et de profiter en la connaissance de la vérité, peut-être plus que si je n'eusse fait que lire des livres ou fréquenter des gens de lettres.

После того как я таким образом утвердился в этих максимах и отложил их в сторону вместе с истинами веры, которые всегда были первыми в моих убеждениях, я пришёл к выводу, что могу свободно предпринять избавление от всех остальных своих мнений.

И поскольку я надеялся справиться с этим лучше, находясь среди людей, нежели оставаясь взаперти в отапливаемом помещении, где мне пришли все эти мысли, я не стал дожидаться конца зимы и снова отправился в путешествие.

И на протяжении последующих девяти лет я не делал ничего, кроме как странствовал по миру, стараясь быть в нём скорее зрителем, чем участником всех тех комедий, что в нём разыгрываются; и, размышляя в каждой ситуации о том, что в ней может вызвать сомнение и привести к ошибке, я постепенно выкорчёвывал из своего ума все ошибки, которые могли туда закрасться прежде.

Не то чтобы я подражал скептикам, которые сомневаются только ради сомнения и делают из нерешительности показную добродетель; напротив, всё моё намерение сводилось к тому, чтобы обрести уверенность и заменить зыбкий песок и болото на твёрдую скалу или глину.

И, как мне кажется, мне это довольно хорошо удавалось, поскольку, стремясь обнаружить ложность или ненадёжность исследуемых положений не с помощью слабых догадок, а с помощью ясных и убедительных рассуждений, я не встречал ни одного столь сомнительного утверждения, из которого не мог бы извлечь какого-либо вполне достоверного заключения — хотя бы то, что оно не содержит в себе ничего достоверного.

(Пояснение переводчика: «quand ce n'eût été que cela même qu'elle ne contenait rien de certain» — «хотя бы то, что оно не содержит в себе ничего достоверного». Здесь

Декарт демонстрирует парадоксальное достоинство метода сомнения: даже отказ в истине есть позитивное знание.)

И подобно тому, как при сносе старого дома обычно сохраняют пригодные строительные материалы для нового, так и я, разрушая те свои убеждения, что считал непрочными, делал различные наблюдения и приобретал разнообразный опыт, который впоследствии помог мне основать более надёжные.

Более того, я продолжал упражняться в методе, который сам себе предписал: помимо того, что я направлял свои мысли в общем согласно его правилам, я также выделял время на то, чтобы применять его к математическим задачам или иным трудностям, которые можно было привести в форму, сходную с математической, устранив из них все принципы прочих наук, не казавшихся мне достаточно прочными, как вы увидите на ряде примеров, приведённых в этом томе.

И таким образом, хотя внешне я ничем не отличался от тех, кто, не имея другого занятия, как жить спокойно и невинно, стремится отделить удовольствие от порока и, чтобы наслаждаться досугом без скуки, пользуется всеми дозволенными развлечениями, — я всё же не отступал от своей цели и, быть может, продвигался в познании истины больше, чем если бы только читал книги или общался с учёными.

Toutefois ces neuf ans s'écoulèrent avant que j'eusse encore pris aucun parti touchant les difficultés qui ont coutume d'être disputées entre les doctes, ni commencé à chercher les fondements d'aucune philosophie plus certaine que la

2 Renvoi aux trois traités non proposés ici: La Dioptrique, Les Météores et La Géométrie. (N.d.É.)

vulgaire. Et l'exemple de plusieurs excellents esprits qui, en ayant eu ci-devant le dessein, me semblaient n'y avoir pas réussi, m'y faisait imaginer tant de difficulté que je n'eusse peut-être pas encore sitôt osé l'entreprendre, si je n'eusse vu que quelques-uns faisaient déjà courir le bruit que j'en étais venu à bout. Je ne saurais pas dire sur quoi ils fondaient cette opinion; et si j'y ai contribué quelque chose par mes discours, ce doit avoir été en confessant plus ingénument ce que j'ignorais que n'ont coutume de faire ceux qui ont un peu étudié, et peut-être aussi eu faisant voir les raisons que j'avais de douter de beaucoup de choses que les autres estiment certaines, plutôt qu'en me vantant d'aucune doctrine. Mais ayant le coeur assez bon pour ne vouloir point qu'on me prit pour autre que je n'étais, je pensai qu'il fallait que je tâchasse par tous moyens à me rendre digne de la réputation qu'on me donnait; et il y a justement huit ans que ce désir me fit résoudre à m'éloigner de tous les lieux où je pouvais avoir des connaissances, et à me retirer ici, en un pays³ où la longue durée de la guerre a fait établir de tels ordres, que les armées qu'on y entretient ne semblent servir qu'à faire qu'on y jouisse des fruits de la paix avec d'autant plus de sûreté, et où, parmi la foule d'un grand peuple fort actif,

et plus soigneux de ses propres affaires que curieux de celles d'autrui, sans manquer d'aucune des commodités qui sont dans les villes les plus fréquentées, j'ai pu vivre aussi solitaire et retiré que dans les déserts les plus écartés.

Однако эти девять лет прошли, прежде чем я предпринял какие-либо шаги в отношении тех трудностей, что обычно вызывают споры среди учёных, или начал искать основания какой-либо философии, более достоверной, чем обыденная.

И пример многих выдающихся умов, которые прежде имели такую же цель, но, как мне казалось, не достигли её, внушал мне представление о таких трудностях, что я, возможно, ещё долго не решился бы на этот шаг, если бы не заметил, что некоторые уже пускают слухи, будто я в этом преуспел.

Не могу сказать, на чём основывалось их мнение; и если я как-то способствовал его возникновению своими речами, то, вероятно, скорее тем, что более искренне признавался в своём неведении, чем это принято среди тех, кто немного поучился, — и, возможно, ещё тем, что показывал причины своих сомнений в отношении вещей, которые другие считают несомненными, — нежели хвастовством какой-либо доктриной.

(Пояснение переводчика: «en confessant plus ingénument se que j'ignorais...» — «признавался в своём неведении». В этом обороте раскрывается критическое и скромное начало картезианской философии, где признание незнания — первый шаг к истинному знанию.)

Но, обладая достаточно честным сердцем, чтобы не желать, чтобы меня принимали за того, кем я не являюсь, я решил всеми средствами стараться стать достойным той репутации, которая мне приписывалась.

И вот уже восемь лет, как это желание побудило меня удалиться от всех мест, где я мог бы иметь знакомства, и уединиться здесь, в стране, где долгая война привела к установлению таких порядков, что армии, размещённые здесь, служат лишь для того, чтобы позволить наслаждаться плодами мира с тем большей безопасностью; и где среди множества деятельных людей, более занятых своими делами, чем любопытных до чужих, не испытывая недостатка ни в одном удобстве, присущем самым многолюдным городам, я смог жить столь же уединённо и замкнуто, как в самых отдалённых пустынях.

TROISIEME PARTIE

QUELQUES REGLES DE LA MORALE TIREE DE LA METHODE

Et enfin, comme ce n'est pas assez, avant de commencer à rebâtir le logis où on demeure, que de l'abattre, et de faire provision de matériaux et d'architectes, ou s'exercer soi-même à l'architecture, et outre cela d'en avoir soigneusement tracé de dessin, mais qu'il faut aussi s'être pourvu de quelque autre où on puisse être logé commodément pendant le temps qu'on y travaillera; ainsi, afin que je ne demeurasse point irrésolu en mes actions, pendant que la raison m'obligerait de l'être en mes jugements, et que je ne laissasse pas de vivre dès lors le plus heureusement que je pourrais, je me formai une morale par provision, qui ne consistait qu'en trois ou quatre maximes dont je veux bien vous faire part.

ChatGPT said:

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

НЕКОТОРЫЕ ПРАВИЛА МОРАЛИ, ВЫВЕДЕННЫЕ ИЗ МЕТОДА

И наконец, подобно тому как недостаточно, прежде чем начать перестраивать дом, в котором живёшь, просто снести его, запастись материалами и архитекторами, или самому научиться архитектуре, и даже тщательно начертить план, — но необходимо также заранее обзавестись иным жильём, где можно будет удобно обитать во время строительства, — так и я, чтобы не пребывать в нерешительности в своих поступках в то время, как разум требует сдержанности в суждениях, и чтобы уже тогда жить насколько возможно счастливо, составил для себя временную мораль. Она состояла лишь

из трёх или четырёх максим, которыми я охотно с вами поделюсь.

(Пояснение переводчика: «morale par provision» — «временная мораль». Важно отметить грамматическую конструкцию: «par provision» указывает на предварительный, временный, но необходимый набор норм, служащий практическим ориентиром до завершения фундаментального философского переустройства.)

You said:

La première était d'obéir aux lois et aux coutumes de mon pays, retenant constamment la religion en laquelle Dieu m'a fait la grâce d'être instruit dès mon enfance, et me gouvernant en toute autre chose suivant les opinions les plus modérées et les plus éloignées de l'excès qui fussent communément reçues en pratique par les mieux sensés de ceux avec lesquels j'aurais à vivre. Car, commençant dès lors à ne compter pour rien les miennes propres, à cause que je les voulais remettre toutes à l'examen, j'étais assuré de ne pouvoir mieux que de suivre celles des mieux sensés. Et encore qu'il y en ait peut-être d'aussi bien sensés parmi les Perses ou les Chinois que parmi nous, il me semblait que le plus utile était de me régler selon ceux avec lesquels j'aurais à vivre; et que, pour savoir quelles étaient véritablement leurs opinions, je devais plutôt prendre garde à ce qu'ils pratiquaient qu'à ce qu'ils disaient, non seulement à cause qu'en la corruption de nos moeurs il y a peu

de gens qui veulent dire tout ce qu'ils croient, mais aussi à cause que plusieurs l'ignorent eux-mêmes; car l'action de la pensée par laquelle on croit une chose étant différente de celle par laquelle on connaît qu'on la croit, elles sont souvent l'une sans l'autre. Et, entre plusieurs opinions également reçues, je ne choisisais que les plus modérées, tant à cause que ce sont toujours les plus commodes pour la pratique, et vraisemblablement les meilleures, tous excès ayant coutume d'être mauvais, comme aussi afin de me détourner moins du vrai chemin, en cas que je faillisse, que si, ayant choisi l'un des extrêmes, c'eût été l'autre qu'il eût fallu suivre. Et particulièrement je mettais entre les excès toutes les promesses par lesquelles on retranche quelque chose de sa liberté; non que je désapprouvasse les lois, qui, pour remédier à l'inconstance des esprits faibles, permettent, lorsqu'on a quelque bon dessein, ou même, pour la sûreté du commerce, quelque dessein qui n'est qu'indifférent, qu'on fasse des vœux ou des contrats qui obligent à y persévérer: mais à cause que je ne voyais au monde aucune chose qui demeurât toujours en même état, et que, pour mon particulier, je me promettais de perfectionner de plus en plus mes

jugements, et non point de les rendre pires, j'eusse pensé commettre une grande faute contre le bon sens, si, pour ce que j'approuvais alors quelque chose, je me fusse obligé de la prendre pour bonne encore après, lorsqu'elle aurait peut-être cessé de l'être, ou que j'aurais cessé de l'estimer telle.

ChatGPT said:

Первое правило заключалось в том, чтобы подчиняться законам и обычаям своей страны, неизменно сохраняя религию, в которой Бог даровал мне благодать быть

наставленным с детства, и во всём остальном руководствоваться мнениями наиболее умеренными и наименее крайними среди тех, которые общеприняты в практике наиболее рассудительных из тех, с кем мне предстояло жить.

Поскольку я с того времени уже перестал придавать вес собственным мнениям, потому что намеревался подвергнуть их пересмотру, я был уверен, что ничто не будет лучше, чем следовать взглядам людей разумных.

И хотя, возможно, среди персов или китайцев есть не менее разумные, чем среди нас, мне казалось, что полезнее всего будет сообразовываться с теми, с кем мне суждено жить; и что, чтобы узнать их подлинные убеждения, следует скорее наблюдать за тем, как они поступают, чем за тем, что они говорят — не только потому, что в силу испорченности нравов немногие хотят говорить то, что действительно думают, но и потому, что многие не ведают этого и сами: ведь действие мысли, с помощью которого мы во что-то верим, отличается от того, с помощью которого мы осознаём, что верим, — и они часто существуют друг без друга.

(Пояснение переводчика: «l'action de la pensée par laquelle on croit une chose étant différente de celle par laquelle on connaît qu'on la croit» — «действие мысли, с помощью которого мы верим...». Здесь Декарт тонко различает уровни сознания, подчёркивая расхождение между непосредственным убеждением и его рефлексивным осознанием.)

И среди множества одинаково признанных мнений я выбирал лишь самые умеренные — как потому, что они всегда наиболее пригодны для практики и, по всей вероятности, лучшие, поскольку всякий чрезмерность, как правило, вредна, — так и для того, чтобы, в случае ошибки, я отклонился от истинного пути не столь далеко, как если бы выбрал одну из крайностей, а следовать надо было бы другой.

Особенно я относил к крайностям все обещания, которые отнимают часть свободы; не потому, что я отвергал законы, позволяющие, чтобы противодействовать непостоянству слабых умов, давать обеты или заключать договоры, обязывающие к стойкости в добрых, а иногда и просто безразличных намерениях, — но потому, что не видел в мире ничего, что пребывало бы в неизменности, и потому что я лично рассчитывал лишь на совершенствование своих суждений, а не на их ухудшение.

И я счёл бы это великой ошибкой против здравого смысла — если бы, признавая нечто правильным в данный момент, я обязался бы считать это правильным и впредь, даже когда оно, возможно, перестанет быть таковым или я перестану так его оценивать.

You said:

Ma seconde maxime était d'être le plus ferme et le plus résolu en mes actions que je pourrais, et de ne suivre pas moins constamment les opinions les plus douteuses lorsque je m'y serais une fois déterminé, que si elles eussent été très assurées: imitant en ceci les voyageurs, qui, se trouvant égarés en quelque forêt, ne doivent pas errer en tournoyant tantôt d'un côté tantôt d'un autre, ni encore moins s'arrêter en une place, mais marcher toujours le plus droit qu'ils peuvent vers un même côté, et ne le changer point pour de faibles raisons, encore que ce n'ait peut-être été au commencement que le hasard seul qui les ait déterminés à le choisir; car, par ce moyen, s'ils ne vont justement où ils désirent, ils arriveront au moins à la fin quelque part où vraisemblablement ils seront mieux que dans le milieu d'une forêt. Et ainsi les actions de la vie ne souffrant souvent aucun délai, c'est une vérité très certaine que, lorsqu'il n'est pas en notre pouvoir de discerner les plus vraies opinions, nous devons suivre les plus probables; et même qu'encore que nous ne remarquions point davantage de probabilité aux unes qu'aux autres, nous devons néanmoins nous déterminer à quelques-unes, et les considérer après, non plus comme douteuses en tant qu'elles se rapportent à la pratique, mais comme très vraies et très certaines, à cause que la raison qui nous y a fait déterminer se trouve telle. Et ceci fut capable dès lors de me délivrer de tous les repentirs et les remords qui ont coutume d'agiter les consciences de ces esprits faibles et chancelants qui se laissent aller inconstamment à pratiquer comme bonnes les choses qu'ils jugent après être mauvaises.

ChatGPT said:

Моя вторая максима заключалась в том, чтобы быть как можно более твёрдым и решительным в своих поступках

и следовать выбранному направлению не менее последовательно, даже если оно основывалось на сомнительных мнениях, чем если бы они были совершенно достоверными: подражая в этом путешественникам, которые, оказавшись заблудшими в лесу, не должны метаться, поворачивая то в одну, то в другую сторону, и тем более — останавливаться на месте, но должны идти как можно более прямо в каком-то одном направлении и не менять его без серьёзных причин, даже если первоначально это направление было выбрано лишь случайно.

Ибо таким образом, пусть они и не придут туда, куда стремились, но, по крайней мере, в конце концов выберутся куда-то, что, вероятно, будет лучше, чем оставаться в чаще леса.

Так как действия в жизни зачастую не терпят промедления, то весьма верно, что, когда невозможно определить, какое мнение истиннее, следует следовать наиболее вероятному; и даже если ни одно из мнений не кажется более вероятным, всё же необходимо выбрать какое-то одно и впоследствии не считать его сомнительным в том, что касается практики, но принимать его как истинное и достоверное — потому что именно таковым его делает разум, заставивший нас остановиться на нём.

(Пояснение переводчика: «mais comme très vraies et très certaines, à cause que la raison qui nous y a fait déterminer se trouve telle» — «как истинное и достоверное... потому что таковым его делает разум». Здесь Декарт утверждает приоритет решимости и последовательности действия

над полной эпистемологической уверенностью, что составляет суть его прагматической этики.)

И это правило с самого начала избавило меня от всяких угрызений совести и сожалений, которые обычно мучают слабые и колеблющиеся умы, позволяющие себе поступать как бы во имя добра, а затем судящие эти поступки как дурные.

You said:

Ma troisième maxime était de tâcher toujours plutôt à me vaincre que la fortune, et à changer mes désirs que l'ordre du monde, et généralement de m'accoutumer à croire qu'il n'y a rien qui soit entièrement en notre pouvoir que nos pensées, en sorte qu'après que nous avons fait notre mieux touchant les choses qui nous sont extérieures, tout ce qui manque de nous réussir est au regard de nous absolument impossible. Et ceci seul me semblait être suffisant pour m'empêcher de rien désirer à l'avenir que je n'acquiesse, et ainsi pour me rendre content; car notre volonté ne se portant naturellement à désirer que les choses que notre entendement lui représente en quelque façon comme possibles, il est certain que si nous considérons tous les biens qui sont hors de nous comme également éloignés de notre pouvoir, nous n'aurons pas plus de regret de manquer de ceux qui semblent être dus à notre naissance, lorsque nous en serons privés sans notre faute, que nous avons de ne posséder pas les royaumes de la Chine ou de Mexique; et que faisant, comme on dit, de nécessité vertu,

nous ne désirerons pas davantage d'être sains étant malades, ou d'être libres étant en prison, que nous faisons maintenant d'avoir des corps d'une matière

aussi peu corruptible que les diamants, ou des ailes pour voler comme les oiseaux. Mais j'avoue qu'il est besoin d'un long exercice, et d'une méditation souvent réitérée, pour s'accoutumer à regarder de ce biais toutes les choses; et je crois que c'est principalement en ceci que consistait le secret de ces philosophes qui ont pu autrefois se soustraire de l'empire de la fortune, et, malgré les douleurs et la pauvreté, disputer de la félicité avec leurs dieux. Car, s'occupant sans cesse à considérer les bornes qui leur étaient prescrites par la nature, ils se persuadaient si parfaitement que rien n'était en leur pouvoir que leurs pensées, que cela seul était suffisant pour les empêcher d'avoir aucune affection pour d'autres choses; et ils disposaient d'elles si absolument qu'ils avaient en cela quelque raison de s'estimer plus riches et plus puissants et plus libres et plus heureux qu'aucun des autres hommes, qui, n'ayant point cette philosophie, tant favorisés de la nature et de la fortune qu'ils puissent être, ne disposent jamais ainsi de tout ce qu'ils veulent.

ChatGPT said:

Моей третьей максимой было стремление побеждать скорее самого себя, чем судьбу, изменять свои желания, а не порядок мира, и вообще приучать себя к мысли, что ничто не находится в полной нашей власти, кроме наших мыслей. Таким образом, после того как мы сделали всё возможное в отношении внешних обстоятельств, всё, что не удалось, следует считать для нас абсолютно невозможным.

И этого одного, как мне казалось, было бы достаточно, чтобы не желать впредь ничего, чего я не могу достичь, а значит, быть довольным. Ведь наша воля по природе своей стремится лишь к тем вещам, которые наш разум представляет ей как в каком-то смысле возможные; а если мы будем рассматривать все внешние блага как одинаково удалённые от нашей власти, то будем сожалеть об утрате тех, что кажутся должными по рождению, не больше, чем о том, что не владеем царствами Китая или Мексики. И, делая, как говорится, добродетель из необходимости, мы не будем больше желать быть здоровыми, будучи больными, или быть свободными, находясь в заключении, чем сейчас желаем иметь тела из столь же неразрушимого вещества, как алмазы, или крылья, чтобы летать, как птицы.

(Пояснение переводчика: «faire de nécessité vertu» — «делать добродетель из необходимости». Это выражение отражает стоическое отношение к судьбе и предопределённости, перекликающееся с античной этикой самодостаточности.)

Однако я признаю, что необходимо долго упражняться и многократно размышлять, чтобы привыкнуть смотреть на вещи в таком свете; и думаю, что именно в этом, главным образом, заключался секрет тех философов, которые в древности могли освободиться от власти судьбы и, несмотря на страдания и нищету, состязаться в счастье с богами.

Ибо, неустанно размышляя о границах, предписанных им природой, они столь совершенно убеждали себя в том,

что ничто, кроме мыслей, не подвластно им, что уже этого было достаточно, чтобы не питать ни к чему другому никакой привязанности; и они так совершенно распоряжались своими мыслями, что в этом отношении имели основание считать себя богаче, могущественнее, свободнее и счастливее всех прочих людей, которые, не обладая этой философией, сколь бы ни были они одарены природой и судьбой, никогда не могут столь полно распоряжаться тем, чего они желают.

You said:

Enfin, pour conclusion de cette morale, je m'avisai de faire une revue sur les diverses occupations qu'ont les hommes en cette vie, pour tâcher à faire choix de la meilleure; et, sans que je veuille rien dire de celles des autres, je pensai que je ne pouvais mieux que de continuer en celle-là même où je me trouvais, c'est-à-dire que d'employer toute ma vie à cultiver ma raison, et m'avancer autant que je pourrais en la connaissance de la vérité, suivant la méthode que je m'étais prescrite. J'avais éprouvé de si extrêmes contentements depuis que j'avais commencé à me servir de cette méthode, que je ne croyais pas qu'on en put recevoir de plus doux ni de plus innocents en cette vie; et découvrant tous les jours par son moyen quelques vérités qui me semblaient assez importantes et communément ignorées des autres hommes, la satisfaction que j'en avais remplissait tellement mon esprit que tout le reste ne me touchait point. Outre que les trois maximes précédentes n'étaient fondées que sur le dessein que

j'avais de continuer à m'instruire; car Dieu nous ayant donné à chacun quelque lumière pour discerner le vrai d'avec le faux, je n'eusse pas cru me devoir contenter des opinions d'autrui un seul moment, si je ne me fusse proposé d'employer mon propre jugement à les examiner lorsqu'il serait temps; et je n'eusse su m'exempter de scrupule en les suivant, si je n'eusse espéré de ne perdre pour cela aucune occasion d'en trouver de meilleures en cas qu'il y en eût; et enfin, je n'eusse su borner mes désirs ni être content, si je n'eusse suivi un chemin par lequel, pensant être assuré de l'acquisition de toutes les connaissances dont je serais capable, je le pensais être par même moyen de celle de tous les vrais biens qui seraient jamais en mon pouvoir; d'autant que, notre volonté ne se portant à suivre ni à fuir aucune chose que selon que notre entendement la lui représente bonne ou mauvaise, il suffit de bien juger pour bien faire, et de juger le mieux qu'on puisse pour faire aussi tout son mieux, c'est-à-dire pour acquérir toutes les vertus, et ensemble tous les autres biens qu'on puisse acquérir; et lorsqu'on est certain que cela est, on ne saurait manquer d'être content.

ChatGPT said:

И, наконец, завершая изложение этой морали, я решил рассмотреть различные занятия, которыми заняты люди в жизни, чтобы попытаться выбрать наилучшее из них. И, не желая ничего утверждать о занятиях других, я подумал, что мне лучше всего продолжать то, чем я уже занимался, — то есть посвятить всю свою жизнь развитию разума и продвижению в познании истины, следуя методу, который я себе наметил.

С тех пор как я начал применять этот метод, я испытал столь глубокое удовлетворение, что не верил, будто в этой жизни возможно обрести нечто более приятное и безвредное; и поскольку каждый день с его помощью я открывал истины, которые казались мне достаточно важными и в то же время, по-видимому, неизвестными большинству людей, то удовлетворение от этих открытий так наполняло мой дух, что всё остальное не волновало меня.

Кроме того, три предыдущие максимы основывались исключительно на намерении продолжать обучение: ибо, если Бог дал каждому из нас некий свет, чтобы различать истину и ложь, я бы не счёл возможным довольствоваться одними чужими мнениями даже на мгновение, если бы не рассчитывал впоследствии исследовать их собственным разумом, когда придёт время.

(Пояснение переводчика: «si je ne me fusse proposé d'employer mon propre jugement à les examiner» — «если бы не рассчитывал впоследствии исследовать их собственным разумом». Указание на внутреннюю временную установку, обосновывающую временное принятие общепринятого.)

И я бы не мог избежать внутреннего сомнения, следуя им, если бы не надеялся, что не упущу возможности найти мнения лучше, если такие окажутся; и, наконец, я бы не смог ограничить свои желания и быть довольным, если бы не следовал пути, на котором, полагая, что могу обрести все знания, к которым способен, я тем самым

верил, что таким же образом обрету и все истинные блага, которые когда-либо окажутся в моей власти.

Поскольку наша воля направляется к стремлению или отвращению в зависимости от того, как наш разум представляет ей вещь как хорошую или дурную, то достаточно судить правильно, чтобы поступать правильно, а судить наилучшим образом — значит действовать наилучшим образом, то есть стяжать все добродетели и, вместе с тем, все прочие блага, которые можно обрести. И если мы уверены в этом, нам невозможно не быть довольными.

You said:

Après m'être ainsi assuré de ces maximes, et les avoir mises à part avec les vérités de la foi, qui ont toujours été les premières en ma créance, je jugeai que pour tout le reste de mes opinions je pouvais librement entreprendre de m'en défaire. Et d'autant que j'espérais en pouvoir mieux venir à bout en conversant avec les hommes qu'en demeurant plus longtemps renfermé dans le poêle où j'avais eu toutes ces pensées, l'hiver n'était pas encore bien achevé que je me remis à voyager. Et en toutes les neuf années suivantes je ne fis autre chose que rouler ça et là dans le monde, tâchant d'y être spectateur plutôt qu'acteur en toutes les comédies qui s'y jouent; et, faisant particulièrement réflexion en chaque matière sur ce qui la pouvait rendre suspecte et nous donner occasion de nous méprendre, je déracinais cependant de mon

esprit toutes les erreurs qui s'y étaient pu glisser auparavant. Non que j'imitasse pour cela les sceptiques, qui ne doutent que pour douter, et affectent d'être toujours irrésolus; car, au contraire, tout mon dessein ne tendait qu'à m'assurer, et à rejeter la terre mouvante et le sable pour trouver le roc ou l'argile. Ce qui me réussissait, ce me semble, assez bien, d'autant que, tâchant à découvrir la fausseté ou l'incertitude des propositions que j'examinais, non par de faibles conjectures, mais par des raisonnements clairs et assurés, je n'en rencontrais point de si douteuse que je n'en tirasse toujours quelque conclusion assez certaine, quand ce n'eût été que cela même qu'elle ne contenait rien de certain. Et, comme, en abattant un vieux logis, on en réserve ordinairement les démolitions pour servir à en bâtir un nouveau, ainsi, en détruisant toutes celles de mes opinions que je jugeais être mal fondées, je faisais diverses observations et acquérais plusieurs expériences qui m'ont servi depuis à en établir de plus certaines. Et de plus je continuais à m'exercer en la méthode que je m'étais prescrite; car, outre que j'avais soin de conduire généralement toutes mes pensées selon les règles, je me réservais de temps en temps quelques heures, que j'employais particulièrement à la pratiquer en des difficultés de mathématique, ou même aussi en quelques autres que je pouvais rendre quasi semblables à celles des mathématiques, en les détachant de tous les principes des autres sciences que je ne trouvais pas assez fermes, comme vous verrez que j'ai fait en plusieurs qui sont expliquées en ce volume². Et ainsi, sans vivre d'autre façon en apparence que ceux qui, n'ayant aucun emploi qu'à passer une vie douce et innocente, s'étudient à séparer les plaisirs des vices, et qui, pour jouir de leur loisir sans s'ennuyer, usent de tous les divertissements qui sont honnêtes, je ne laissais pas de poursuivre en mon dessein et de profiter en la connaissance de la vérité, peut-être plus

que si je n'eusse fait que lire des livres ou fréquenter des gens de lettres.

ChatGPT said:

После того как я таким образом утвердился в этих максимах и отложил их в сторону вместе с истинами веры, которые всегда были первыми в моих убеждениях, я пришёл к выводу, что могу свободно предпринять избавление от всех остальных своих мнений.

И поскольку я надеялся справиться с этим лучше, находясь среди людей, нежели оставаясь взаперти в отапливаемом помещении, где мне пришли все эти мысли, я не стал дожидаться конца зимы и снова отправился в путешествие.

И на протяжении последующих девяти лет я не делал ничего, кроме как странствовал по миру, стараясь быть в нём скорее зрителем, чем участником всех тех комедий, что в нём разыгрываются; и, размышляя в каждой ситуации о том, что в ней может вызвать сомнение и привести к ошибке, я постепенно выкорчёвывал из своего ума все ошибки, которые могли туда закрасться прежде.

Не то чтобы я подражал скептикам, которые сомневаются только ради сомнения и делают из нерешительности показную добродетель; напротив, всё моё намерение сводилось к тому, чтобы обрести уверенность и заменить зыбкий песок и болото на твёрдую скалу или глину.

И, как мне кажется, мне это довольно хорошо удавалось, поскольку, стремясь обнаружить ложность или

ненадёжность исследуемых положений не с помощью слабых догадок, а с помощью ясных и убедительных рассуждений, я не встречал ни одного столь сомнительного утверждения, из которого не мог бы извлечь какого-либо вполне достоверного заключения — хотя бы то, что оно не содержит в себе ничего достоверного.

(Пояснение переводчика: «quand ce n'eût été que cela même qu'elle ne contenait rien de certain» — «хотя бы то, что оно не содержит в себе ничего достоверного». Здесь Декарт демонстрирует парадоксальное достоинство метода сомнения: даже отказ в истине есть позитивное знание.)

И подобно тому, как при сносе старого дома обычно сохраняют пригодные строительные материалы для нового, так и я, разрушая те свои убеждения, что считал непрочными, делал различные наблюдения и приобретал разнообразный опыт, который впоследствии помог мне основать более надёжные.

Более того, я продолжал упражняться в методе, который сам себе предписал: помимо того, что я направлял свои мысли в общем согласно его правилам, я также выделял время на то, чтобы применять его к математическим задачам или иным трудностям, которые можно было привести в форму, сходную с математической, устранив из них все принципы прочих наук, не казавшихся мне достаточно прочными, как вы увидите на ряде примеров, приведённых в этом томе.

И таким образом, хотя внешне я ничем не отличался от тех, кто, не имея другого занятия, как жить спокойно и невинно, стремится отделить удовольствие от порока и, чтобы наслаждаться досугом без скуки, пользуется всеми дозволенными развлечениями, — я всё же не отступал от своей цели и, быть может, продвигался в познании истины больше, чем если бы только читал книги или общался с учёными.

You said:

Toutefois ces neuf ans s'écoulèrent avant que j'eusse encore pris aucun parti touchant les difficultés qui ont coutume d'être disputées entre les doctes, ni commencé à chercher les fondements d'aucune philosophie plus certaine que la

2 Renvoi aux trois traités non proposés ici: La Dioptrique, Les Météores et La Géométrie. (N.d.É.)

vulgaire. Et l'exemple de plusieurs excellents esprits qui, en ayant eu ci-devant le dessein, me semblaient n'y avoir pas réussi, m'y faisait imaginer tant de difficulté que je n'eusse peut-être pas encore sitôt osé l'entreprendre, si je n'eusse vu que quelques-uns faisaient déjà courir le bruit que j'en étais venu à bout. Je ne saurais pas dire sur quoi ils fondaient cette opinion; et si j'y ai contribué quelque chose par mes discours, ce doit avoir été en confessant plus ingénument ce que j'ignorais que n'ont coutume de faire ceux qui ont un peu étudié, et peut-être aussi eu faisant voir les raisons que j'avais

de douter de beaucoup de choses que les autres estiment certaines, plutôt qu'en me vantant d'aucune doctrine. Mais ayant le coeur assez bon pour ne vouloir point qu'on me prit pour autre que je n'étais, je pensai qu'il fallait que je tâchasse par tous moyens à me rendre digne de la réputation qu'on me donnait; et il y a justement huit ans que ce désir me fit résoudre à m'éloigner de tous les lieux où je pouvais avoir des connaissances, et à me retirer ici, en un pays³ où la longue durée de la guerre a fait établir de tels ordres, que les armées qu'on y entretient ne semblent servir qu'à faire qu'on y jouisse des fruits de la paix avec d'autant plus de sûreté, et où, parmi la foule d'un grand peuple fort actif, et plus soigneux de ses propres affaires que curieux de celles d'autrui, sans manquer d'aucune des commodités qui sont dans les villes les plus fréquentées, j'ai pu vivre aussi solitaire et retiré que dans les déserts les plus écartés.

ChatGPT said:

Однако эти девять лет прошли, прежде чем я предпринял какие-либо шаги в отношении тех трудностей, что обычно вызывают споры среди учёных, или начал искать основания какой-либо философии, более достоверной, чем обыденная.

И пример многих выдающихся умов, которые прежде имели такую же цель, но, как мне казалось, не достигли её, внушал мне представление о таких трудностях, что я, возможно, ещё долго не решился бы на этот шаг, если бы не заметил, что некоторые уже пускают слухи, будто я в этом преуспел.

Не могу сказать, на чём основывалось их мнение; и если я как-то способствовал его возникновению своими речами, то, вероятно, скорее тем, что более искренне признавался в своём неведении, чем это принято среди тех, кто немного поучился, — и, возможно, ещё тем, что показывал причины своих сомнений в отношении вещей, которые другие считают несомненными, — нежели хвастовством какой-либо доктриной.

(Пояснение переводчика: «*en confessant plus ingénument se que j'ignorais...*» — «признавался в своём неведении». В этом обороте раскрывается критическое и скромное начало картезианской философии, где признание незнания — первый шаг к истинному знанию.)

Но, обладая достаточно честным сердцем, чтобы не желать, чтобы меня принимали за того, кем я не являюсь, я решил всеми средствами стараться стать достойным той репутации, которая мне приписывалась.

И вот уже восемь лет, как это желание побудило меня удалиться от всех мест, где я мог бы иметь знакомства, и уединиться здесь, в стране, где долгая война привела к установлению таких порядков, что армии, размещённые здесь, служат лишь для того, чтобы позволить наслаждаться плодами мира с тем большей безопасностью; и где среди множества деятельных людей, более занятых своими делами, чем любопытных до чужих, не испытывая недостатка ни в одном удобстве, присущем самым многолюдным городам, я смог жить столь же уединённо и замкнуто, как в самых отдалённых пустынях.

**ЧЕТВЁРТАЯ ЧАСТЬ. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ,
ИЛИ ОСНОВАНИЯ МЕТАФИЗИКИ**

QUATRIEME PARTIE

**PREUVES DE L'EXISTENCE DE DIEU ET DE L'AME
HUMAINE OU FONDEMENTS DE LA
METAPHYSIQUE**

Je ne sais si je dois vous entretenir des premières méditations que j'y ai faites; car elles sont si métaphysiques et si peu communes, qu'elles ne seront peut-être pas au goût de tout le monde: et toutefois, afin qu'on puisse juger si les fondements que j'ai pris sont assez fermes, je me trouve en quelque façon contraint d'en parler. J'avais dès longtemps remarqué que pour les moeurs il est besoin quelquefois de suivre des opinions qu'on sait être fort incertaines, tout de même que si elles étaient indubitables, ainsi qu'il a été dit ci-dessus: mais pour ce qu'alors je désirais vaquer seulement à la recherche de la vérité, je pensai qu'il fallait que je fisse tout le contraire, et que je rejetasse comme absolument faux tout ce en quoi je pourrais imaginer le moindre doute, afin de voir s'il ne resterait point après cela quelque chose en ma créance qui fût entièrement indubitable. Ainsi, à cause que nos sens nous trompent quelquefois, je voulus supposer qu'il n'y avait aucune chose qui fût telle qu'ils nous la font imaginer; et parce qu'il y a des hommes qui se méprennent en raisonnant, même touchant les plus simples matières de géométrie, et y font des paralogismes, jugeant que j'étais sujet à faillir autant qu'aucun autre, je rejetai comme fausses toutes les raisons que j'avais prises auparavant pour démonstrations; et enfin, considérant

que toutes les mêmes pensées que nous avons étant éveillés nous peuvent aussi venir quand nous dormons, sans qu'il y en ait aucune pour lors qui soit vraie, je me résolus de feindre que toutes les choses qui m'étaient jamais entrées en l'esprit n'étaient non plus vraies que les illusions de mes songes. Mais aussitôt après je pris garde que, pendant que je voulais ainsi penser que tout était faux, il fallait nécessairement que moi qui le pensais fusse quelque chose; et remarquant que cette vérité: Je pense, donc je suis, était si ferme et si assurée, que toutes les plus extravagantes suppositions des sceptiques n'étaient pas capables de l'ébranler, je jugeai que je pouvais la recevoir sans scrupule pour le premier principe de la philosophie que je cherchais.

Puis, examinant avec attention ce que j'étais, et voyant que je pouvais feindre que je n'avais aucun corps, et qu'il n'y avait aucun monde ni aucun lieu où je fusse; mais que je ne pouvais pas feindre pour cela que je n'étais point; et qu'au contraire de cela même que je pensais à douter de la vérité des autres choses, il suivait très évidemment et très certainement que j'étais; au lieu que si j'eusse seulement cessé de penser, encore que tout le reste de ce que j'avais jamais imaginé eût été vrai, je n'avais aucune raison de croire que j'eusse été; je connus de là que j'étais une substance dont toute l'essence ou la nature n'est que de penser, et qui pour être n'a besoin d'aucun lieu ni ne dépend d'aucune chose matérielle. En sorte que ce moi, c'est-à-dire l'âme, par laquelle je suis ce que je

suis, est entièrement distincte du corps, et même qu'elle est plus aisée à connaître que lui, et qu'encore qu'il ne fût point, elle ne laisserait pas d'être tout ce qu'elle est.

Не знаю, стоит ли мне делиться с вами первыми размышлениями, которые я тогда предпринял; ибо они столь метафизичны и столь необычны, что, возможно, придутся не по вкусу каждому. И всё же, чтобы можно было судить, насколько прочны основания, которые я избрал, я в некотором роде вынужден о них рассказать.

Я давно заметил, что в вопросах нравственности иногда необходимо следовать мнениям, которые, хотя и кажутся весьма сомнительными, нужно принимать так, как если бы они были несомненны, — как уже говорилось выше; но поскольку тогда я стремился лишь к познанию истины, я решил поступить наоборот и отвергать как заведомо ложное всё, в чём мог бы вообразить хотя бы малейшее сомнение, чтобы увидеть, останется ли после этого нечто в моей вере, что будет совершенно несомненно.

Таким образом, поскольку чувства иногда нас обманывают, я захотел предположить, что ничто не существует в той форме, в какой они нам это представляют; и поскольку есть люди, которые ошибаются в рассуждениях даже по самым простым вопросам геометрии, и совершают паралогизмы, то, считая, что я столь же подвержен ошибкам, как и любой другой, я отверг как ложные все доводы, которые прежде принимал за доказательства; и, наконец, учитывая, что те же самые мысли, что приходят нам наяву, могут посещать и во сне — причём тогда они, как правило, ложны, — я решил притвориться, будто всё, что когда-

либо входило в мой разум, не более реально, чем иллюзии снов.

Но сразу же после этого я заметил, что пока я думаю, будто всё ложно, необходимо, чтобы я, тот, кто так думает, был чем-то; и, осознав, что истина «Я мыслю, следовательно, я существую» (фр. «Je pense, donc je suis») столь крепка и несокрушима, что ни одно, даже самое невероятное допущение скептиков не может её поколебать, я решил без колебаний принять её в качестве первого принципа искомой мною философии.

(Пояснение переводчика: «Je pense, donc je suis» — «Я мыслю, следовательно, я существую». Это знаменитое *cogito* Декарта — не столько логическое умозаключение, сколько интуитивная очевидность, служащая якорем для всей его метафизики.)

Затем, внимательно исследуя, чем я являюсь, и замечая, что я могу вообразить, будто не имею тела, что нет ни мира, ни места, в котором я нахожусь, но не могу вообразить при этом, что меня вовсе нет, — и что, напротив, из самого акта моего сомнения в истинности всего прочего следует с предельной очевидностью и достоверностью моё существование; тогда как если бы я только перестал мыслить, то, даже если бы всё остальное, что я когда-либо воображал, было бы истиной, у меня не было бы никакого основания полагать, что я существую, — я заключил из этого, что я есть некая субстанция, сущность или природа которой состоит только в мышлении, и для существования которой не требуется ни место, ни зависимость от чего-либо материального.

Таким образом, это «я», то есть душа, посредством которой я и являюсь тем, кто я есть, совершенно отлична от тела, и даже более легко познаваема, чем оно; и, даже если бы тела не существовало вовсе, душа не перестала бы быть всем тем, чем она является.

Après cela je considèrai en général ce qui est requis à une proposition pour être vraie et certaine; car puisque je venais d'en trouver une que je savais être telle, je pensai que je devais aussi savoir en quoi consiste cette certitude. Et ayant remarqué qu'il n'y a rien du tout en ceci: je pense, donc je suis, qui m'assure que je dis la vérité, sinon que je vois très clairement que pour penser il faut être, je jugeai que je pouvais prendre pour règle générale que les choses que nous concevons fort clairement et fort distinctement sont toutes vraies, mais qu'il y a seulement quelque difficulté à bien remarquer quelles sont celles que nous concevons distinctement.

En suite de quoi, faisant réflexion sur ce que je doutais, et que, par conséquent, mon être n'était pas tout parfait, car je voyais clairement que c'était une plus grande perfection de connaître, que de douter, je m'avisai de chercher d'où j'avais appris à penser à quelque chose de plus parfait que je n'étais; et je connus évidemment que ce devait être de quelque nature qui fût en effet plus parfaite. Pour ce qui est des pensées que j'avais de plusieurs autres choses hors de moi, comme du ciel, de la terre, de la lumière, de la chaleur, et de mille autres, je n'étais point tant en peine de savoir d'où elles venaient, à cause que, ne remarquant rien en elles qui me semblât les rendre supérieures à moi, je pouvais croire que, si elles étaient vraies, c'étaient des dépendances de ma nature, en tant qu'elle avait quelque

perfection, et, si elles ne l'étaient pas, que je les tenais du néant, c'est-à-dire qu'elles étaient en moi pour ce que j'avais du défaut. Mais ce ne pouvait être le même de l'idée d'un être plus parfait que le mien: car, de la tenir du néant, c'était chose manifestement impossible: et pour ce qu'il n'y a pas moins de répugnance que le plus parfait soit une suite et une dépendance du moins parfait, qu'il y en a que de rien procède quelque chose, je ne la pouvais tenir non plus de moi-même: de façon qu'il restait qu'elle eût été mise en moi par une nature qui fût véritablement plus parfaite que je n'étais, et même qui eût en soi toutes les perfections dont je pouvais avoir quelque idée, c'est à dire, pour m'expliquer en un mot, qui fût Dieu. À quoi j'ajoutai que, puisque je connaissais quelques perfections que je n'avais point, je n'étais pas le seul être qui existât (j'userai, s'il vous plaît, ici librement des mots de l'École); mais qu'il fallait de nécessité, qu'il y en eût quelque autre plus parfait, duquel je dépendisse, et duquel j'eusse acquis tout ce que j'avais: car, si j'eusse été seul et indépendant de tout autre, en sorte que j'eusse eu de moi-même tout ce peu que je participais de l'Être parfait, j'eusse pu avoir de moi, par même raison, tout le surplus que je connaissais me manquer, et ainsi être moi-même infini, éternel, immuable, tout connaissant, tout puissant, et enfin avoir toutes les perfections que je pouvais remarquer être en Dieu. Car, suivant les raisonnements que je viens de faire, pour connaître la nature de Dieu, autant que la mienne en était capable, je

n'avais qu'à considérer, de toutes les choses dont je trouvais en moi quelque idée, si c'était perfection ou non de les posséder; et j'étais assuré qu'aucune de celles qui marquaient quelque imperfection n'était en lui, mais que

toutes les autres y étaient: comme je voyais que le doute, l'inconstance, la tristesse, et choses semblables, n'y pouvaient être, vu que j'eusse été moi-même bien aisé d'en être exempt. Puis, outre cela, j'avais des idées de plusieurs choses sensibles et corporelles; car, quoique je supposasse que je rêvais et que tout ce que je voyais ou imaginais était faux, je ne pouvais nier toutefois que les idées n'en fussent véritablement en ma pensée; mais pour ce que j'avais déjà connu en moi très clairement que la nature intelligente est distincte de la corporelle; considérant que toute composition témoigne de la dépendance, et que la dépendance est manifestement un défaut, je jugeais de là que ce ne pouvait être une perfection en Dieu d'être composé de ces deux natures, et que par conséquent il ne l'était pas; mais que s'il y avait quelques corps dans le monde, ou bien quelques intelligences ou autres natures qui ne fussent point toutes parfaites, leur être devait dépendre de sa puissance, en telle sorte qu'elles ne pouvaient subsister sans lui un seul moment.

После этого я стал размышлять вообще о том, что требуется, чтобы суждение было истинным и достоверным; ибо, раз я только что нашёл одно, о котором знал, что оно таково, я подумал, что должен также понять, в чём заключается эта достоверность. И, заметив, что в истине «Я мыслю, следовательно, я существую» нет ничего, что бы подтверждало её истинность, кроме того, что я ясно вижу: чтобы мыслить, необходимо существовать, — я решил, что могу взять в качестве общего правила следующее: всё, что мы воспринимаем совершенно ясно и отчётливо, истинно; но при этом есть некая трудность в том, чтобы точно

определить, какие именно вещи мы воспринимаем ясно и отчётливо.

Затем, размышляя о своём сомнении и, следовательно, о том, что моё бытие несовершенно — ибо я ясно видел, что знание есть большая степень совершенства, чем сомнение, — я задался вопросом, откуда мне пришла мысль о чём-то более совершенном, чем я сам. И я явно понял, что она должна была прийти от некой природы, которая в самом деле более совершенна.

Что касается мыслей о прочих вещах вне меня — небе, земле, свете, тепле и многом другом, — то я не особенно беспокоился об их источнике, ибо, не замечая в них ничего, что казалось бы выше меня, я мог полагать, что если они и истинны, то являются производными моей природы, поскольку она обладает некоторым совершенством; а если нет — то я получил их из небытия, то есть они пребывают во мне в силу моего несовершенства.

Но с идеей существа более совершенного, чем я, дело обстояло иначе: полагать, что она происходит из небытия, было явно невозможно; и так же, как нелепо думать, будто из ничего происходит нечто, столь же нелепо предполагать, что более совершенное происходит от менее совершенного. Следовательно, я не мог обладать этой идеей сам по себе. Оставалось, что она вложена во меня некой природой, действительно превосходящей меня и обладающей всеми теми совершенствами, о которых у меня есть хоть какое-то представление, то есть, чтобы выразиться одним словом, Богом.

(Пояснение переводчика: «qu'il y en eût quelque autre plus parfait, duquel je dépendisse» — «что должно существовать нечто более совершенное, от чего я завишу». Здесь Декарт логически выводит идею Бога как основания бытия, исходя из невозможности автогенеза несовершенного «я».)

Я добавил к этому, что раз я осознаю в себе наличие несовершенств, которых не должно быть у совершенного существа, значит, я не единственное существующее существо; пользуясь терминологией Школы, необходимо признать существование иного, более совершенного, от которого я завишу и от которого получил всё, чем обладаю.

Ибо если бы я был единственным и независимым, если бы всё, что я в себе нахожу от совершенного существа, происходило от меня самого, то я по той же причине мог бы обладать и всем остальным, чего мне недостаёт, — и тогда был бы сам бесконечен, вечен, неизменен, всезнающ и всемогущ, и обладал бы всеми совершенствами, которые приписываю Богу.

Ибо, согласно только что изложенным рассуждениям, чтобы познать природу Бога настолько, насколько это доступно моей природе, мне нужно было лишь рассмотреть, является ли совершенством наличие каждой из идей, что во мне содержатся; и я был уверен, что всё, что содержит в себе хоть малейшую долю несовершенства, не может быть в Боге, а всё остальное — есть в Нём.

Так я видел, что сомнение, непостоянство, печаль и тому подобное не могут быть свойственны Богу, поскольку я сам с радостью избавился бы от них.

Кроме того, у меня были идеи многих чувственных и телесных вещей; и хотя я предполагал, что, быть может, сплю и всё, что я вижу или воображаю, ложно, я не мог отрицать, что идеи этих вещей действительно присутствуют в моём сознании. Но поскольку я уже ясно познал, что природа мыслящая отличается от телесной, и, учитывая, что всякая составность свидетельствует о зависимости, а зависимость — это явно несовершенство, я заключил отсюда, что быть составным из этих двух природ не может быть совершенством Бога, и, следовательно, Бог таковым не является.

Но если в мире и существуют тела, или разумные существа, или иные природы, не обладающие всей полнотой совершенства, то их бытие должно зависеть от Его могущества, так что они не могли бы существовать без Него ни на мгновение.

Je voulus chercher après cela d'autres vérités; et m'étant proposé l'objet des géomètres, que je concevais comme un corps continu, ou un espace indéfiniment étendu en longueur, largeur et hauteur ou profondeur, divisible en diverses parties, qui pouvaient avoir diverses figures et grandeurs, et être mues ou transposées en toutes sortes, car les géomètres supposent tout cela en leur objet, je parcourus quelques-unes de leurs plus simples démonstrations; et, ayant pris garde que cette grande certitude, que tout le monde leur attribue, n'est fondée que sur ce qu'on les conçoit évidemment, suivant la règle

que j'ai tantôt dite, je pris garde aussi qu'il n'y avait rien du tout en elles qui m'assurât de l'existence de leur objet: car, par exemple, je voyais bien que, supposant un triangle, il fallait que ses trois angles fussent égaux à deux droits, mais je ne voyais rien pour cela qui m'assurât qu'il y eût au monde aucun triangle: au lieu que, revenant à examiner l'idée que j'avais d'un être parfait, je trouvais que l'existence y était comprise en même façon qu'il est compris en celle d'un triangle que ses trois angles sont égaux à deux droits, ou en celle d'une sphère que toutes ses parties sont également distantes de son centre, ou même encore plus évidemment; et que par conséquent il est pour le moins aussi certain que Dieu, qui est cet Être parfait, est ou existe, qu'aucune démonstration de géométrie le saurait être.

После этого я захотел отыскать и другие истины; и, взяв за предмет рассмотрения объект геометров — который я представлял себе как непрерывное тело или пространство, неограниченно протянутое в длину, ширину и высоту (или глубину), делимое на различные части, способные принимать разные формы и размеры и перемещаться любыми способами, — ибо всё это геометры предполагают в своём предмете, — я рассмотрел некоторые из их наиболее простых доказательств.

И, заметив, что та высокая достоверность, которую им приписывают все, основана лишь на том, что они воспринимаются с очевидностью, в соответствии с упомянутым ранее правилом, я также заметил, что в них

совершенно ничего не указывает на существование самих объектов.

Так, например, я ясно видел, что если предположить треугольник, то его три угла должны быть равны двум прямым; но при этом я не видел ничего, что бы удостоверяло в том, что где-либо в мире существует хотя бы один треугольник.

Зато, когда я снова обратился к идее, которую имел о совершенном существе, я обнаружил, что существование заключено в ней столь же необходимым образом, как в понятии треугольника заключено равенство трёх его углов двум прямым, или в понятии сферы — равная удалённость всех её точек от центра, и даже с ещё большей очевидностью.

(Пояснение переводчика: «plus évidemment» — «ещё более очевидно». Декарт здесь утверждает, что идея Бога включает в себя существование с логической необходимостью, в большей степени, чем геометрические аксиомы — свои свойства.)

И следовательно, по меньшей мере столь же достоверно, что Бог — это совершенное Существо — существует, как и любое геометрическое доказательство.

Mais ce qui fait qu'il y en a plusieurs qui se persuadent qu'il y a de la difficulté à le connaître, et même aussi à connaître ce que c'est que leur âme, c'est qu'ils n'élèvent jamais leur esprit au-delà des choses sensibles, et qu'ils

сont tellement accoutumés à ne rien considérer qu'en l'imaginant, qui est une façon de penser particulière pour les choses matérielles, que tout ce qui n'est pas imaginable, leur semble n'être pas intelligible. Ce qui est assez manifeste de ce

que même les philosophes tiennent pour maxime, dans les écoles, qu'il n'y a rien dans l'entendement qui n'ait premièrement été dans le sens, où toutefois il est certain que les idées de Dieu et de l'âme n'ont jamais été. Et il me semble que ceux qui veulent user de leur imagination pour les comprendre font tout de même que si, pour ouïr les sons ou sentir les odeurs, ils se voulaient servir de leurs yeux: sinon qu'il y a encore cette différence, que le sens de la vue ne nous assure pas moins de la vérité de ses objets que font ceux de l'odorat ou de l'ouïe; au lieu que ni notre imagination ni nos sens ne nous sauraient jamais assurer d'aucune chose si notre entendement n'y intervient.

Но причина, по которой многие убеждены, что постичь существование Бога, а равно и понять, что есть их душа, — трудно, заключается в том, что они никогда не возводят свой ум выше чувственно воспринимаемых вещей и настолько привыкли рассматривать всё исключительно через воображение — форму мышления, свойственную лишь материальным предметам, — что всё, что невозможно вообразить, им кажется непостижимым.

Это вполне очевидно уже из того, что даже философы в школах утверждают в качестве максимы: «в разуме нет ничего, чего бы прежде не было в чувствах», в то время

как совершенно ясно, что идеи Бога и души никогда не были даны в чувственном опыте.

(Пояснение переводчика: «qu'il n'y a rien dans l'entendement qui n'ait premièrement été dans le sens» — «в разуме нет ничего, чего бы прежде не было в чувствах». Эта схоластическая формула, приписываемая Аристотелю, отвергается Декартом как ограничивающая сферу познания до эмпирического.)

Мне же кажется, что те, кто пытается использовать воображение, чтобы понять эти идеи, поступают так, как если бы, чтобы слышать звуки или ощущать запахи, они пытались использовать глаза.

С той лишь разницей, что чувство зрения не менее надёжно передаёт истину о своих объектах, чем обоняние или слух — о своих, тогда как ни воображение, ни чувства не могут удостоверить нас ни в чём, если не подключается разум.

Enfin, s'il y a encore des hommes qui ne soient pas assez persuadés de l'existence de Dieu et de leur âme par les raisons que j'ai apportées, je veux bien qu'ils sachent que toutes les autres choses dont ils se pensent peut-être plus assurés, comme d'avoir un corps, et qu'il y a des astres et une terre, et choses semblables, sont moins certaines; car, encore qu'on ait une assurance morale de ces choses, qui est telle qu'il semble qu'à moins d'être extravagant on n'en peut douter, toutefois aussi, à moins que d'être déraisonnable, lorsqu'il est question d'une certitude métaphysique, on ne peut nier que ce ne soit assez de sujet

pour n'en être pas entièrement assuré, que d'avoir pris garde qu'on peut en même façon s'imaginer, étant endormi, qu'on a un autre corps, et qu'on voit d'autres astres et une autre terre, sans qu'il en soit rien. Car d'où sait-on que les pensées qui viennent en songe sont plutôt fausses que les autres, vu que souvent elles ne sont pas moins vives et expresses? Et que les meilleurs esprits y étudient tant qu'il leur plaira, je ne crois pas qu'ils puissent donner aucune raison qui soit suffisante pour ôter ce doute, s'ils ne présupposent l'existence de Dieu. Car, premièrement, cela même que j'ai tantôt pris pour une règle, à savoir que les choses que nous concevons très clairement et très distinctement sont toutes vraies, n'est assuré qu'à cause que Dieu est ou existe, et qu'il est un être parfait, et que tout ce qui est en nous vient de lui: d'où il suit que nos idées ou notions, étant des choses réelles et qui viennent de Dieu, en tout ce en quoi elles sont claires et distinctes, ne peuvent en cela être que vraies. En sorte que si nous en avons assez souvent qui contiennent de la fausseté, ce ne peut être que de celles qui ont quelque chose de confus et obscur, à cause qu'en cela elles participent du néant, c'est-à-dire qu'elles ne sont en nous ainsi confuses qu'à cause que nous ne sommes pas tout parfaits. Et il est évident qu'il n'y a pas moins de répugnance que la fausseté ou l'imperfection procède de Dieu en tant que telle, qu'il y en a que la vérité ou la perfection procède du néant. Mais si nous ne savions point que tout ce qui est en nous de réel et de vrai vient d'un être parfait et infini, pour claires et distinctes que fussent nos idées, nous n'aurions aucune raison qui nous assurât qu'elles eussent la perfection d'être vraies.

И наконец, если всё ещё найдутся люди, которых недостаточно убедили приведённые мною доводы о существовании Бога и души, я желаю, чтобы они знали: все остальные вещи, в достоверности которых они, быть может, уверены гораздо больше — например, что у них есть тело, что существуют звёзды, земля и тому подобное, — на самом деле менее надёжны.

Ибо, хотя у нас есть моральная уверенность в этих вещах — столь сильная, что кажется, будто усомниться в них можно только будучи безумцем, — тем не менее, если быть разумным, то в случае, когда речь идёт о метафизической достоверности, нельзя отрицать, что одного лишь осознания того, что мы можем точно так же во сне вообразить себе иное тело, другие звёзды и другую землю, которых на деле нет, уже достаточно, чтобы считать такие представления не вполне надёжными.

Ибо откуда мы знаем, что мысли, возникающие во сне, менее истинны, чем прочие, особенно учитывая, что они порой бывают столь же живыми и отчётливыми? И сколько бы ни старались лучшие умы устранить этот сомнительный момент, я не думаю, что они смогут дать достаточное основание для этого, если не предположат существование Бога.

Потому что даже то правило, которое я недавно принял — а именно, что всё, что мы воспринимаем совершенно ясно и отчётливо, истинно, — имеет силу лишь потому, что Бог существует и есть совершенное Существо, от которого происходит всё сущее в нас: из этого следует, что наши идеи или представления, будучи реальными

вещами и происходя от Бога, не могут быть ложными в той мере, в какой они ясны и отчётливы.

(Пояснение переводчика: «en tout ce en quoi elles sont claires et distinctes, ne peuvent en cela être que vraies» — «в той мере, в какой они ясны и отчётливы, не могут быть ложными». Эта формула указывает на теологическое основание картезианской эпистемологии: гарант истинного знания — Бог, как источник ясности и бытийной достоверности идей.)

Следовательно, если среди наших идей и встречаются ложные, это возможно лишь потому, что они в чём-то смутны и неясны, поскольку в этом они причастны к небытию — то есть таковы в нас именно потому, что мы не совершенно совершенны.

И совершенно очевидно, что столь же невозможно, чтобы ложь или несовершенство исходили от Бога как такового, сколь и то, чтобы истина или совершенство исходили из ничего.

Но если бы мы не знали, что всё, что реально и истинно в нас, происходит от совершенного и бесконечного существа, то, как бы ясны и отчётливы ни были наши идеи, у нас не было бы никакого основания считать, что они обладают совершенством истинности.

Or, après que la connaissance de Dieu et de l'âme nous a ainsi rendus certains de cette règle, il est bien aisé à connaître que les rêveries que nous imaginons étant endormis ne doivent aucunement nous faire douter de la vérité

des pensées que nous avons étant éveillés. Car s'il arrivait même en dormant qu'on eût quelque idée fort distincte, comme, par exemple, qu'un géomètre inventât quelque nouvelle démonstration, son sommeil ne l'empêcherait pas d'être vraie. Et pour l'erreur la plus ordinaire de nos songes, qui consiste en ce qu'ils nous représentent divers objets en même façon que font nos sens extérieurs, n'importe pas qu'elle nous donne occasion de nous défier de la vérité de telles idées, à cause qu'elles peuvent aussi nous tromper assez souvent sans que nous dormions; comme lorsque ceux qui ont la jaunisse voient tout de couleur jaune, ou que les astres ou autres corps fort éloignés nous paraissent beaucoup plus petits qu'ils ne sont. Car enfin, soit que nous veillions, soit que nous dormions, nous ne nous devons jamais laisser persuader qu'à l'évidence de notre raison. Et il est à remarquer que je dis de notre raison, et non point de notre imagination ni de nos sens: comme encore que nous voyions le soleil très clairement, nous ne devons pas juger pour cela qu'il ne soit que de la grandeur que nous le voyons; et nous pouvons bien imaginer distinctement une tête de lion entée sur le corps d'une chèvre, sans qu'il faille conclure pour cela qu'il y ait au monde une chimère: car la raison ne nous dicte point que ce que nous voyons ou imaginons ainsi soit véritable; mais elle nous dicte bien que toutes nos idées ou notions doivent avoir quelque fondement de

vérité; car il ne serait pas possible que Dieu, qui est tout parfait et tout véritable, les eût mises en nous sans cela. Et, pour ce que nos raisonnements ne sont jamais si évidents ni si entiers pendant le sommeil que pendant la veille, bien que quelquefois nos imaginations soient alors autant ou plus vives et expresses, elle nous dicte aussi que nos pensées ne pouvant être toutes vraies, à cause que nous ne sommes pas tout parfaits, ce qu'elles ont de vérité doit infailliblement se rencontrer en celles que nous avons étant éveillés plutôt qu'en nos songes.

Итак, после того как знание Бога и души дало нам уверенность в этом правиле, становится совершенно ясно, что образы, возникающие во сне, никоим образом не могут служить основанием для сомнения в истинности мыслей, которые мы имеем наяву.

Ибо если даже во сне у нас возникает какая-либо совершенно ясная идея — к примеру, если геометр откроет новую теорему, — сам факт, что он спит, не делает её менее истинной.

Что же касается самой обычной ошибки наших снов — в том, что они представляют нам различные объекты так же, как это делают внешние чувства, — она не должна побуждать нас к сомнению в истинности таких идей, поскольку чувства и наяву нередко вводят нас в заблуждение: как, например, у страдающих желтухой, которым всё кажется жёлтым, или когда звёзды и далёкие тела кажутся нам гораздо меньшими, чем они есть на самом деле.

И, в конечном счёте, бодрствуем ли мы или спим, никогда не следует доверяться ничему, кроме очевидности разума.

(Пояснение переводчика: «nous ne nous devons jamais laisser persuader qu'à l'évidence de notre raison» — «не следует доверяться ничему, кроме очевидности разума». Это выражение формулирует картезианский рационализм в его строгой, критической форме.)

И следует заметить, что я говорю именно о разуме, а не о воображении и не о чувствах: так, хотя мы и видим солнце очень ясно, нам не следует полагать, будто оно имеет ту же величину, какой оно нам представляется; так же, как и то, что мы можем отчётливо представить себе львиную голову на теле козы, вовсе не означает, что в мире существует химера.

Ибо разум не утверждает, будто всё, что мы видим или воображаем, существует на самом деле; но он ясно учит нас, что все наши идеи или понятия должны иметь в себе какое-то основание в истине, поскольку было бы невозможно, чтобы Бог, будучи абсолютно совершенным и истинным, вложил их в нас безо всякой истины.

А поскольку наши рассуждения во сне никогда не бывают столь ясными и полными, как в бодрствующем состоянии — даже если иногда воображения бывают тогда столь же яркими, а то и более яркими, — разум также указывает нам, что наши мысли, не будучи все истинными, поскольку мы не совершенно совершенны, в той части, где они всё же истинны, непременно должны

быть скорее среди тех, что приходят нам наяву, нежели среди сновидений.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ. ПОРЯДОК ВОПРОСОВ ФИЗИКИ

CINQUIEME PARTIE ORDRE DES QUESTIONS DE PHYSIQUE

Je serais bien aise de poursuivre, et de faire voir ici toute la chaîne des autres vérités que j'ai déduites de ces premières; mais, à cause que pour cet effet il serait maintenant besoin que je parlasse de plusieurs questions qui sont en controverse entre les doctes, avec lesquels je ne désire point me brouiller, je crois qu'il sera mieux que je m'en abstienne, et que je dise seulement en général quelles elles sont, afin de laisser juger aux plus sages s'il serait utile que le public en fût plus particulièrement informé. Je suis toujours demeuré ferme en la résolution que j'avais prise de ne supposer aucun autre principe que celui dont je viens de me servir pour démontrer l'existence de Dieu et de l'âme, et de ne recevoir aucune chose pour vraie qui ne me semblât plus claire et plus certaine que n'avaient fait auparavant les démonstrations des géomètres; et néanmoins j'ose dire que non seulement j'ai trouvé moyen de me satisfaire en peu de temps touchant toutes les principales difficultés dont on a coutume de traiter en la philosophie, mais aussi que j'ai remarqué certaines lois que Dieu a tellement établies en la nature, et dont il a imprimé de telles notions en nos âmes, qu'après y avoir fait assez de réflexion nous ne saurions douter qu'elles ne soient exactement observées en tout ce qui est ou qui se fait dans le monde. Puis, en considérant la suite de ces lois, il me semble avoir découvert plusieurs vérités plus utiles et plus importantes que tout ce que j'avais appris auparavant ou même espéré d'apprendre.

Мне было бы весьма приятно продолжить и показать здесь всю цепь тех истин, которые я вывел из первых положений; но поскольку для этого теперь пришлось бы касаться многих вопросов, находящихся в споре между учёными, с которыми я не желаю вступать в пререкания, я считаю, что будет лучше воздержаться от подробного изложения и ограничиться лишь общим описанием этих вопросов, чтобы более рассудительные могли сами судить, стоит ли подробно знакомить с ними публику.

Я неизменно оставался верен решению, которое принял: не предполагать никакого иного принципа, кроме того, что я использовал для доказательства существования Бога и души, и не принимать ничего за истину, если оно не представляется мне более ясным и достоверным, чем прежде казались геометрические доказательства.

Тем не менее, смею утверждать, что я не только нашёл способ за короткое время удовлетворительно разрешить все основные трудности, которые обычно обсуждаются в философии, но и выявил некоторые законы, столь прочно установленные Богом в природе и настолько явно запечатлённые в наших душах, что после достаточного размышления невозможно усомниться в том, что они точно соблюдаются во всём существующем и происходящем в мире.

(Пояснение переводчика: «lois... que Dieu a tellement établies en la nature... imprimé de telles notions en nos âmes» — «законы, столь прочно установленные Богом... и запечатлённые в наших душах». Здесь Декарт формулирует свой натурфилософский рационализм: физические законы одновременно объективны и интуитивно постижимы разумом, потому что Бог вложил их как в мир, так и в человека.)

А затем, размышляя о следствиях этих законов, мне, как кажется, удалось открыть множество истин, более полезных и более значительных, чем всё, чему я учился ранее или даже надеялся научиться.

Mais, pour ce que j'ai tâché d'en expliquer les uissant i dans un traité que quelques uissant ion s m'empêchent de publier⁴, je ne les saurais mieux faire connaître qu'en disant ici sommairement ce qu'il contient. J'ai eu dessein d'y comprendre tout ce que je pensais savoir, avant que de récrire, touchant la nature des choses matérielles. Mais, tout de même que les peintres, ne pouvant également bien uissant io dans un tableau plat toutes les diverses faces d'un corps solide, en choisissent une des uissant i, qu'ils mettent seule vers le jour, et, ombrageant les autres, ne les font paraître qu'autant qu'on les peut voir en la regardant; ainsi, craignant de ne pouvoir mettre en mon discours tout ce que j'avais eu la pensée, j'entrepris seulement d'y exposer bien amplement ce que je concevais de la lumière; puis, à son occasion, d'y ajouter quelque chose du soleil et des étoiles fixes, à cause qu'elle en procède uissan toute; des cieux, à cause qu'ils la transmettent; des uissan, des comètes et de la terre, à cause qu'elles la font réfléchir; et en particulier de tous les corps qui sont sur la terre, à cause qu'ils sont ou colorés, ou transparents, ou lumineux; et enfin de l'homme, 4 Descartes avait renoncé à publier son Traité du Monde, dans lequel il admettait la rotation uissant , après la uissant ion de Galilée (1633). (N.d.É.) à cause qu'il uissa le spectateur. Même, pour ombrager un peu toutes ces choses, et pouvoir dire plus librement ce que j'en jugeais, sans être uissa de suivre ni de uissan les

opinions qui sont reçues entre les doctes, je me résolus de laisser tout ce monde ici à leurs disputes, et de parler seulement de ce qui arriverait dans un nouveau, si Dieu créait maintenant quelque part, dans les espaces imaginaires, assez de matière pour le composer, et qu'il agitât diversement et sans ordre les diverses parties de cette matière, en sorte qu'il en composât un chaos aussi confus que les poètes en uissant feindre, et que par après il ne fît autre chose que prêter son concours ordinaire à la nature, et la laisser agir suivant les lois qu'il a établies.

Но поскольку я стремился объяснить основные из этих истин в трактате, публикации которого мне помешали некоторые обстоятельства⁴, я не могу представить их лучше, чем кратко изложив здесь его содержание.

Я намеревался включить в этот труд всё, что, по моему мнению, я знал на тот момент о природе материальных вещей. Но, как художники, не в силах одинаково хорошо передать на плоском холсте все стороны объёмного тела, выбирают одну из главных сторон, которую выставляют на свет, в то время как остальные затевают и показывают лишь настолько, насколько их можно различить, — так и я, опасаясь, что не смогу изложить в своём сочинении всё, что мне было задумано, решил сосредоточиться на одном предмете: изложить в полной мере моё понимание света.

А затем, по ходу дела, добавить кое-что о Солнце и неподвижных звёздах — потому что почти весь свет исходит от них; о небесах, поскольку они его передают; о планетах, кометах и Земле, поскольку они его отражают; и особенно о телах на Земле, поскольку они бывают окрашенными, прозрачными или светящимися;

и, наконец, об человеке — потому что он является зрителем этого света.

(Пояснение переводчика: «pour ombrager un peu toutes ces choses... dans un nouveau [monde]» — «чтобы затенить все эти вещи... в новом [мире]». Декарт использует художественный и условный приём: он излагает свою космологию в виде мысленного эксперимента с воображаемым миром, тем самым обходя конфликты с доксой и цензурой.)

Более того, чтобы слегка затенить все эти вещи и говорить о них свободнее, не будучи обязанным следовать или опровергать мнения, принятые среди учёных, я решил оставить этот (реальный) мир на их обсуждение, а сам говорить только о том, что происходило бы в новом мире, если бы Бог сейчас создал где-нибудь в воображаемых пространствах достаточное количество материи для его образования, и если бы Он привёл в движение различные её части хаотично и беспорядочно, создав тем самым хаос, столь же запутанный, как любой, придуманный поэтами, — а затем не делал бы ничего, кроме как продолжал бы оказывать обычное содействие природе и позволил бы ей действовать в соответствии с установленными Им законами.

---

⁴ *Примечание редакции: Декарт отказался от публикации своего «Трактата о мире», в котором утверждал вращение Земли, после осуждения Галилея в 1633 году.*

Ainsi, premièrement, je décrivis cette matière, et tâchai de la représenter telle qu'il n'y a rien au monde, ce me semble, de plus clair ni plus intelligible, excepté ce qui a tantôt été dit de Dieu et de l'âme; car même je supposai expressément qu'il n'y avait en elle aucune de ces formes ou qualités dont on dispute dans les écoles, ni généralement aucune chose dont la connaissance ne fut si naturelle à nos âmes qu'on ne pût pas même feindre de l'ignorer. De plus, je fis voir quelles étaient les lois de la nature; et, sans appuyer mes raisons sur aucun autre principe que sur les perfections infinies de Dieu, je tâchai à démontrer toutes celles dont on eût pu avoir quelque doute, et à faire voir qu'elles sont telles qu'encore que Dieu aurait créé plusieurs mondes, il n'y en saurait avoir aucun où elles manquassent d'être observées. Après cela, je montrai comment la plus grande part de la matière de ce chaos devait, en suite de ces lois, se disposer et s'arranger d'une certaine façon qui la rendait semblable à nos cieux; comment cependant quelques-unes de ses parties dévoient composer une terre et quelques-unes des planètes et des comètes, et quelques autres un soleil et des étoiles fixes. Et ici, m'étendant sur le sujet de la lumière, j'expliquai bien au long quelle était celle qui se devait trouver dans le soleil et les étoiles, et comment de là elle traversait en un instant les immenses espaces des cieux, et comment elle se réfléchissait des planètes et des comètes vers la terre. J'y ajoutai aussi plusieurs choses touchant la substance, la situation, les mouvements, et toutes les diverses qualités de ces cieux et de ces astres; en sorte que je pensais en dire assez pour faire connaître qu'il ne se remarque rien en ceux de ce monde qui ne dût ou du moins qui ne put paraître tout semblable en ceux du

monde que je décrivais. De là je vins à parler particulièrement de la terre: comment, encore que j'eusse expressément supposé que Dieu n'avait mis aucune pesanteur en la matière dont elle était composée, toutes ses parties ne laissaient pas de tendre exactement vers son centre; comment, y ayant de l'eau et de l'air sur sa superficie, la disposition des cieux et des astres, principalement de la lune, y devait causer un flux et reflux qui fût semblable en toutes ses circonstances à celui qui se remarque dans nos mers, et outre cela un certain cours tant de l'eau que de l'air, du levant vers le couchant, tel qu'on le remarque aussi entre les tropiques; comment les montagnes, les mers, les fontaines et les rivières pouvaient naturellement s'y former, et les métaux y venir dans les mines, et les plantes y croître dans les campagnes, et généralement tous les corps qu'on nomme mêlés ou composés s'y engendrer: et, entre autres choses, à cause qu'après les astres je ne connais rien au monde que le feu qui produise de la lumière, je m'étudiai à faire entendre bien clairement tout ce qui appartient à sa nature, comment il se fait, comment il se nourrit, comment il n'a quelquefois que de la chaleur sans lumière, et quelquefois que de la lumière sans chaleur; comment il peut introduire diverses couleurs en divers corps, et diverses autres qualités; comment il en fond quelques-uns et en durcit d'autres; comment il les peut consumer presque tous ou convertir en cendres et en fumée; et enfin comment de ces cendres, par la seule violence de son action, il forme du verre; car cette transmutation de cendres en verre me semblant être aussi admirable qu'aucune autre qui se fasse en la nature, je pris particulièrement plaisir à la décrire.

Итак, прежде всего я описал эту материю и постарался представить её в таком виде, каким, на мой взгляд, ничто в мире — за исключением сказанного ранее о Боге и о душе — не может быть представлено яснее и понятнее; ибо я прямо предположил, что в ней нет ни одной из тех форм или качеств, о которых ведутся споры в школах, и вообще ничего такого, знание о чём не было бы столь естественным для нашей души, что его даже нельзя было бы притворно не знать.

Затем я изложил законы природы и, не опираясь ни на какой иной принцип, кроме бесконечного совершенства Бога, постарался доказать все те, которые могли бы вызвать сомнение, и показать, что они таковы, что, даже если бы Бог создал множество миров, в ни одном из них они не могли бы не соблюдаться.

После этого я показал, как большая часть материи этого хаоса, согласно этим законам, должна упорядочиться особым образом, благодаря чему она станет подобна нашим небесам; как же некоторые её части должны образовать землю, некоторые — планеты и кометы, а другие — солнце и неподвижные звёзды.

И здесь, подробно остановившись на предмете света, я объяснил, каким он должен быть в солнце и звёздах, как он оттуда мгновенно проходит через необъятные просторы небес и как отражается от планет и комет к земле.

Я добавил также множество сведений относительно субстанции, расположения, движения и различных качеств этих небес и светил, так что, как мне казалось, я сказал достаточно, чтобы стало ясно: ничто из того, что мы наблюдаем в нашем мире, не может не проявиться аналогичным образом в описываемом мной мире.

(Пояснение переводчика: «ne dût ou du moins qui ne pût paraître tout semblable» — «не может не проявиться... аналогичным образом». Декарт подчёркивает логическую всеобщность физических законов — как в нашем мире, так и в гипотетическом.)

Отсюда я перешёл к описанию Земли: как, несмотря на то, что я прямо предположил отсутствие у материи тяжести, все её части тем не менее стремятся к центру; как, при наличии воды и воздуха на поверхности, расположение небес и светил — главным образом Луны — должно вызывать приливы и отливы, во всех отношениях подобные тем, что мы наблюдаем в наших морях; и сверх того — определённое течение как воды, так и воздуха с востока на запад, как это также замечается между тропиками.

Я объяснил, как горы, моря, источники и реки могли бы возникать там естественным образом; как в шахтах могли бы образовываться металлы, а на полях — расти растения; и вообще — как могли бы возникать все те тела, что называются смешанными или составными.

И, среди прочего, поскольку помимо светил я не знаю ничего в мире, что производило бы свет, кроме огня, я постарался как можно яснее изложить всё, что касается его природы: как он возникает, как питается, как иногда существует только с теплом, но без света, а иногда — с светом, но без тепла; как он может придавать различным телам разные цвета и другие свойства; как он плавит одни тела и закаляет другие; как может почти все их сжечь или обратить в пепел и дым; и, наконец, как из этого пепла, только силой своего действия, он образует стекло.

Поскольку это превращение пепла в стекло показалось мне столь же изумительным, как и любое другое явление природы, я с особым удовольствием его описал.

Toutefois je ne voulais pas inférer de toutes ces choses que ce monde ait été créé en la façon que je proposais; car il est bien plus vraisemblable que dès le commencement Dieu l'a rendu tel qu'il devait être. Mais il est certain, et c'est une opinion communément reçue entre les théologiens, que l'action par laquelle maintenant il le conserve, est toute la même que celle par laquelle il l'a créé; de façon qu'encore qu'il ne lui aurait point donné au commencement d'autre forme que celle du chaos, pourvu qu'ayant établi les lois de la nature, il lui prêtât son concours pour agir ainsi qu'elle a de coutume, ou peut croire, sans faire tort au miracle de la création, que par cela seul toutes les choses qui sont purement matérielles auraient pu avec le temps s'y rendre telles que nous les voyons à présent; et leur nature est bien plus aisée à concevoir, lorsqu'on les voit naître peu à peu en cette sorte, que lorsqu'on ne les considère que toutes faites. De la description des corps inanimés et des plantes, je passai à celle des animaux, et particulièrement à celle des hommes. Mais pour ce que je n'en avais pas encore assez de connaissance pour en parler du même style que du reste, c'est-à-dire en démontrant les effets par les causes, et faisant voir de quelles semences et en quelle façon la nature les doit produire, je me contentai de supposer que Dieu formât le corps d'un homme entièrement semblable à l'un des nôtres, tant en la figure extérieure de ses membres, qu'en la conformation intérieure de ses organes, sans le composer d'autre matière que de celle que j'avais décrite, et sans mettre en lui au commencement aucune âme raisonnable, ni aucune autre chose pour y servir d'âme végétante ou sensitive, sinon qu'il excitât en son coeur un de ces feux sans lumière que j'avais déjà

expliqués, et que je ne concevais point d'autre nature que celui qui échauffe le foin lorsqu'on l'a renfermé avant qu'il fût sec, ou qui fait bouillir les vins nouveaux lorsqu'on les laisse cuver sur la râpe: car, examinant les fonctions qui pouvaient en suite de cela être en ce corps, j'y trouvais exactement toutes celles qui peuvent être en nous sans que nous y pensions, ni par conséquent que notre âme, c'est-à-dire cette partie distincte du corps dont il a été dit ci-dessus que la nature n'est que de penser, y contribue, et qui sont toutes les mêmes en quoi on peut dire que les animaux sans raison nous ressemblent; sans que j'y en pusse pour cela trouver aucune de celles qui, étant dépendantes de la pensée, sont les seules qui nous appartiennent, en tant qu'hommes; au lieu que je les y trouvais toutes par après, ayant supposé que Dieu créât une âme raisonnable, et qu'il la joignît à ce corps en certaine façon que je décrivais.

Впрочем, я вовсе не хотел заключать из всех этих соображений, будто мир был действительно создан именно так, как я его описывал; ибо гораздо более правдоподобно, что Бог с самого начала сотворил его таким, каким он должен быть.

Но несомненно, и это общепринятое мнение среди теологов, что действие, посредством которого Бог ныне сохраняет мир, по сути то же самое, что и то, посредством которого Он его создал; так что, даже если бы изначально Он не придавал ему иной формы, кроме как формы хаоса, но, установив законы природы, продолжал бы содействовать ей в её обычной деятельности, то можно вполне разумно — не умаляя чуда сотворения — полагать, что одним только этим всё, что чисто

материально, со временем могло бы стать таким, каким мы это ныне видим.

И природу этих вещей гораздо легче постичь, когда видишь, как они рождаются постепенно, нежели когда рассматриваешь их уже завершёнными.

(Пояснение переводчика: «il est bien plus vraisemblable...» — «гораздо более правдоподобно...»). Декарт осторожно дистанцируется от буквальной космогонии, представляя свою модель как эвристическую реконструкцию порядка природы, не претендующую на историческую достоверность.)

От описания неживых тел и растений я перешёл к описанию животных, и особенно человека. Но поскольку у меня ещё не было достаточного знания, чтобы говорить об этом в том же стиле, что и прежде, то есть объясняя эффекты через причины и показывая, из каких семян и каким образом природа должна их производить, я ограничился тем, что предположил: Бог создаёт тело человека, полностью подобное нашему — как по внешнему виду его членов, так и по внутреннему устройству органов, — не составляя его из какой-либо другой материи, кроме уже описанной, и не вкладывая в него изначально никакой разумной души, ни даже чего-либо, что служило бы душой вегетативной или чувствующей, кроме как возбудил бы в его сердце один из тех огней без света, которые я уже объяснил и которые по своей природе ничем не отличались бы от того, что разогревает сено, если его запереть прежде, чем оно просохнет, или от брожения молодых вин, оставленных на мезге.

И, рассматривая функции, которые могли бы затем происходить в таком теле, я обнаружил в нём точно все те, что присутствуют и в нас, когда мы не осознаём их, а

значит, к которым не причастна наша душа — то есть та часть, отличная от тела, природа которой, как уже сказано выше, состоит исключительно в мышлении, — и которые являются именно теми функциями, в которых можно сказать, что неразумные животные похожи на нас. При этом я вовсе не обнаруживал в таком теле ни одной из тех функций, которые зависят от мышления и, как таковые, принадлежат только нам как людям; тогда как, допуская, что Бог создаёт разумную душу и соединяет её с этим телом определённым образом, который я описывал, я обнаруживал в нём уже все эти функции.

Mais afin qu'on puisse voir en quelle sorte j'y traitais cette matière, je veux mettre ici l'explication du mouvement du coeur et des artères, qui étant le premier et le plus général qu'on observe dans les animaux, on jugera facilement de lui ce qu'on doit penser de tous les autres. Et afin qu'on ait moins de difficulté à entendre ce que j'en dirai, je voudrais que ceux qui ne sont point versés en l'anatomie prissent la peine, avant que de lire ceci, de faire couper devant eux le coeur de quelque grand animal qui ait des poumons, car il est en tous assez semblable à celui de l'homme, et qu'ils se fissent montrer les deux chambres ou concavités qui y sont: premièrement celle qui est dans son côté droit, à laquelle répondent deux tuyaux fort larges; à savoir, la veine cave, qui est le principal réceptacle du sang, et comme le tronc de l'arbre dont toutes les autres veines du corps sont les branches; et la veine artérielle, qui a été ainsi mal nommée, pour ce que c'est en effet une artère, laquelle, prenant son origine du coeur, se divise, après en être sortie, en plusieurs branches qui vont se répandre partout dans les poumons: puis celle qui est dans

son côté gauche, à laquelle répondent en même façon deux tuyaux qui sont autant, ou plus larges que les précédents; à savoir, l'artère veineuse, qui a été aussi mal nommée, à cause qu'elle n'est autre chose qu'une veine, laquelle vient des poumons, où elle est divisée en plusieurs branches entrelacées avec celles de la veine artérielle, et celles de ce conduit qu'on nomme le sifflet, par où entre l'air de la respiration; et la grande artère qui, sortant du coeur, envoie ses branches partout le corps. Je voudrais aussi qu'on leur montrât soigneusement les onze petites peaux qui, comme autant de petites portes, ouvrent et ferment les quatre ouvertures qui sont en ces deux concavités; à savoir, trois à l'entrée de la veine cave, où elles sont tellement disposées qu'elles ne peuvent aucunement empêcher que le sang qu'elle contient ne coule dans la concavité droite du coeur, et toutefois empêchent exactement qu'il n'en puisse sortir; trois à l'entrée de la veine artérielle, qui, étant disposées tout au contraire, permettent bien au sang qui est dans cette concavité de passer dans les poumons, mais non pas à celui qui est dans les poumons d'y retourner; et ainsi deux autres à l'entrée de l'artère veineuse, qui laissent couler le sang des poumons vers la concavité gauche du coeur, mais s'opposent à son retour; et trois à l'entrée de la grande artère, qui lui permettent de sortir du coeur, mais l'empêchent d'y retourner: et il n'est point besoin de chercher d'autre raison du nombre de ces peaux, sinon que l'ouverture de l'artère veineuse étant en ovale, à cause du lieu où elle se rencontre, peut être commodément fermée avec deux, au lieu que les autres étant rondes, le peuvent mieux être avec trois. De plus, je voudrais qu'on leur fît considérer que la grande artère et la veine artérielle sont d'une composition beaucoup plus dure et

plus ferme que ne sont l'artère veineuse et la veine cave; et que ces deux dernières s'élargissent avant que d'entrer dans le coeur, et y font comme deux bourses, nommées les oreilles du coeur, qui sont composées d'une chair semblable à la sienne; et qu'il y a toujours plus de chaleur dans le coeur qu'en aucun autre endroit du corps; et enfin que cette chaleur est capable de faire que, s'il entre quelque goutte de sang en ses concavités, elle s'enfle promptement et se dilate, ainsi que font généralement toutes les liqueurs, lorsqu'on les laisse tomber goutte à goutte en quelque vaisseau qui est fort chaud.

Однако чтобы можно было понять, каким образом я излагаю этот материал, я хочу привести здесь объяснение движения сердца и артерий, поскольку оно является первым и наиболее общим из всех наблюдаемых движений в животных — и по нему будет нетрудно судить о природе всех прочих.

И чтобы читателю было легче понять то, что я собираюсь сказать, я хотел бы, чтобы те, кто не знаком с анатомией, предварительно попросили при них вскрыть сердце какого-нибудь крупного животного, обладающего лёгкими, — ибо оно у всех достаточно похоже на человеческое, — и чтобы им показали две камеры или полости, находящиеся в сердце: во-первых, ту, что на его правой стороне, куда ведут два крупных сосуда — а именно, полая вена (*veine cave*), которая является основным резервуаром крови и как бы стволом дерева, от которого отходят все остальные вены тела; и *артериальная вена* (*veine artérieuse*), которая названа так по ошибке, ибо это на самом деле артерия, берущая

начало в сердце и разделяющаяся, после выхода из него, на множество ветвей, расходящихся по лёгким.

Затем — полость на левой стороне сердца, куда так же ведут два других сосуда, по размеру не меньших, а порой и больших: *венозная артерия* (*artère veineuse*), также ошибочно названная, поскольку она не что иное, как вена, идущая из лёгких, где она разветвляется и переплетается с ветвями *артериальной вены* и с ветвями того канала, что называется *трахеей* (*le sifflet*), через которую поступает воздух при дыхании; и большая артерия (*grande artère*), выходящая из сердца и распространяющая свои ветви по всему телу.

Я также хотел бы, чтобы им тщательно показали одиннадцать маленьких створок (*petites peaux*), напоминающих маленькие дверцы, которые открывают и закрывают четыре входа в эти две полости: по три у входа в полую вену — устроенные так, что они не препятствуют току крови в правую полость сердца, но полностью мешают её обратному оттоку; три у входа в артериальную вену — устроенные противоположным образом, позволяющие крови из этой полости поступать в лёгкие, но не допуская её возврата; две у входа в венозную артерию — позволяющие крови поступать из лёгких в левую полость, но не возвращаться обратно; и, наконец, три у входа в большую артерию — позволяющие крови выйти из сердца, но не дающие ей вернуться.

(Пояснение переводчика: «les onze petites peaux» — «одиннадцать маленьких створок». Здесь интересна не только анатомическая точность Декарта, но и его попытка объяснить число клапанов не функционально, а геометрически — в зависимости от формы отверстия: овальное — две створки, круглое — три.)

И нет нужды искать иной причины такого числа створок, кроме той, что отверстие венозной артерии, будучи овальным из-за своего расположения, удобнее всего закрывать двумя створками, тогда как круглые отверстия прочих сосудов — тремя.

Кроме того, я хотел бы, чтобы им показали, что большая артерия и артериальная вена имеют гораздо более плотную и твёрдую структуру, чем венозная артерия и полая вена; и что последние две перед входом в сердце расширяются, образуя как бы два мешочка, называемые *предсердиями* (*oreilles du cœur*), составленные из той же ткани, что и само сердце. Также стоит отметить, что сердце всегда теплее, чем какая-либо другая часть тела; и, наконец, что это тепло способно вызывать у капли крови, попавшей в его полость, быстрое расширение и разбухание, так же как это происходит вообще со всеми жидкостями, если капать их в сильно разогретый сосуд.

Car, après cela, je n'ai besoin de dire autre chose pour expliquer le xperien du xper, sinon que lorsque ses concavités ne sont pas pleines de sang, il y en coule nécessairement de la veine cave dans la droite et de l'artère veineuse dans la gauche, d'autant que ces deux vaisseaux en sont toujours pleins, et que leurs ouvertures, qui xperienc vers le xper, ne peuvent alors être bouchées; mais que sitôt qu'il est entré ainsi deux gouttes de sang, une en chacune de ses concavités, ces gouttes, qui ne peuvent être que fort grosses, à cause que les ouvertures par où elles entrent sont fort larges et les vaisseaux d'où elles viennent fort pleins de sang, se raréfient et se xperien, à cause de la chaleur qu'elles y trouvent; au moyen de quoi, faisant enfler tout le xper,

elles poussent et ferment les cinq petites portes qui sont aux entrées des deux vaisseaux d'où elles viennent, empêchant ainsi qu'il ne descende l'expérience de sang dans le cœur; et, continuant à se raréfier de plus en plus, elles poussent et ouvrent les six autres petites portes qui sont aux entrées des deux autres vaisseaux par où elles sortent, faisant enfler par ce moyen toutes les branches de la veine artérielle et de la grande artère, quasi au même instant que le cœur; lequel incontinent après se désenfle, comme font aussi ces artères, à cause que le sang qui y est entré s'y refroidit; et leurs six petites portes se referment, et les cinq de la veine cave et de l'artère veineuse se rouvrent, et donnent passage à deux autres gouttes de sang, qui font derechef enfler le cœur et les artères, tout de même que les précédentes. Et pour ce que le sang qui entre ainsi dans le cœur passe par ces deux bourses qu'on nomme ses oreilles, de là vient que leur expérience est contraire au sien, et qu'elles se désenflent lorsqu'il s'enfle. Au reste, afin que ceux qui ne connaissent pas la force des expériences des mathématiques, et ne sont pas accoutumés à distinguer les expériences des vraisemblables, ne se méprennent pas de nier ceci sans l'examiner, je les veux avertir que ce mouvement que je viens d'expliquer suit aussi nécessairement de la seule disposition des expériences qu'on peut voir à l'oeil dans le cœur, et de la chaleur qu'on y peut sentir avec les doigts, et de la nature du sang qu'on peut connaître par l'expérience, que fait celui d'un horloge, de la force, de la situation et de la figure de ses contre-poids et de ses roues.

Ибо после всего сказанного мне не нужно больше ничего добавлять, чтобы объяснить движение сердца, кроме

следующего: когда его полости не наполнены кровью, кровь неизбежно поступает в правую полость из поллой вены, а в левую — из венозной артерии, поскольку оба эти сосуда постоянно полны крови, и их устья, обращённые к сердцу, в этот момент не могут быть перекрыты.

Но как только в каждую из этих полостей поступает по одной капле крови (а они должны быть довольно крупными, поскольку отверстия, через которые они поступают, весьма широки, а сосуды, из которых они приходят, переполнены кровью), эти капли, нагреваясь, начинают расширяться и разрезаться — благодаря теплу, которое они находят в сердце.

Вследствие этого они увеличивают объём всего сердца, вызывая его набухание и одновременно закрывая пять маленьких створок на входе двух сосудов, из которых они пришли, тем самым препятствуя поступлению новой крови в сердце. И, продолжая расширяться, они в то же время открывают шесть других створок — на выходе в два других сосуда, — в результате чего кровь устремляется в ветви артериальной вены и большой артерии, почти одновременно с тем, как набухает сердце. Затем сердце почти сразу сдувается, как и эти артерии, поскольку вошедшая в них кровь охлаждается; шесть створок закрываются, а пять на входе из поллой вены и венозной артерии снова открываются, впуская новые две капли крови, которые вновь вызывают набухание сердца и артерий точно так же, как и предыдущие.

(Пояснение переводчика: «ce mouvement... suit aussi nécessairement de la seule disposition des organes... que fait celui d'un horloge» — «это движение... столь же необходимо вытекает из одного только устройства органов... как и движение часов». Декарт предлагает

механическую модель сердечной деятельности, отсылая к часам как метафоре организма, лишённого вмешательства души.)

Поскольку кровь, поступающая таким образом в сердце, проходит через те два мешочка, которые называются его предсердиями, то именно из этого вытекает, что их движение противоположно движению сердца: они сдуваются, когда оно набухает.

И напоследок, чтобы те, кто не знаком с силой математических доказательств и не привык отличать истинные причины от правдоподобных, не спешили отрицать это, не изучив как следует, я хочу их предостеречь: это движение, которое я только что описал, вытекает столь же неизбежно из одного лишь устройства органов, которое можно увидеть в сердце, из тепла, которое можно ощутить пальцами, и из природы крови, постигаемой опытным путём, как и движение часов — из силы, расположения и формы их гирь и шестерёнок.

Mais si on demande comment le sang des veines ne s'épuise point, en coulant ainsi continuellement dans le coeur, et comment les artères n'en sont point trop remplies, puisque tout celui qui passe par le coeur s'y va rendre, je n'ai pas besoin d'y répondre autre chose que ce qui a déjà été écrit par un médecin d'Angleterre⁵, auquel il faut donner la louange d'avoir rompu la glace en cet endroit, et d'être le premier qui a enseigné qu'il y a plusieurs petits passages aux extrémités des artères, par où le sang qu'elles reçoivent du coeur entre dans les petites branches des veines, d'où il va se rendre derechef vers le coeur; en sorte que son cours n'est autre chose qu'une

circulation perpétuelle. Ce qu'il prouve fort bien par l'expérience ordinaire des chirurgiens, qui, ayant lié le bras médiocrement fort, au-dessus de l'endroit où ils ouvrent la veine, font que le sang en sort plus abondamment que s'ils ne l'avaient point lié; et il arriverait tout le contraire s'ils le liaient au-dessous entre la main et l'ouverture, ou bien qu'ils le liassent très fort au-dessus. Car il est manifeste que le lien, médiocrement serré, pouvant empêcher que le sang qui est déjà dans le bras ne retourne vers le coeur par les veines, n'empêche pas pour cela qu'il n'y en vienne toujours de nouveau par les artères, à cause qu'elles sont situées au-dessous des veines, et que leurs peaux, étant plus dures, sont moins aisées à presser; et aussi que le sang qui vient du coeur tend avec plus de force à passer par elles vers la main, qu'il ne fait à retourner de là vers le coeur par les veines; et puisque ce sang sort du bras par l'ouverture qui est en l'une des veines, il doit nécessairement y avoir quelques passages au-dessous du lieu, c'est-à-dire vers les extrémités du bras, par où il y puisse venir des artères. Il prouve aussi fort bien ce qu'il dit du cours du sang, par certaines petites peaux, qui sont tellement disposées en divers lieux le long des veines, qu'elles ne lui permettent point d'y passer du milieu du corps vers les extrémités, mais seulement de retourner des extrémités vers le coeur; et de plus par l'expérience qui montre que tout celui qui est dans le corps en peut sortir en fort peu de temps par une seule artère lorsqu'elle est coupée, encore même qu'elle fût étroitement liée fort proche du coeur, et coupée entre lui et le lien, en sorte qu'on n'eût aucun sujet d'imaginer que le sang qui en sortirait vînt d'ailleurs.

Но если задаться вопросом: почему кровь в венах не истощается, постоянно поступая в сердце, и почему артерии не переполняются, если вся кровь, проходящая через сердце, в них поступает, — мне не нужно отвечать ничем иным, кроме того, что уже было написано одним английским врачом⁵, которому следует отдать должное за то, что он «вскрыл лёд» в этом вопросе и первым показал, что на концах артерий имеются мелкие проходы, через которые кровь, поступающая в них из сердца, переходит в мелкие венозные ветви, по которым она вновь направляется к сердцу. Таким образом, её течение представляет собой ничто иное, как вечную циркуляцию. Это он весьма убедительно доказывает с помощью обычного опыта хирургов, которые, слегка перетянув руку выше места, где вскрывается вена, добиваются того, что кровь вытекает обильнее, чем если бы повязки не было; и напротив, если перевязать руку ниже — между местом прокола и кистью — или слишком туго выше, результат будет противоположным.

Ибо ясно, что умеренно затянутая повязка может препятствовать возврату крови к сердцу по венам, уже находящимся в руке, но не мешает притоку новой крови по артериям, поскольку они расположены глубже вен, а их стенки — более плотные и менее подвержены сдавливанию; кроме того, кровь, идущая из сердца, с большей силой стремится пройти через артерии к кисти, нежели вернуться оттуда к сердцу по венам.

И поскольку кровь выходит из вены в месте прокола, необходимо, чтобы ниже этой точки, то есть ближе к концу руки, существовали проходы от артерий.

(Пояснение переводчика: «qu'il y a plusieurs petits passages aux extrémités des artères» — «что на концах артерий имеются мелкие проходы». Здесь Декарт

ссылается на открытие Уильяма Гарвея — циркуляции крови, — деликатно отказываясь от первенства и подчёркивая эмпирическую убедительность опытов.)

Он также очень хорошо подтверждает своё утверждение о кровообращении наличием небольших клапанов, расположенных в разных местах по ходу вен, которые не позволяют крови течь от центра тела к конечностям, но только обратно — от конечностей к сердцу.

Кроме того, он ссылается на опыт, показывающий, что вся кровь в теле может выйти за очень короткое время через одну артерию, если её рассечь — даже если она туго перевязана очень близко к сердцу и рассечена между ним и повязкой, так что нет оснований полагать, будто кровь, вытекающая из неё, поступает откуда-либо ещё.

---

⁵ Речь идёт о Уильяме Гарвее (1578–1657), который в 1628 году опубликовал труд, впервые доказавший циркуляцию крови.

Mais il y a plusieurs autres choses qui témoignent que la vraie cause de ce mouvement du sang est celle que j'ai dite. Comme, premièrement, la différence qu'on remarque entre celui qui sort des veines et celui qui sort des artères ne peut procéder que de ce qu'étant raréfié et comme distillé en passant par le coeur, il est plus subtil et plus vif et plus chaud incontinent après en être sorti, c'est-à-dire étant dans les artères, qu'il n'est un peu avant que d'y entrer, c'est-à-dire étant dans les veines. Et si on y prend garde, on trouvera que cette différence ne paraît bien que vers le coeur, et non point tant aux lieux qui en sont les plus éloignés. Puis, la dureté des peaux dont la veine artérielle et la grande artère sont composées montre

assez que le sang bat contre elles avec plus de force que contre les veines. Et pourquoi la concavité gauche du coeur et la grande artère seraient-elles plus amples et plus larges que la concavité droite 5 William Harvey (1578 - 1658), à qui on attribue la découverte de la circulation du sang. (N.d.É.) et la veine artérielle, si ce n'était que le sang de l'artère veineuse, n'ayant été que dans les poumons depuis qu'il a passé par le coeur, est plus subtil et se raréfie plus fort et plus aisément que celui qui vient immédiatement de la veine cave? Et qu'est-ce que les médecins peuvent deviner en tâtant le pouls, s'ils ne savent que, selon que le sang change de nature, il peut être raréfié par la chaleur du coeur plus ou moins fort, et plus ou moins vite qu'auparavant? Et si on examine comment cette chaleur se communique aux autres membres, ne faut-il pas avouer que c'est par le moyen du sang, qui, passant par le coeur, s'y réchauffe, et se répand de là par tout le corps: d'où vient que si on ôte le sang de quelque partie, on en ôte par même moyen la chaleur; et encore que le coeur fût aussi ardent qu'un fer embrasé, il ne suffirait pas pour réchauffer les pieds et les mains tant qu'il fait, s'il n'y envoyait continuellement de nouveau sang. Puis aussi on connaît de là que le vrai usage de la respiration est d'apporter assez d'air frais dans le poumon pour faire que le sang qui y vient de la concavité droite du coeur, où il a été raréfié et comme changé en vapeurs, s'y épaisse et convertisse en sang derechef, avant que de retomber dans la gauche, sans quoi il ne pourrait être propre à servir de nourriture au feu qui y est; ce qui se confirme parce qu'on voit que les animaux qui n'ont point de poumons n'ont aussi qu'une seule concavité dans le coeur, et que les enfants, qui n'en peuvent user pendant qu'ils sont renfermés au ventre de leurs mères, ont une

ouverture par où il coule du sang de la veine cave en la concavité gauche du coeur, et un conduit par où il en vient de la veine artérielle en la grande artère, sans passer par le poumon. Puis la coction comment se ferait-elle en l'estomac, si le coeur n'y envoyait de la chaleur par les artères, et avec cela quelques-unes des plus coulantes parties du sang, qui aident à dissoudre les viandes qu'on y a mises? Et l'action qui convertit le suc de ces viandes en sang n'est-elle pas aisée à connaître, si on considère qu'il se distille, en passant et repassant par le coeur, peut-être plus de cent ou deux cents fois en chaque jour? Et qu'a-t-on besoin d'autre chose pour expliquer la nutrition et la production des diverses humeurs qui sont dans le corps, sinon de dire que la force dont le sang, en se raréfiant, passe du coeur vers les extrémités des artères, fait que quelques-unes de ses parties s'arrêtent entre celles des membres où elles se trouvent, et y prennent la place de quelques autres qu'elles en chassent, et que, selon la situation ou la figure ou la petitesse des pores qu'elles rencontrent, les unes se vont rendre en certains lieux plutôt que les autres, en même façon que chacun peut avoir vu divers cribles, qui, étant diversement percés, servent à séparer divers grains les uns des autres? Et enfin, ce qu'il y a de plus remarquable en tout ceci, c'est la génération des esprits animaux, qui sont comme un vent très subtil, ou plutôt comme une flamme très pure et très vive, qui, montant continuellement en grande abondance du coeur dans le cerveau, se va rendre, de là par les nerfs dans les muscles, et donne le mouvement à tous les membres; sans qu'il faille imaginer d'autre cause qui fasse que les parties du sang qui, étant les plus agitées et les plus pénétrantes, sont les plus propres à composer ces esprits, se vont rendre plutôt vers le cerveau que vers ailleurs,

sinon que les artères qui les y portent sont celles qui viennent du coeur le plus en ligne droite de toutes, et que, selon les règles des mécaniques, qui sont les mêmes que celles de la nature, lorsque plusieurs choses tendent ensemble à se mouvoir vers un même côté où il n'y a pas assez de place pour toutes, ainsi que les parties du sang qui sortent de la concavité gauche du coeur tendent vers le cerveau, les plus faibles et moins agitées en doivent être détournées par les plus fortes, qui par ce moyen s'y vont rendre seules.

Однако существует множество других фактов, подтверждающих, что истинная причина движения крови именно та, которую я изложил.

Во-первых, разница, которую можно заметить между кровью, вытекающей из вен, и кровью, вытекающей из артерий, может объясняться лишь тем, что, разрезаясь и как бы дистиллируясь, проходя через сердце, кровь становится более тонкой, живой и тёплой сразу после выхода из него — то есть находясь в артериях, — чем она была перед этим, находясь в венах.

И если обратить на это внимание, можно заметить, что эта разница наиболее ощутима вблизи сердца, а не в отдалённых от него местах.

Затем, плотность стенок артериальной вены и большой артерии сама по себе свидетельствует о том, что кровь ударяется о них с большей силой, чем о вены.

И почему левая полость сердца и большая артерия шире и объёмнее, чем правая полость и артериальная вена, если не потому, что кровь, поступающая из венозной артерии, находясь до этого лишь в лёгких после прохождения через сердце, более тонка и легче разрезается, чем та, что поступает напрямую из полой вены?

(Пояснение переводчика: «le sang... étant raréfié... est plus subtil...» — «разрежаясь... становится более тонкой...». Декарт предлагает термодинамическую интерпретацию преобразования и движения крови, аналогичную дистилляции и передаче тепла, применяя физику к физиологии.)

И что могут врачи угадать, нащупывая пульс, если не то, что в зависимости от изменения природы крови она может разрезаться от тепла сердца с большей или меньшей силой и скоростью, чем прежде?

И если мы изучим, каким образом это тепло передаётся другим частям тела, то не придём ли мы к признанию, что происходит это через кровь, которая, проходя через сердце, нагревается и затем разносится по всему телу — отчего, если из какой-либо части тела удалить кровь, вместе с ней уходит и тепло?

И даже если бы сердце было так же раскалено, как раскалённое железо, этого было бы недостаточно, чтобы согревать руки и ноги, если бы оно не посылало туда постоянно новую порцию крови.

Отсюда также ясно, что подлинное назначение дыхания — доставлять в лёгкие достаточное количество свежего воздуха, чтобы кровь, поступающая туда из правой полости сердца, где она была разрежена и как бы превращена в пар, снова уплотнялась и превращалась обратно в кровь, прежде чем попасть в левую полость. Без этого она не могла бы быть пригодной для питания «огня», то есть тепла, находящегося в сердце.

Это подтверждается и тем, что животные, не имеющие лёгких, имеют лишь одну полость в сердце, а у младенцев, которые не могут дышать, находясь в утробе матери, есть отверстие, через которое кровь из поллой вены течёт прямо в левую полость сердца, и проток, через

который она поступает из артериальной вены в большую артерию, минуя лёгкие.

Кроме того, как происходило бы пищеварение в желудке, если бы сердце не посылало туда тепло через артерии, а вместе с ним и часть наиболее жидкой крови, способствующей растворению пищи?

И процесс превращения пищевого сока в кровь легко понять, если учесть, что этот сок перегоняется, проходя и возвращаясь через сердце, возможно, более ста или двухсот раз в день.

Что ещё нужно, чтобы объяснить питание и образование различных жидкостей в теле, кроме как признать, что сила, с которой кровь, разрежаясь, идёт из сердца к концам артерий, приводит к тому, что её части оседают среди тканей, где они оказываются, занимая место других, вытесненных ими частиц, и что в зависимости от расположения, формы и размера пор одни направляются в одни места, а другие — в другие, как это происходит при просеивании зёрен через сита с различными отверстиями?

И наконец, самое замечательное во всём этом — это образование *животных духов* (*esprits animaux*), которые представляют собой нечто вроде очень тонкого ветра или, скорее, очень чистого и живого пламени, постоянно в большом количестве поднимающегося из сердца в мозг и оттуда по нервам поступающего в мышцы, приводя в движение все члены.

И здесь не нужно прибегать ни к какой иной причине, объясняющей, почему наиболее возбуждённые и проникающие части крови, наиболее пригодные для образования этих духов, стремятся скорее к мозгу, чем куда-либо ещё, кроме той, что артерии, ведущие к мозгу, идут от сердца наиболее прямым путём из всех.

А по законам механики, которые совпадают с законами природы, когда множество вещей стремятся двигаться в одном направлении, где недостаточно места для всех — так, как части крови, выходящие из левой полости сердца, направляются к мозгу — наиболее слабые и менее возбуждённые отклоняются, а наиболее сильные достигают цели.

J'avais expliqué assez particulièrement toutes ces choses dans le traité que j'avais eu ci-devant dessein de publier. Et ensuite j'y avais montré quelle doit être la fabrique des nerfs et des muscles du corps humain, pour faire que les esprits animaux étant dedans aient la force de mouvoir ses membres, ainsi qu'on voit que les têtes, un peu après être coupées, se remuent encore et mordent la terre nonobstant qu'elles ne soient plus animées; quels changements se doivent faire dans le cerveau pour causer la veille, et le sommeil, et les songes; comment la lumière, les sons, les odeurs, les goûts, la chaleur, et toutes les autres qualités des objets extérieurs y peuvent imprimer diverses idées, par l'entremise des sens; comment la faim, la soif, et les autres passions intérieures y peuvent aussi envoyer les leurs; ce qui doit y être pris pour le sens commun où ces idées sont reçues, pour la mémoire qui les conserve, et pour la fantaisie qui les peut diversement changer et en composer de nouvelles, et, par même moyen, distribuant les esprits animaux dans les muscles, faire mouvoir les membres de ce corps en autant de diverses façons, et autant à propos des objets qui se présentent à ses sens et des passions intérieures qui sont en lui, que les nôtres se puissent mouvoir sans que la volonté les conduise: ce qui ne semblera nullement étrange à ceux qui, sachant combien de divers automates ou machines

mouvantes, l'industrie des hommes peut faire, sans y employer que fort peu de pièces, à comparaison de la grande multitude des os, des muscles, des nerfs, des artères, des veines, et de toutes les autres parties qui sont dans le corps de chaque animal, considéreront ce corps comme une machine, qui, ayant été faite des mains de Dieu, est incomparablement mieux ordonnée et a en soi des mouvements plus admirables qu'aucune de celles qui peuvent être inventées par les hommes. Et je m'étais ici particulièrement arrêté à faire voir que s'il y avait de telles machines qui eussent les organes et la figure extérieure d'un singe ou de quelque autre animal sans raison, nous n'aurions aucun moyen pour reconnaître qu'elles ne seraient pas en tout de même nature que ces animaux; au lieu que s'il y en avait qui eussent la ressemblance de nos corps, et imitassent autant nos actions que moralement il serait possible, nous aurions toujours deux moyens très certains pour reconnaître qu'elles ne seraient point pour cela de vrais hommes: dont le premier est que jamais elles ne pourraient user de paroles ni d'autres signes en les composant, comme nous faisons pour déclarer aux autres nos pensées: car on peut bien concevoir qu'une machine soit tellement faite qu'elle profère des paroles, et même qu'elle en profère quelques-unes à propos des actions corporelles qui causeront quelque changement en ses organes, comme, si on la touche en quelque endroit, qu'elle demande ce qu'on lui veut dire; si en un autre, qu'elle crie qu'on lui fait mal, et choses semblables; mais non pas qu'elle les arrange diversement pour répondre au sens de tout ce qui se dira en sa présence, ainsi que les hommes les plus hébétés peuvent faire. Et le second est que, bien qu'elles fissent plusieurs choses aussi bien ou peut-être mieux qu'aucun de nous, elles manqueraient

infailliblement en quelques autres, par lesquelles on découvrirait qu'elles n'agiraient pas par connaissance, mais seulement par la disposition de leurs organes: car, au lieu que la raison est un instrument universel qui peut servir en toutes sortes de rencontres, ces organes ont besoin de quelque particulière disposition pour chaque action particulière; d'où vient qu'il est moralement impossible qu'il y en ait assez de divers en une machine pour la faire agir en toutes les occurrences de la vie de même façon que notre raison nous fait agir. Or, par ces deux mêmes moyens, on peut aussi connaître la différence qui est entre les hommes et les bêtes.

Я достаточно подробно объяснил всё это в трактате, который прежде намеревался опубликовать. Далее я показал, как должно быть устроено строение нервов и мышц человеческого тела, чтобы *животные духи*, пребывая в нём, могли приводить в движение его члены — подобно тому как мы видим, что отрубленные головы ещё некоторое время движутся и кусают землю, несмотря на то, что в них уже нет души.

Я объяснил, какие изменения должны происходить в мозге, чтобы возникали бодрствование, сон и сновидения; как свет, звуки, запахи, вкусы, тепло и все другие качества внешних объектов могут вызывать в нём различные идеи посредством чувств; как голод, жажда и прочие внутренние страсти также могут посылать туда свои воздействия; что следует понимать под *общим чувством*, куда эти идеи поступают, под *памятью*, которая их сохраняет, и под *фантазией*, которая может их преобразовывать и составлять из них новые.

И тем же способом, распределяя *животные духи* по мышцам, фантазия может заставить члены тела двигаться столь же разнообразно и уместно в ответ на внешние воздействия и внутренние страсти, как и наши собственные тела движутся без участия воли.

(Пояснение переводчика: «le sens commun», «la mémoire», «la fantaisie» — «общее чувство», «память», «фантазия». Эти термины, унаследованные от схоластики, Декарт переосмысливает в рамках механо-физиологической модели, связывая с внутренним устройством мозга и циркуляцией «животных духов».)

Это не покажется странным тем, кто знает, сколь разнообразные автоматы и движущиеся машины может создать человек, используя сравнительно немного деталей, если сопоставить с огромным числом костей, мышц, нервов, артерий, вен и всех прочих частей, имеющих в теле каждого животного.

Рассматривая это тело как машину, созданную рукой Бога, они признают, что оно устроено несравненно более совершенно и заключает в себе более удивительные движения, чем любая из тех, что может быть изобретена человеком.

И здесь я особенно старался показать, что если бы существовали такие машины, которые имели бы органы и внешность обезьяны или другого неразумного животного, у нас не было бы никаких средств определить, не являются ли они в точности такими же по своей природе, как и сами животные.

Но если бы были машины, подобные нашим телам и имитирующие наши действия настолько, насколько это возможно морально, у нас всё же было бы два достоверных средства узнать, что они не являются настоящими людьми.

Первое — то, что они никогда не смогли бы использовать речь или иные знаки, составляя их, как мы, чтобы передавать другим свои мысли.

Можно представить себе машину, которая произносит слова и даже делает это в связи с телесными действиями, вызывающими изменения в её органах, например, если её коснуться в одном месте, она спросит, чего от неё хотят; если в другом — вскрикнет от боли, и тому подобное. Но невозможно представить, чтобы она могла по-разному комбинировать эти слова в ответ на смысл всего, что говорится в её присутствии, как это умеют делать даже самые глупые люди.

Второе — то, что хотя такие машины могли бы выполнять множество вещей так же хорошо, а возможно, и лучше, чем кто-либо из нас, они непременно ошиблись бы в некоторых других, что выдавало бы, что они действуют не на основании знания, а только в силу устройства своих органов.

Ибо, тогда как разум — это универсальный инструмент, пригодный во всех обстоятельствах, механизмы органов требуют особого устройства для каждой конкретной функции. Поэтому морально невозможно, чтобы в машине было достаточно разнообразных механизмов, чтобы она действовала во всех случаях жизни так, как нас ведёт наш разум.

И этими же двумя средствами можно различить человека и животное.

Car c'est une chose bien remarquable qu'il n'y a point d'hommes si hébétés et si stupides, sans en excepter même les insensés, qu'ils ne soient capables d'arranger ensemble diverses paroles, et d'en composer un discours par lequel ils fassent entendre leurs pensées; et qu'au contraire il n'y

a point d'autre animal, tant parfait et tant heureusement né qu'il puisse être, qui fasse le semblable. Ce qui n'arrive pas de ce qu'ils ont faute d'organes: car on voit que les pies et les perroquets peuvent proférer des paroles ainsi que nous, et toutefois ne peuvent parler ainsi que nous, c'est-à-dire en témoignant qu'ils pensent ce qu'ils disent; au lieu que les hommes qui étant nés sourds et muets sont privés des organes qui servent aux autres pour parler, autant ou plus que les bêtes, ont coutume d'inventer d'eux-mêmes quelques signes, par lesquels ils se font entendre à ceux qui étant ordinairement avec eux ont loisir d'apprendre leur langue. Et ceci ne témoigne pas seulement que les bêtes ont moins de raison que les hommes, mais qu'elles n'en ont point du tout: car on voit qu'il n'en faut que fort peu pour savoir parler; et d'autant qu'on remarque de l'inégalité entre les animaux d'une même espèce, aussi bien qu'entre les hommes, et que les uns sont plus aisés à dresser que les autres, il n'est pas croyable qu'un singe ou un perroquet qui serait des plus parfaits de son espèce n'égalât en cela un enfant des plus stupides, ou du moins un enfant qui aurait le cerveau troublé, si leur âme n'était d'une nature toute différente de la nôtre. Et on ne doit pas confondre les paroles avec les mouvements naturels, qui témoignent les passions, et peuvent être imités par des machines aussi bien que par les animaux; ni penser, comme quelques anciens, que les bêtes parlent, bien que nous n'entendions pas leur langage. Car s'il était vrai, puisqu'elles ont plusieurs organes qui se rapportent aux nôtres, elles pourraient aussi bien se faire entendre à nous qu'à leurs semblables. C'est aussi une chose fort remarquable que, bien qu'il y ait plusieurs animaux qui témoignent plus d'industrie que nous en quelques-unes de leurs actions, on voit toutefois

que les mêmes n'en témoignent point du tout en beaucoup d'autres: de façon que ce qu'ils font mieux que nous ne prouve pas qu'ils ont de l'esprit, car à ce compte ils en auraient plus qu'aucun de nous et feraient mieux en toute autre chose; mais plutôt qu'ils n'en ont point, et que c'est la nature qui agit en eux selon la disposition de leurs organes: ainsi qu'on voit qu'un horloge, qui n'est composé que de roues et de ressorts, peut compter les heures et mesurer le temps plus justement que nous avec toute notre prudence.

Ибо это весьма поразительно: не существует ни одного человека, сколь бы тупым и глупым он ни был — включая и умалишённых, — который бы не мог соединять различные слова и составлять из них речь, выражающую его мысли.

В то же время не существует ни одного животного, каким бы совершенным и удачно сложенным оно ни было от природы, которое бы делало нечто подобное.

Это происходит не потому, что им не хватает органов речи: ведь мы видим, что сороки и попугаи могут произносить слова, как и мы, — но, несмотря на это, они не могут говорить как мы, то есть не способны выразить тем самым, что они действительно думают то, что говорят.

Зато люди, которые родились глухими и немыми, лишённые речевых органов в той же или даже большей степени, чем животные, обычно сами изобретают некоторые знаки, с помощью которых могут быть поняты теми, кто проводит с ними достаточно времени, чтобы выучить их язык.

(Пояснение переводчика: «les hommes... inventent d'eux-mêmes quelques signes...» — «люди... сами изобретают

некоторые знаки...». Здесь Декарт опирается на эмпирические наблюдения за немymi, противопоставляя врождённую разумность человека автоматизму животного поведения.)

Это указывает не просто на то, что животные обладают меньшим разумом, чем люди, — но на то, что они вовсе не обладают им.

Ибо ясно, что для умения говорить требуется совсем немного разума. И поскольку у животных одной и той же породы, как и у людей, можно наблюдать различия — одни лучше поддаются дрессировке, чем другие, — то не представляется правдоподобным, чтобы самая совершенная обезьяна или попугай не мог хотя бы сравниться с самым тупым ребёнком, или, по крайней мере, с ребёнком, ум которого расстроен, если бы душа животного была того же рода, что и наша.

Не следует также путать речь с естественными движениями, выражающими страсти и могущими быть столь же успешно воспроизведёнными машинами, как и животными; и не следует думать, как делали некоторые древние, что животные говорят, хотя мы не понимаем их язык.

Ибо если бы это было так, то, имея многие органы, сходные с нашими, они могли бы быть понятны нам так же, как и своим сородичам.

Также весьма поучительно, что хотя некоторые животные в отдельных действиях проявляют большую искусность, чем мы, тем не менее видно, что в других они её вовсе не проявляют: так что то, что они делают лучше нас, не доказывает, что у них есть разум — иначе у них его было бы больше, чем у кого-либо из нас, и они превосходили бы нас во всём.

Наоборот, это скорее указывает, что они вовсе не обладают разумом, а действуют по велению природы, согласно устройству своих органов — подобно тому, как часы, состоящие лишь из колёс и пружин, могут измерять время точнее, чем мы — со всей нашей разумностью.

J'avais décrit après cela l'âme raisonnable, et fait voir qu'elle ne peut aucunement être tirée de la puissance de la matière, ainsi que les autres choses dont j'avais parlé, mais qu'elle doit expressément être créée; et comment il ne suffit pas qu'elle soit logée dans le corps humain, ainsi qu'un pilote en son navire, sinon peut-être pour mouvoir ses membres, mais qu'il est besoin qu'elle soit jointe et unie plus étroitement avec lui, pour avoir outre cela des sentiments et des appétits semblables aux nôtres, et ainsi composer un vrai homme. Au reste, je me suis ici un peu étendu sur le sujet de l'âme, à cause qu'il est des plus importants: car, après l'erreur de ceux qui nient Dieu, laquelle je pense avoir ci-dessus assez réfutée, il n'y en a point qui éloigne plutôt les esprits faibles du droit chemin de la vertu, que d'imaginer que l'âme des bêtes soit de même nature que la nôtre, et que par conséquent nous n'avons rien à craindre ni à espérer après cette vie, non plus que les mouches et les fourmis; au lieu que lorsqu'on sait combien elles diffèrent, on comprend beaucoup mieux les raisons qui prouvent que la nôtre est d'une nature entièrement indépendante du corps, et par conséquent qu'elle n'est point sujette à mourir avec lui; puis, d'autant qu'on ne voit point d'autres causes qui la détruisent, on est naturellement porté à juger de là qu'elle est immortelle.

Затем я описал *разумную душу* и показал, что она никоим образом не может быть выведена из способности материи — в отличие от других вещей, о которых я говорил прежде, — но должна быть сотворена непосредственно. И что недостаточно, чтобы она просто находилась в человеческом теле, как пилот в корабле, — разве что только для управления движениями членов, — но необходимо, чтобы она была соединена и слита с телом гораздо теснее, чтобы, кроме того, иметь чувства и желания, подобные нашим, и таким образом составлять *настоящего человека*.

(Пояснение переводчика: «il est besoin qu'elle soit jointe et unie plus étroitement» — «необходимо, чтобы она была соединена и слита...». Декарт уточняет своё знаменитое сравнение с пилотом, уточняя: душа не просто управляет телом, но вовлечена в его аффективные состояния, без чего человек не был бы полноценным субъектом.)

Впрочем, я задержался на теме души несколько дольше потому, что она одна из важнейших: ибо, помимо заблуждения тех, кто отрицает Бога — которое, как я думаю, выше я достаточно опроверг, — нет заблуждения, которое бы столь же сильно уводило слабые умы с пути добродетели, как представление о том, будто душа животных имеет ту же природу, что и наша, и что, следовательно, нам нечего ни бояться, ни надеяться после этой жизни, как и мухам или муравьям.

Тогда как, напротив, когда мы понимаем, насколько они различны, мы гораздо яснее усматриваем доводы, доказывающие, что наша душа имеет природу, полностью независимую от тела, а следовательно, не подвержена смерти вместе с ним.

И, поскольку не видно никаких других причин, которые могли бы её уничтожить, человек естественным образом склонен заключить, что она — *бессмертна*.

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ. УСЛОВИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ

SIXIEME PARTIE CHOSES REQUISES POUR ALLER PLUS AVANT EN LA RECHERCHE DE LA NATURE

Or il y a maintenant trois ans que j'étais parvenu à la fin du traité qui contient toutes ces choses, et que je commençais à le revoir afin de le mettre entre les mains d'un imprimeur, lorsque j'appris que des personnes à qui je défère, et dont l'autorité ne peut guère moins sur mes actions que ma propre raison sur mes pensées, avaient désapprouvé une opinion de physique publiée un peu auparavant par quelque autre⁶, de laquelle je ne veux pas dire que je fusse, mais bien que je n'y avais rien remarqué avant leur censure que je pusse imaginer être préjudiciable ni à la religion ni à l'État, ni par conséquent qui m'eût empêché de l'écrire si la raison me l'eût persuadée; et que cela me fit craindre qu'il ne s'en trouvât tout de même quelqu'une entre les miennes en laquelle je me fusse mépris, nonobstant le grand soin que j'ai toujours eu de n'en point recevoir de nouvelles en ma créance dont je n'eusse des démonstrations très certaines, et de n'en point écrire qui pussent tourner au désavantage de personne. Ce qui a été suffisant pour m'obliger à changer la résolution que j'avais eue de les publier; car, encore que les raisons pour lesquelles je l'avais prise auparavant fussent très fortes, mon inclination, qui m'a toujours fait haïr le métier de faire des livres, m'en fit incontinent trouver assez d'autres pour m'en excuser. Et ces raisons de part et d'autre sont telles, que non

seulement j'ai ici quelque intérêt de les dire, mais peut-être aussi que le public en a de les savoir.

Прошло уже три года с тех пор, как я завершил трактат, содержащий всё вышеизложенное, и начал его пересматривать с намерением передать в печать, как вдруг узнал, что некоторые лица, к мнению которых я прислушиваюсь и чей авторитет имеет надо мною едва ли не такую же силу, как и мой собственный разум в моих мыслях, выразили неодобрение по поводу одного физического учения, недавно опубликованного другим автором⁶.

Я не скажу, будто разделял это мнение, но, по крайней мере, до этой критики не усматривал в нём ничего такого, что, по моим представлениям, могло бы нанести вред ни религии, ни государству — а значит, и ничего такого, что удержало бы меня от его написания, если бы разум убедил меня в его истинности.

Это заставило меня опасаться, что среди моих собственных взглядов может оказаться нечто подобное — пусть даже и невольно, несмотря на мою крайнюю осторожность не принимать ни одной новой идеи без абсолютно достоверных доказательств, и не писать ничего, что могло бы повредить кому бы то ни было.

(Пояснение переводчика: «quelque autre» — «некоторый другой». Речь идёт, как считается, о Галилее и его осуждении в 1633 году. Декарт, осознав цензурные риски, отказался от публикации своего *Traité du Monde*, несмотря на завершённость текста.)

Этого оказалось достаточно, чтобы изменить принятое мною решение опубликовать свой труд.

Ибо хотя доводы в пользу публикации были весьма весомыми, моя врождённая склонность, всегда внушавшая мне отвращение к занятию книжным ремеслом, тотчас же подсказала мне и другие достаточные причины, чтобы отказаться.

И причины как «за», так и «против» оказались столь значительными, что мне не только уместно изложить их здесь, но, возможно, публика также имеет основание их знать.

---

⁶ *Вероятнее всего, намёк на Галилея, чья гелиоцентрическая теория была осуждена церковью в 1633 году.*

Je n'ai jamais fait beaucoup d'état des choses qui venaient de mon esprit; et pendant que je n'ai recueilli d'autres fruits de la méthode don't je me sers, sinon que je me suis satisfait touchant quelques difficultés qui appartiennent aux sciences spéculatives, ou bien que j'ai tâché de régler mes mœurs par les raisons qu'elle m'enseignait, je n'ai point cru être xperi d'en rien écrire. Car, pour ce qui touche les mœurs, chacun abonde si fort en son sens, qu'il se pourrait trouver autant de réformateurs que de têtes, s'il était permis à d'autres qu'à ceux que Dieu a établis pour souverains sur ses xperie, ou bien auxquels il a donné assez de grâce et de zèle pour être prophètes, d'entreprendre d'y ri'n changer' et, bien que mes xperiences me plussent fort, j'ai cru que les autres en avaient aussi qui leur plaisaient peut-être xperienc. Mais, sitôt que j'ai eu acquis quelques notions générales touchant la physique, et que, commençant à les éprouver en diverses difficultés particulières, j'ai xperien jusques où elles peuvent conduire, et xperie elles xperienc des

principes don't on s'est servi jusque'à experie, j'ai cru que je ne pouvais les tenir xperi sans pécher grandement contre la loi qui nous oblige à procurer autant qu'il xperi nous le 6 Galilée. (N.d.É.) bien experie de tous les hommes: car elles m'ont fait voir qu'il est possible de parvenir à des connaissances qui soient fort utiles à la vie; et qu'au lieu de cette philosophie xperiences qu'on enseigne dans les écoles, on en peut trouver une pratique, par laquelle, connaissant la force et les actions du feu, de l'eau, de l'air, des astres, des cieux, et de tous les autres corps qui nous xperiences, aussi distinctement que nous connaissons les divers métiers de nos artisans, nous les pourrions employer en même façon à tous les usages auxquels ils sont propres, et ainsi nous xperi comme maîtres et possesseurs de la nature. Ce qui n'est pas seulement à experie pour l'invention d'une xperien d'artifices, qui feraient 'u'on jouira't sans aucune 'eine des fruits de la terre et de toutes les commodités qui s'y trouvent, mais principalement aussi pour la conservation de la santé, laquelle est sans doute le premier bien et le fondement de tous les autres biens de cette vie; car même l'esprit dépend si fort du tempérament et de la disposition'des xperi du corps, que, s'il est possibles de trouver quelque moyen qui rende communément les hommes plus sages et plus habiles qu'ils n'ont été jusqu'ici, je crois que c'est dans la médecine qu'on doit le chercher. Il est vrai que celle qui est maintenant en usage contient peu de choses don't l'utilité soit si remarquable: mais, sans que j'aie aucun dessein de la mépriser, je m'assure qu'il n'y a personne, même de ceux qui en font profession, qui n'avoue que tout ce qu'on y sait n'est experie rien à comparaison de ce qui reste à y savoir; et qu'on se pourrait exempter d'une xperien de maladies

tant du corps que de l'esprit, et même aussi peut-être de l'affaiblissement de l'vieillesse' si on avait assez de connaissance de leurs causes et de tous les remèdes don't la nature nous a pourvus. Or, ayant dessein d'employer toute ma vie à la recherche d'une science si xperience, et ayant rencontré un chemin qui me semble tel qu'on doit infailliblement la trouver en le suivant, si ce n'est qu'on en soit empêché ou par la brièveté de la vie ou par le défaut des xperiences, je jugeais qu'il n'y avait point de xperien remède contre ces deux empêchements que de communiquer fidèlement au public tout le peu que j'aurais trouvé, et de convier les bons esprits à tâcher de passer plus outre, en contribuant, chacun selon son inclination et son pouvoir, aux xperiences qu'il faudrait faire, et communiquant aussi au public toutes les choses qu'ils apprendraient, afin que les derniers commençant où les précédents auraient achevé, et ainsi joignant les vies et les travaux de plusieurs, nous allussions tous ensemble beaucoup plus loin que chacun en particulier ne saurait faire.

Я никогда не придавал большого значения плодам собственного ума; и пока единственными результатами метода, которым я пользуюсь, были лишь удовлетворение в некоторых трудностях, касающихся спекулятивных наук, или попытка упорядочить свою мораль на основе выводов, к которым он меня приводил, я не считал себя обязанным что-либо писать.

Ибо что касается нравов, то здесь каждый настолько уверен в своей правоте, что, если бы право вносить изменения принадлежало кому угодно, а не только тем,

кого Бог поставил правителями народов или кого Он наделил благодатью и рвением быть пророками, то нашлось бы столько реформаторов, сколько голов.

А хотя мои собственные размышления мне очень нравились, я думал, что у других, быть может, есть свои, которые кажутся им ещё более приятными.

Но как только я получил некоторые общие представления о физике и начал применять их к отдельным задачам, заметив, как далеко они могут завести и насколько отличаются от используемых до сих пор оснований, я почувствовал, что не могу скрывать их, не нарушая тем самым закон, обязывающий нас, насколько это в наших силах, способствовать общему благу всех людей.

(Пояснение переводчика: «nous rendre comme maîtres et possesseurs de la nature» — «сделать нас как бы господами и владельцами природы». Этот знаменитый образ Декарта выражает суть его проекта — переход от спекулятивной к прикладной философии, основанной на знании законов природы.)

Ибо эти идеи показали мне, что возможно достичь таких знаний, которые окажутся крайне полезными в жизни.

И что вместо той спекулятивной философии, которую преподают в школах, можно создать практическую, благодаря которой, зная силы и действия огня, воды, воздуха, звёзд, неба и всех прочих окружающих нас тел так же ясно, как мы знаем ремёсла наших мастеров, мы сможем использовать их с той же целесообразностью — и таким образом стать *господами и обладателями природы*.

И это желательно не только ради изобретения множества механизмов, с помощью которых можно было бы без труда наслаждаться плодами земли и всеми её удобствами, но главным образом — ради *сохранения*

здоровья, которое, без сомнения, есть наивысшее благо и основа всех других благ в жизни.

Ибо дух столь сильно зависит от темперамента и состояния телесных органов, что, если вообще возможно найти способ сделать людей в целом более мудрыми и способными, чем они были до сих пор, то, я думаю, искать его следует именно в *медицине*.

Правда, та, что применяется сейчас, содержит немало полезного: но, не желая её принижать, я уверен, что никто, даже из числа её приверженцев, не станет отрицать, что всё, что в ней известно, почти ничто по сравнению с тем, что остаётся узнать.

И что можно было бы избежать бесчисленных болезней тела и духа, а возможно — даже ослабления старости, если бы мы лучше знали их причины и все средства, которыми наделила нас природа.

И вот, намереваясь посвятить всю свою жизнь поиску этой столь необходимой науки и обнаружив путь, который, по моему убеждению, неизбежно приведёт к ней, если только ему не помешают краткость жизни или недостаток опыта, я пришёл к выводу, что нет лучшего средства преодолеть эти два препятствия, чем искренне сообщать публике всё, что мне удалось найти, и приглашать добрые умы продолжать путь дальше — внося, каждый по мере склонности и возможностей, свой вклад в нужные опыты, и также делаясь с обществом тем, что они узнают.

Так, если бы последние начинали с того места, на котором остановились предыдущие, объединяя тем самым жизни и труды многих, мы продвинулись бы гораздо дальше, чем каждый мог бы сделать в одиночку.

Même je remarquais, touchant les expériences, qu'elles sont d'autant plus nécessaires qu'on est plus avancé en connaissance; car, pour le commencement, il vaut mieux ne se servir que de celles qui se présentent d'elles-mêmes à nos sens, et que nous ne saurions ignorer pourvu que nous y fassions tant soit peu de réflexion, que d'en chercher de plus rares et étudiées: dont la raison est que ces plus rares trompent souvent, lorsqu'on ne sait pas encore les causes des plus communes, et que les circonstances dont elles dépendent sont quasi toujours si particulières et si petites, qu'il est très malaisé de les remarquer. Mais l'ordre que j'ai tenu en ceci a été tel. Premièrement, j'ai tâché de trouver en général les principes ou premières causes de tout ce qui est ou qui peut être dans le monde, sans rien considérer pour cet effet que Dieu seul qui l'a créé, ni les tirer d'ailleurs que de certaine semences de vérités qui sont naturellement en nos âmes. Après cela, j'ai examiné quels étaient les premiers et plus ordinaires effets qu'on pouvait déduire de ces causes; et il me semble que par là j'ai trouvé des cieux, des astres, une terre, et même sur la terre de l'eau, de l'air, du feu, des minéraux, et quelques autres telles choses, qui sont les plus communes de toutes et les plus simples, et par conséquent les plus aisées à connaître. Puis, lorsque j'ai voulu descendre à celles qui étaient plus particulières, il s'en est tant présenté à moi de diverses, que je n'ai pus cru qu'il fût possible à l'esprit humain de distinguer les formes ou espèces de corps qui sont sur la terre, d'une infinité d'autres qui pourraient y être si c'eût été le vouloir de Dieu de les y mettre, ni par conséquent de les rapporter à notre usage, si ce n'est qu'on vienne au-devant des causes par les effets, et qu'on se serve de plusieurs expériences particulières. Ensuite de quoi,

repassant mon esprit sur tous les objets qui s'étaient jamais présentés à mes sens, j'ose bien dire que je n'y ai remarqué aucune chose que je ne pusse assez commodément expliquer par les principes que j'avais trouvés. Mais il faut aussi que j'avoue que la puissance de la nature est si ample et si vaste, et que ces principes sont si simples et si généraux, que je ne remarque quasi plus aucun effet particulier que d'abord je ne connaisse qu'il peut en être déduit en plusieurs diverses façons, et que ma plus grande difficulté est d'ordinaire de trouver en laquelle de ces façons il en dépend; car à cela je ne sais point d'autre expédient que de chercher derechef quelques expériences qui soient telles que leur événement ne soit pas le même si c'est en l'une de ces façons qu'on doit l'expliquer que si c'est en l'autre. Au reste, j'en suis maintenant là que je vois, ce me semble, assez bien de quel biais on se doit prendre à faire la plupart de celles qui peuvent servir à cet effet: mais je vois aussi qu'elles sont telles, et en si grand nombre, que ni mes mains ni mon revenu, bien que j'en eusse mille fois plus que je n'en ai, ne sauraient suffire pour toutes; en sorte que, selon que j'aurai désormais la commodité d'en faire plus ou moins, j'avancerai aussi plus ou moins en la connaissance de la nature: ce que je me promettais de faire connaître par le traité que j'avais écrit, et d'y montrer si clairement l'utilité que le public en peut recevoir, que j'obligerais tous ceux qui désirent en général le bien des hommes, c'est-à-dire tous ceux qui sont en effet vertueux, et non point par faux semblant ni seulement par opinion, tant à me communiquer celles qu'ils ont déjà faites, qu'à m'aider en la recherche de celles qui restent à faire.

Более того, я заметил, что *опыты тем более необходимы, чем дальше мы продвигаемся в познании*: ибо на первых порах лучше довольствоваться только теми, которые сами собой даны нашим чувствам и которые мы не можем не заметить, если хоть немного на них обратим внимание, нежели искать редких и искусно устроенных. Причина этого в том, что такие редкие опыты часто вводят в заблуждение, пока ещё не известны причины самых обыденных явлений, и что обстоятельства, от которых они зависят, почти всегда столь частные и мелкие, что уловить их весьма трудно.

(Пояснение переводчика: «*ces plus rares trompent souvent...*» — «эти более редкие часто вводят в заблуждение...»). Декарт формулирует эпистемологический приоритет — от простых и очевидных явлений к сложным, в духе методологического эмпиризма.)

Порядок, которого я придерживался, был следующим: Сначала я постарался в общем найти *принципы* или *первые причины* всего, что есть или может быть в мире, не рассматривая для этого ничего, кроме *одного лишь Бога*, который всё сотворил, и не выводя их ниоткуда, кроме как из *некоторых зародышей истины*, естественно присущих нашим душам.

После этого я исследовал, каковы были бы первые и наиболее обычные эффекты, вытекающие из этих причин; и мне кажется, что таким путём я пришёл к небесам, звёздам, земле, а на ней — к воде, воздуху, огню, минералам и некоторым другим вещам такого рода, которые суть самые общие и простые из всех, а потому наилучшим образом поддаются познанию.

Затем, когда я захотел спуститься к более частным вещам, мне представилось столь великое разнообразие,

что я пришёл к убеждению, будто человеческому уму невозможно отличить формы или виды тел, находящихся на земле, от бесчисленного множества других, которые могли бы здесь быть, если бы Бог захотел их создать — и, следовательно, невозможно соотнести их с нашими потребностями, иначе как *выводя причины из следствий* и прибегая к множеству *частных опытов*.

Затем, вновь пробегая мыслью все объекты, когда-либо представшие моим чувствам, я осмелился сказать, что не заметил среди них ни одной вещи, которую не мог бы достаточно удобно объяснить через найденные мною принципы.

Но также должен признать, что силы природы столь обширны, а мои принципы столь просты и всеобщи, что едва ли найдётся хоть один частный эффект, по поводу которого я бы сразу не понял, что его можно вывести из этих принципов несколькими разными путями; и моя наибольшая трудность теперь чаще всего состоит в том, чтобы определить, *каким именно* из этих путей он обусловлен.

А тут, как я знаю, не существует иного приёма, кроме как вновь прибегнуть к опытам, настолько устроенным, чтобы их результат не был бы одинаков, если бы объяснение принадлежало одному из этих путей, и если бы — другому.

Теперь я дошёл до того, что, по-видимому, достаточно хорошо понимаю, *каким образом следует организовать большинство таких опытов*; но вижу также, что они столь многочисленны и сложны, что *ни мои руки, ни мои средства* — даже если бы у меня их было в тысячу раз больше — не были бы достаточны для всех.

Так что, насколько у меня впредь будет возможность делать больше или меньше, настолько же будет продвигаться и моё знание природы.

Именно это я и надеялся разъяснить в трактате, который написал, желая настолько ясно показать, какую пользу может от него извлечь общество, чтобы побудить всех, кто действительно желает общего блага людей — а не из притворства или одного лишь мнения, — не только сообщить мне те опыты, которые у них уже есть, но и помочь мне в поиске тех, что ещё предстоит совершить.

Mais j'ai eu depuis ce temps-là d'autres raisons qui m'ont fait changer d'opinion, et penser que je devais véritablement continuer d'écrire toutes les choses que je jugerais de quelque importance, à mesure que j'en découvrirais la vérité, et y apporter le même soin que si je les voulais faire imprimer, tant afin d'avoir d'autant plus d'occasion de les bien examiner, comme sans doute on regarde toujours de plus près à ce qu'on croit devoir être vu par plusieurs qu'à ce qu'on ne fait que pour soi-même, et souvent les choses qui m'ont semblé vraies lorsque j'ai commencé à les concevoir, m'ont paru fausses lorsque je les ai voulu mettre sur le papier, qu'afin de ne perdre aucune occasion de profiter au public, si j'en suis capable, et que si mes écrits valent quelque chose, ceux qui les auront après ma mort en puissent user ainsi qu'il sera le plus à propos; mais que je ne devais aucunement consentir qu'ils fussent publiés pendant ma vie, afin que ni les oppositions et controverses auxquelles ils seraient peut-être sujets, ni même la réputation telle quelle qu'ils me pourraient acquérir, ne me donnassent aucune occasion de perdre le temps que j'ai dessein d'employer à

m'instruire. Car, bien qu'il soit vrai que chaque homme est obligé de procurer autant qu'il est en lui le bien des autres, et que c'est proprement ne valoir rien que de n'être utile à personne, toutefois il est vrai aussi que nos soins se doivent étendre plus loin que le temps présent, et qu'il est bon d'omettre les choses qui apporteraient peut-être quelque profit à ceux qui vivent, lorsque c'est à dessein d'en faire d'autres qui en apportent davantage à nos neveux. Comme en effet je veux bien qu'on sache que le peu que j'ai appris jusqu'ici n'est presque rien à comparaison de ce que j'ignore et que je ne désespère pas de pouvoir apprendre: car c'est quasi le même de ceux qui découvrent peu à peu la vérité dans les sciences, que de ceux qui, commençant à devenir riches, ont moins de peine à faire de grandes acquisitions, qu'ils n'ont eu auparavant, étant plus pauvres, à en faire de beaucoup moindres. Ou bien on peut les comparer aux chefs d'armée, dont les forces ont coutume de croître à proportion de leurs victoires, et qui ont besoin de plus de conduite pour se maintenir après la perte d'une bataille, qu'ils n'ont, après l'avoir gagnée, à prendre des villes et des provinces: car c'est véritablement donner des batailles que de tâcher à vaincre toutes les difficultés et les erreurs qui nous empêchent de parvenir à la connaissance de la vérité, et c'est en perdre une que de recevoir quelque fausse opinion touchant une matière un peu générale et importante; il faut après beaucoup plus d'adresse pour se remettre au même état qu'on était auparavant, qu'il ne faut à faire de grands progrès lorsqu'on a déjà des principes qui sont assurés. Pour moi, si j'ai ci-devant trouvé quelques vérités dans les sciences (et j'espère que les choses qui sont contenues en ce volume feront juger que j'en ai trouvé quelques-unes), je puis dire que ce ne

sont que des suites et des dépendances de cinq ou six principales difficultés que j'ai surmontées, et que je compte pour autant de batailles où j'ai eu l'heur de mon côté: même je ne craindrai pas de dire que je pense n'avoir plus besoin d'en gagner que deux ou trois autres semblables pour venir entièrement à bout de mes desseins; et que mon âge n'est point si avancé que, selon le cours ordinaire de la nature, je ne puisse encore avoir assez de loisir pour cet effet. Mais je crois être d'autant plus obligé à ménager le temps qui me reste, que j'ai plus d'espérance de le pouvoir bien employer; et j'aurais sans doute plusieurs occasions de le perdre, si je publiais les fondements de ma physique: car, encore qu'ils soient presque tous si évidents qu'il ne faut que les entendre pour les croire, et qu'il n'y en ait aucun dont je ne pense pouvoir donner des démonstrations, toutefois, à cause qu'il est impossible qu'ils soient accordants avec toutes les diverses opinions des autres hommes, je prévois que je serais souvent diverti par les oppositions qu'ils feraient naître.

Однако с тех пор у меня появились другие причины изменить своё мнение и подумать, что я действительно должен продолжать записывать всё, что сочту важным, по мере того как буду открывать истину, с тем же тщанием, как если бы намеревался это печатать. И делаю это прежде всего затем, чтобы иметь больше поводов к тщательной проверке: ведь, без сомнения, к тому, что, как мы предполагаем, будет прочитано многими, мы присматриваемся гораздо пристальнее, чем к тому, что пишем лишь для себя.

Нередко случалось, что вещи, казавшиеся мне истинными в начале размышления, представляли ложными, когда я начинал излагать их на бумаге.

А также для того, чтобы не упустить случая быть полезным обществу — если я на это способен — и чтобы, если мои сочинения чего-то стоят, те, кто будет обладать ими после моей смерти, могли бы воспользоваться ими наилучшим образом.

Но в то же время я считаю, что вовсе не должен соглашаться на их публикацию при жизни — дабы ни полемика и споры, которые они могли бы вызвать, ни даже репутация, какую бы она ни была, которую они могли бы мне принести, не отвлекли бы меня от того времени, которое я намереваюсь целиком посвятить учению.

(Пояснение переводчика: «je crois être d'autant plus obligé à ménager le temps...» — «я считаю себя тем более обязанным беречь оставшееся мне время...»). Декарт мотивирует отказ от публикации необходимостью сосредоточиться на философском труде, а не отвлекаться на общественное признание или споры.)

Ибо хотя верно, что каждый человек обязан по возможности стремиться к общему благу других, и что быть бесполезным — значит быть ничем, тем не менее также верно и то, что наша забота должна простираться дальше настоящего времени.

И хорошо отложить те дела, которые могли бы принести некоторую пользу современникам, если это делается с намерением подготовить другие, способные принести гораздо большую пользу потомкам.

И действительно, хочу, чтобы было известно: то немногое, что я узнал до сих пор, почти ничто по сравнению с тем, чего я не знаю и что не теряю надежды познать.

Ведь с теми, кто шаг за шагом раскрывает истину в науках, почти то же самое, что и с теми, кто начинает

богателеть: им легче делать крупные приобретения, чем когда они, будучи бедны, делали малые.

Или их можно уподобить полководцам, чьи силы растут пропорционально их победам и которым нужно больше умения, чтобы удержаться после проигранной битвы, чем чтобы после победы овладеть городами и провинциями.

Ибо поистине «давать сражения» — значит пытаться преодолеть все трудности и заблуждения, мешающие нам достичь познания истины, и значит проигрывать битву — принимать какую-либо ложную мысль относительно обширного и важного вопроса: ведь чтобы вернуться в прежнее состояние, требуется гораздо больше усилий, чем для того, чтобы продвинуться вперёд, когда уже есть надёжные принципы.

Что до меня, если я и обнаружил в науках какие-либо истины (и я надеюсь, что содержание настоящего тома даст основание думать, что я нашёл несколько), то могу сказать, что это лишь следствия и производные от пяти или шести основных трудностей, которые я преодолел и которые считаю сражениями, в которых удача была на моей стороне.

Я даже не побоюсь сказать, что думаю: мне осталось одержать ещё две или три такие победы, чтобы полностью достичь своей цели; и мой возраст ещё не столь велик, чтобы, по обычному ходу природы, я не мог бы рассчитывать на достаточный срок для этого.

Но я считаю себя тем более обязанным беречь оставшееся мне время, чем больше у меня надежд использовать его с пользой.

И, несомненно, у меня было бы множество поводов его терять, если бы я опубликовал основы своей физики: ибо, хотя почти все они столь очевидны, что их достаточно лишь понять, чтобы в них поверить, и ни один из них, как

мне кажется, не лишён возможности быть доказанным, — тем не менее, поскольку невозможно, чтобы они совпадали со всеми разнообразными мнениями других людей, я предвижу, что неизбежно буду часто отвлекаем спорами, которые они вызовут.

On peut dire que ces oppositions seraient utiles, tant afin de me faire connaître mes fautes, qu'afin que, si j'avais quelque chose de bon, les autres en eussent par ce moyen plus d'intelligence, et, comme plusieurs peuvent plus voir qu'un homme seul, que, commençant dès maintenant à s'en servir, ils m'aidassent aussi de leurs inventions. Mais encore que je me reconnaisse extrêmement sujet à faillir, et que je ne me fie quasi jamais aux premières pensées qui me viennent, toutefois l'expérience que j'ai des objections qu'on me peut faire m'empêche d'en espérer aucun profit: car j'ai déjà souvent éprouvé les jugements tant de ceux que j'ai tenus pour mes amis que de quelques autres à qui je pensais être indifférent, et même aussi de quelques-uns dont je savais que la malignité et l'envie tâcherait assez à découvrir ce que l'affection cacherait à mes amis; mais il est rarement arrivé qu'on m'ait objecté quelque chose que je n'eusse point du tout prévue, si ce n'est qu'elle fût fort éloignée de mon sujet; en sorte que je n'ai quasi jamais rencontré aucun censeur de mes opinions qui ne me semblât ou moins rigoureux ou moins équitable que moi-même. Et je n'ai jamais remarqué non plus que par le moyen des disputes qui se pratiquent dans les écoles, on ait découvert aucune vérité qu'on ignorât auparavant: car pendant que chacun tâche de vaincre, on s'exerce bien plus à faire valoir la vraisemblance qu'à peser les raisons

de part et d'autre; et ceux qui ont été longtemps bons avocats ne sont pas pour cela par après meilleurs juges.

Можно сказать, что подобные возражения были бы полезны — как для того, чтобы указать мне на ошибки, так и для того, чтобы, если у меня есть нечто дельное, другие могли бы лучше это понять и, начав этим пользоваться, также помочь мне своими открытиями, ведь множество умов способны увидеть больше, чем один.

Однако, несмотря на то что я сознаю свою крайнюю склонность к ошибкам и почти никогда не полагаюсь на первые пришедшие мысли, мой опыт общения с возражениями, какие могут быть мне сделаны, не позволяет надеяться от них на какую-либо пользу.

(Пояснение переводчика: «je n'ai quasi jamais rencontré aucun senseur...» — «я почти никогда не встречал критика...». Декарт подчёркивает, что конструктивная критика крайне редка, так как споры мотивированы не истиной, а желанием победить.)

Я уже часто испытывал суждения как тех, кого считал друзьями, так и некоторых других, к которым, как думал, отношусь нейтрально, а также таких, чья злонамеренность и зависть, как я знал, с готовностью разоблачили бы то, что дружеская привязанность оставила бы скрытым.

Но почти никогда не случалось, чтобы мне возражали нечто, чего я бы совсем не предвидел — разве что это было бы весьма далёким от темы.

Так что я едва ли когда-либо встречал критика своих мнений, который бы казался мне более строгим или справедливым, чем я сам.

Я также не замечал, чтобы посредством тех споров, какие ведутся в школах, была когда-либо открыта какая-либо истина, прежде неизвестная: ибо, пока каждый старается победить, усилия направлены скорее на то, чтобы убедительно представить свою правоту, чем на то, чтобы взвесить доводы с обеих сторон.

А те, кто долгое время был хорошим адвокатом, от этого не становятся лучшими судьями.

Pour l'utilité que les autres recevraient de la communication de mes pensées, elle ne pourrait aussi être fort grande, d'autant que je ne les ai point encore conduites si loin qu'il ne soit besoin d'y ajouter beaucoup de choses avant que de les appliquer à l'usage. Et je pense pouvoir dire sans vanité que s'il y a quelqu'un qui en soit capable, ce doit être plutôt moi qu'aucun autre: non pas qu'il ne puisse y avoir au monde plusieurs esprits incomparablement meilleurs que le mien, mais pour ce qu'on ne saurait si bien concevoir une chose et la rendre sienne, lorsqu'on l'apprend de quelque autre, que lorsqu'on l'invente soi-même. Ce qui est si véritable en cette matière, que, bien que j'aie souvent expliqué quelques-unes de mes opinions à des personnes de très bon esprit, et qui, pendant que je leur parlais, semblaient les entendre fort distinctement, toutefois, lorsqu'ils les ont redites, j'ai remarqué qu'ils les ont changées presque toujours en telle sorte que je ne les pouvais plus avouer pour miennes. À l'occasion de quoi je suis bien aise de

prier ici nos neveux de ne croire jamais que les choses qu'on leur dira viennent de moi, lorsque je ne les aurai point moi-même divulguées; et je ne m'étonne aucunement des extravagances qu'on attribue à tous ces anciens philosophes dont nous n'avons point les écrits, ni ne juge pas pour cela que leurs pensées aient été fort déraisonnables, vu qu'ils étaient des meilleurs esprits de leurs temps, mais seulement qu'on nous les a mal rapportées. Comme on voit aussi que presque jamais il n'est arrivé qu'aucun de leurs sectateurs les ait surpassés; et je m'assure que les plus passionnés de ceux qui suivent maintenant Aristote se croiraient heureux s'ils avaient autant de connaissance de la nature qu'il en a eu, encore même que ce fût à condition qu'ils n'en auraient jamais davantage. Ils sont comme le lierre, qui ne tend point à monter plus haut que les arbres qui le soutiennent, et même souvent qui redescend, après qu'il est parvenu jusqu'à leur faîte; car il me semble aussi que ceux-là redescendent, c'est-à-dire se rendent en quelque façon moins savants que s'ils s'abstenaient d'étudier, lesquels, non contents de savoir tout ce qui est intelligiblement expliqué dans leur auteur, veulent outre cela y trouver la solution de plusieurs difficultés dont il ne dit rien, et auxquelles il n'a peut-être jamais pensé. Toutefois leur façon de philosopher est fort commode pour ceux qui n'ont que des esprits fort médiocres; car l'obscurité des distinctions et des principes dont ils se servent est cause qu'ils peuvent parler de toutes choses aussi hardiment que s'ils les savaient, et soutenir tout ce qu'ils en disent contre les plus subtils et les plus habiles, sans qu'où ait moyen de les convaincre: en quoi ils me semblent pareils à un aveugle qui, pour se battre sans désavantage contre un qui voit, l'aurait fait venir dans le fond de quelque cave fort

obscur: et je puis dire que ceux-ci ont intérêt que je m'abstienne de publier les principes de la philosophie dont je me sers; car étant très simples et très évidents, comme ils sont, je ferais quasi le même en les publiant que si j'ouvrais quelques fenêtres, et faisais entrer du jour dans cette cave où ils sont descendus pour se battre. Mais même les meilleurs esprits n'ont pas occasion de souhaiter de les connaître; car s'ils veulent savoir parler de toutes choses, et acquérir la réputation d'être doctes, ils y parviendront plus aisément en se contentant de la vraisemblance, qui peut être trouvée sans grande peine en toutes sortes de matières, qu'en cherchant la vérité, qui ne se découvre que peu à peu en quelques-unes, et qui, lorsqu'il est question de parler des autres, oblige à confesser franchement qu'on les ignore. Que s'ils préfèrent la connaissance de quelque peu de vérités à la vanité de paraître n'ignorer rien, comme sans doute elle est bien préférable, et qu'ils veuillent suivre un dessein semblable au mien, ils n'ont pas besoin pour cela que je leur dise rien davantage que ce que j'ai déjà dit en ce discours: car s'ils sont capables de passer plus outre que je n'ai fait, ils le seront aussi, à plus forte raison, de trouver d'eux-mêmes tout ce que je pense avoir trouvé; d'autant que n'ayant jamais rien examiné que par ordres il est certain que ce qui me reste encore à découvrir est de soi plus difficile et plus caché que ce que j'ai pu ci-devant rencontrer, et ils auraient bien moins de plaisir à l'apprendre de moi que d'eux-mêmes; outre que l'habitude qu'ils acquerront, en cherchant premièrement des choses faciles, et passant peu à peu par degrés à d'autres plus difficiles, leur servira plus que toutes mes instructions ne sauraient faire. Comme pour moi je me persuade que si on m'eût enseigné dès ma jeunesse toutes

les vérités dont j'ai cherché depuis les démonstrations, et que je n'eusse eu aucune peine à les apprendre, je n'en aurais peut-être jamais su aucunes autres, et du moins que jamais je n'aurais acquis l'habitude et la facilité que je pense avoir d'en trouver toujours de nouvelles à mesure que je m'applique à les chercher. Et en un mot s'il y a au monde quelque ouvrage qui ne puisse être si bien achevé par aucun autre que par le même qui l'a commencé, c'est celui auquel je travaille.

Что же касается пользы, которую другие могли бы извлечь из ознакомления с моими мыслями, то она не могла бы быть особенно велика, поскольку я ещё не довёл их до той степени завершенности, чтобы можно было приступить к их практическому применению без необходимости прибавить ещё многое.

И я думаю, что могу без тщеславия сказать: если уж кто и способен это сделать, так скорее я сам, чем кто-либо другой — не потому, что в мире не может быть умов несравненно более совершенных, чем мой, а потому, что невозможно в равной мере *понять* вещь и *сделать её своей*, если мы узнали её от кого-то другого, как если мы открыли её *сами*.

(Пояснение переводчика: «on ne saurait si bien concevoir une chose...» — «невозможно в равной мере понять вещь...». Декарт подчёркивает эпистемологическое превосходство самостоятельного мышления перед заимствованным.)

Это столь верно в данной области, что, хотя я нередко объяснял некоторые из своих идей людям с весьма острым умом, и они, казалось, прекрасно понимали меня, пока я говорил, — тем не менее, когда они пытались пересказать эти идеи, я почти всегда замечал, что они

изменили их до такой степени, что я уже не мог признать их за свои.

По этому поводу я с радостью обращаюсь к потомкам с просьбой *никогда не считать принадлежащим мне* то, о чём будет сказано, что это от меня, если только я сам этого не обнаруживал.

И я несколько не удивляюсь тем нелепостям, которые приписываются древним философам, от которых не осталось собственных сочинений, и не думаю из-за этого, будто их мысли были особенно безрассудны — ведь они, без сомнения, были одними из самых выдающихся умов своего времени. Я полагаю лишь, что их *неправильно передали*.

Так же, как почти никогда не случается, чтобы кто-либо из их последователей превзошёл их.

И я уверен, что даже самые ревностные из последователей Аристотеля сочли бы себя счастливыми, если бы обладали знанием природы, равным его собственному, даже при условии, что никогда не превзошли бы его.

Они подобны плющу, который не стремится взобраться выше дерева, что его поддерживает, и даже часто спускается обратно, достигнув вершины; точно так же и эти люди, мне кажется, *спускаются*, то есть в каком-то смысле становятся менее знающими, чем если бы вовсе не занимались наукой.

Поскольку, не удовлетворяясь знанием того, что их автор ясно изложил, они хотят ещё отыскать у него решения многих трудностей, о которых он ничего не сказал и, быть может, никогда не думал.

И всё же их способ философствования весьма удобен для тех, чей ум посредственен: ибо благодаря неясности различий и принципов, которыми они оперируют, они

могут говорить обо всём столь же смело, как если бы это знали, и отстаивать свои слова перед самыми проницательными и искусными, без возможности быть опровергнутыми.

В этом они похожи на слепца, который, чтобы сразиться с видящим без ущерба для себя, затащил бы его в глубокую тёмную пещеру.

И можно сказать, что эти люди только выиграли бы оттого, что я воздерживаюсь от публикации принципов той философии, которой придерживаюсь: ибо, будучи столь простыми и очевидными, они сделали бы почти то же, что и если бы я *открыл в этой пещере окна* и впустил туда дневной свет.

Но даже лучшие умы не имеют нужды стремиться их узнать: ибо если они хотят *говорить обо всём и приобрести репутацию учёных*, им это куда легче сделать, довольствуясь правдоподобием, которое можно легко найти по всякому вопросу, чем ища истину, которая раскрывается лишь понемногу в немногих областях и требует, когда речь заходит о других, честного признания своего незнания.

А если они предпочитают знание немногих истин тщеславию казаться всезнающими — как, без сомнения, оно того стоит, — и желают следовать пути, подобному моему, то им вовсе не нужно, чтобы я говорил им что-либо сверх того, что уже изложено в этом трактате.

Ибо если они в состоянии продвинуться дальше меня, то тем более смогут *сами найти* всё то, что, как я полагаю, нашёл я.

Тем более что, поскольку я никогда не исследовал ничего, кроме как в порядке, ясно, что то, что мне ещё предстоит открыть, само по себе труднее и сокрыто глубже, чем то, с чем я уже столкнулся.

И они получили бы куда меньше удовольствия, узнав это от меня, чем найдя сами. Кроме того, привычка, которую они приобретут, сначала исследуя лёгкие вещи и постепенно переходя к более трудным, принесёт им гораздо больше пользы, чем все мои наставления.

Что до меня, я убеждён: если бы мне в юности преподали все те истины, доказательства которых я позже отыскивал сам, и если бы я выучил их без труда, то, возможно, никогда не познал бы никаких других.

И, по меньшей мере, никогда бы не приобрёл того навыка и лёгкости, которые, как мне кажется, у меня есть — находить всё новые истины по мере того, как я стараюсь их искать.

И, словом, если в мире есть какое-либо дело, которое никто иной не может завершить лучше, чем тот, кто его начал, то это именно то дело, над которым я тружусь.

Il est vrai que pour ce qui est des expériences qui peuvent y servir, un homme seul ne saurait suffire à les faire toutes: mais il n'y saurait aussi employer utilement d'autres mains que les siennes, sinon celles des artisans, ou telles gens qu'il pourrait payer, et à qui l'espérance du gain, qui est un moyen très efficace, ferait faire exactement toutes les choses qu'il leur prescrirait. Car pour les volontaires qui, par curiosité ou désir d'apprendre, s'offriraient peut-être de lui aider, outre qu'ils ont pour l'ordinaire plus de promesses que d'effet, et qu'ils ne font que de belles propositions dont aucune jamais ne réussit, ils voudraient infailliblement être payés par l'explication de quelques difficultés, ou du moins, par des compliments et des entretiens inutiles, qui ne lui sauraient coûter si peu de son temps qu'il n'y perdît. Et

pour les expériences que les autres ont déjà faites, quand bien même ils les lui voudraient communiquer, ce que ceux qui les nomment des secrets ne feraient jamais, elles sont pour la plupart composées de tant de circonstances ou d'ingrédients superflus, qu'il lui serait très malaisé d'en déchiffrer la vérité; outre qu'il les trouverait presque toutes si mal expliquées, ou même si fausses, à cause que ceux qui les ont faites se sont efforcés de les faire paraître conformes à leurs principes, que s'il y en avait quelques-unes qui lui servissent, elles ne pourraient derechef valoir le temps qu'il lui faudrait employer à les choisir. De façon que s'il y avait au monde quelqu'un qu'on sût assurément être capable de trouver les plus grandes choses et les plus utiles au public qui puissent être, et que pour cette cause les autres hommes s'efforçassent par tous moyens de l'aider à venir à bout de ses desseins, je ne vois pas qu'ils pussent autre chose pour lui, sinon fournir aux frais des expériences dont il aurait besoin, et du reste empêcher que son loisir ne lui fût ôté par l'importunité de personne. Mais, outre que je ne présume pas tant de moi-même que de vouloir rien promettre d'extraordinaire, ni ne me repais point de pensées si vaines que de m'imaginer que le public se doive beaucoup intéresser en mes desseins, je n'ai pas aussi l'âme si basse que je voulusse accepter de qui que ce fût aucune faveur qu'on pût croire que je n'aurais pas méritée.

Правда, что в отношении опытов, необходимых для дела, один человек не может быть в состоянии проделать их все. Но также и невозможно, чтобы кто-либо, кроме самого себя, мог их исполнять с настоящей пользой — разве что это будут ремесленники или такие люди,

которым он сможет платить, и которых *надежда на заработок*, весьма действенное средство, побудит исполнять все предписания точно и тщательно.

Что же до добровольных помощников, которые, движимые любопытством или стремлением к знанию, могли бы предложить свою помощь, то, помимо того, что они обычно дают больше обещаний, чем осуществляют, и ограничиваются красивыми предложениями, из которых ни одно не приводит к результату, — они неизбежно захотели бы получить плату в обмен на объяснение некоторых трудностей или, по крайней мере, в виде комплиментов и бесполезных бесед, которые в любом случае стоили бы стольких затрат времени, что автор непременно потерял бы его больше, чем получил пользы.

(Пояснение переводчика: «l'espérance du gain, qui est un moyen très efficace...» — «надежда на заработок, весьма действенное средство...»). Декарт подчеркивает прагматический подход к сотрудничеству: не идеи, а точное исполнение предписаний.)

А что касается опытов, которые уже кто-то совершал, — даже если бы они пожелали ими поделиться (а те, кто называет их "секретами", этого, конечно, не сделают), — они, как правило, содержат столь множество обстоятельств и лишних компонентов, что выяснить в них истину было бы крайне трудно.

К тому же почти все они описаны столь плохо, или даже ложно, поскольку их авторы старались привести результаты в соответствие со своими принципами, что даже если некоторые из них могли бы быть полезны, их ценность не оправдала бы того времени, которое потребовалось бы на их отбор.

Так что, если бы в мире и был кто-то, кого все с полной уверенностью считали бы способным открыть величайшие и самые полезные вещи для общества, и по этой причине другие старались бы всеми средствами помочь ему достичь своих целей, — я не вижу, что они могли бы сделать для него, кроме как *оплатить расходы на опыты*, которые ему понадобятся, и, кроме того, *оберегать его досуг* от всякого назойливого вмешательства.

Но, кроме того, что я не настолько высоко о себе мню, чтобы осмелиться обещать нечто выдающееся, и не питаю столь тщеславных фантазий, будто общество должно сильно интересоваться моими намерениями, — у меня также не столь низкая душа, чтобы я захотел принимать чью-либо благосклонность, в которой могли бы усомниться, что я её заслужил.

Toutes ces considérations jointes ensemble furent cause, il y a trois ans, que je ne voulus point divulguer le traité que j'avais entre les mains, et même que je pris résolution de n'en faire voir aucun autre pendant ma vie qui fût si général, ni duquel on pût entendre les fondements de ma physique. Mais il y a eu depuis derechef deux autres raisons qui m'ont obligé à mettre ici quelques essais particuliers, et à rendre au public quelque compte de mes actions et de mes desseins. La première est que si j'y manquais, plusieurs, qui ont su l'intention que j'avais eue ci-devant de faire imprimer quelques écrits, pourraient s'imaginer que les causes pour lesquelles je m'en abstiens seraient plus à mon désavantage qu'elles ne sont: car, bien que je n'aime pas la gloire par excès, ou même, si j'ose le dire, que je la haïsse en tant que je la juge contraire au

repos, lequel j'estime sur toutes choses, toutefois aussi je n'ai jamais tâché de cacher mes actions comme des crimes, ni n'ai usé de beaucoup de précautions pour être inconnu, tant à cause que j'eusse cru me faire tort, qu'à cause que cela m'aurait donné quelque espèce d'inquiétude, qui eût derechef été contraire au parfait repos d'esprit que je cherche; et pour ce que, m'étant toujours ainsi tenu indifférent entre le soin d'être connu ou de ne l'être pas, je n'ai pu empêcher que je n'acquiesse quelque sorte de réputation, j'ai pensé que je devais faire mon mieux pour m'exempter au moins de l'avoir mauvaise. L'autre raison qui m'a obligé à écrire ceci est que, voyant tous les jours de plus en plus le retardement que souffre le dessein que j'ai de m'instruire, à cause d'une infinité d'expériences dont j'ai besoin, et qu'il est impossible que je fasse sans l'aide d'autrui, bien que je ne me flatte pas tant que d'espérer que le public prenne grande part en mes intérêts, toutefois je ne veux pas aussi me défaillir tant à moi-même que de donner sujet à ceux qui me survivront de me reprocher quelque jour que j'eusse pu leur laisser plusieurs choses beaucoup meilleures que je n'aurai fait, si je n'eusse point trop négligé de leur faire entendre en quoi ils pouvaient contribuer à mes desseins.

Все эти соображения вместе взятые стали причиной того, что три года назад я не захотел обнародовать трактат, который держал в руках, и даже принял решение *не публиковать при жизни никакого другого столь всеобъемлющего сочинения*, из которого можно было бы понять основы моей физики.

Однако с тех пор появились ещё две причины, которые побудили меня включить сюда некоторые *частные опыты* и *дать общественности отчёт о своих действиях и намерениях*.

Первая состоит в том, что, если бы я этого не сделал, многие, узнавшие о моём прежнем намерении напечатать некие труды, могли бы подумать, будто причины, по которым я воздерживаюсь от этого, играют мне не в пользу, больше, чем есть на самом деле.

Ибо, хотя я не жажду славы чрезмерно — или даже, осмелюсь сказать, ненавижу её, поскольку считаю, что она противна покою, который я ценю превыше всего, — всё же я никогда не стремился скрывать свои поступки, как если бы они были преступлениями, и не предпринимал особых усилий, чтобы остаться неизвестным: как потому, что это, на мой взгляд, было бы себе во вред, так и потому, что это вызвало бы во мне некоторого рода беспокойство, снова противное совершенному душевному покою, к которому я стремлюсь.

(Пояснение переводчика: «*je n'ai jamais tâché de cacher mes actions comme des crimes...*» — «я никогда не стремился скрывать свои поступки, как если бы они были преступлениями...». Декарт подчёркивает стремление к честности и избегание суетного признания.)

И потому что, всегда оставаясь безразличным к тому, быть ли мне известным или нет, я не смог предотвратить того, чтобы не приобрести некоторой репутации, я подумал, что должен сделать всё возможное, *по крайней мере*, чтобы она не была дурной.

Вторая причина, побудившая меня написать это, заключается в том, что я всё более ясно вижу, как задерживается реализация моего замысла — постигнуть

науку, — из-за бесконечного множества опытов, в которых я нуждаюсь, и которые невозможно проделать без помощи других.

И хотя я не питаю столь сладких иллюзий, чтобы надеяться, будто общество сильно заинтересуется моими делами, — всё же я *не хочу оказаться столь недалёковидным*, чтобы дать повод тем, кто придёт после меня, когда-нибудь упрекнуть меня в том, что я мог бы оставить им гораздо больше ценного, *если бы не пренебрёг возможностью дать понять*, чем они могли бы помочь в осуществлении моих намерений.

Et j'ai pensé qu'il m'était aisé de choisir quelques matières qui, sans être sujettes à beaucoup de controverses, ni m'obliger à déclarer davantage de mes principes que je ne désire, ne laisseraient pas de faire voir assez clairement ce que je puis ou ne puis pas dans les sciences. En quoi je ne saurais dire si j'ai réussi, et je ne veux point prévenir les jugements de personne, en parlant moi-même de mes écrits: mais je serai bien aise qu'on les examine; et afin qu'on en ait d'autant plus d'occasion, je supplie tous ceux qui auront quelques objections à y faire de prendre la peine de les envoyer à mon libraire, par lequel en étant averti, je tâcherai d'y joindre ma réponse en même temps; et par ce moyen les lecteurs, voyant ensemble l'un et l'autre, jugeront d'autant plus aisément de la vérité: car je ne promets pas d'y faire jamais de longues réponses, mais seulement d'avouer mes fautes fort franchement, si je les connais, ou bien, si je ne les puis apercevoir, de dire simplement ce que je croirai être requis pour la défense des choses que j'ai écrites, sans y ajouter l'explication d'aucune nouvelle matière, afin de ne me pas engager sans

fin de l'une en l'autre. Que si quelques-unes de celles dont j'ai parlé au commencement de la Dioptrique et des Météores choquent d'abord, à cause que je les nomme des suppositions, et que je ne semble pas avoir envie de les prouver, qu'on ait la patience de lire le tout avec attention, et j'espère qu'on s'en trouvera satisfait: car il me semble que les raisons s'y entresuivent en telle sorte, que comme les dernières sont démontrées par les premières qui sont leurs causes, ces premières le sont réciproquement par les dernières qui sont leurs effets. Et on ne doit pas imaginer que je commette en ceci la faute que les logiciens nomment un cercle: car l'expérience rendant la plupart de ces effets très certains, les causes dont je les déduis ne servent pas tant à les prouver qu'à les expliquer; mais tout au contraire ce sont elles qui sont prouvées par eux. Et je ne les ai nommées des suppositions qu'afin qu'on sache que je pense les pouvoir déduire de ces premières vérités que j'ai ci-dessus expliquées; mais que j'ai voulu expressément ne le pas faire, pour empêcher que certains esprits, qui s'imaginent qu'ils savent en un jour tout ce qu'un autre a pensé en vingt années, sitôt qu'il leur en a seulement dit deux ou trois mots, et qui sont d'autant plus sujets à faillir et moins capables de la vérité qu'ils sont plus pénétrants et plus vifs, ne puissent de là prendre occasion de bâtir quelque philosophie extravagante sur ce qu'ils croiront être mes principes, et qu'on m'en attribue la faute: car pour les opinions qui sont toutes miennes, je ne les excuse point comme nouvelles, d'autant que si on en considère bien les raisons, je m'assure qu'on les trouvera si simples et si conformes au sens commun, qu'elles sembleront moins extraordinaires et moins étranges qu'aucunes autres qu'on puisse avoir sur mêmes sujets; et je ne me vante point aussi d'être le premier inventeur

d'aucunes, mais bien que je ne les ai jamais reçues ni pour ce qu'elles avaient été dites par d'autres, ni pour ce qu'elles ne l'avaient point été, mais seulement pour ce que la raison me les a persuadées.

И я подумал, что мне нетрудно будет выбрать такие темы, которые, не будучи предметом больших споров и не вынуждая меня раскрывать больше моих принципов, чем я желаю, всё же достаточно ясно покажут, *что я могу или не могу* в области наук.

Насколько мне это удалось — я не могу сказать, и не хочу опережать ничьих суждений, говоря о собственных сочинениях: но я был бы рад, если бы их подвергли рассмотрению; и чтобы это стало проще, я прошу всех, у кого будут какие-либо возражения, присылать их моему книготорговцу — он известит меня, и я постараюсь приложить свой ответ к возражениям одновременно с их публикацией.

Таким образом, читатели, видя то и другое рядом, смогут тем легче судить о том, где правда.

(Пояснение переводчика: «je ne promets pas d'y faire jamais de longues réponses...» — «я не обещаю делать на них длинные ответы...». Декарт подчёркивает лаконичность, отказ от спора ради спора и ориентацию на прояснение.)

Я не обещаю отвечать пространно, но готов честно признать ошибку, если её увижу, или же — если не увижу — просто сказать то, что считаю необходимым для защиты написанного, *не вдаваясь в новые вопросы*, чтобы не вовлечься без конца из одной темы в другую.

Если же какие-то из утверждений в начале «Диоптрики» или «Метеоров» покажутся сначала сомнительными из-

за того, что я называю их *допущениями* и, по-видимому, не стремлюсь их доказывать, прошу набраться терпения и *внимательно прочесть весь текст* — и, надеюсь, это принесёт удовлетворение.

Потому что мне кажется, что рассуждения там выстроены таким образом, что *последующие следуют из первых как из причин, а первые, в свою очередь, подтверждаются последующими как их эффектами*.

И не нужно думать, будто я совершаю здесь ту логическую ошибку, которую логики называют *кругом*: ведь опыт делает большинство этих эффектов весьма достоверными, а причины, из которых я их вывожу, служат *не столько их доказательством, сколько объяснением*.

Наоборот — *это они доказываются этими эффектами*. Я называю их допущениями лишь для того, чтобы показать: я полагаю, что могу их вывести из тех первых истин, которые уже объяснил выше; но я намеренно не делаю этого сейчас, чтобы *не дать повода* некоторым умам, которые, воображая, что могут за день постичь всё, над чем другой размышлял двадцать лет, *строить на этом некое вычурное философствование*, которое потом мне же будет приписано.

Что же до мнений, которые действительно мои, я не оправдываю их новизной, ибо, если внимательно вникнуть в их доводы, я уверен, они покажутся столь простыми и согласными с *здравым смыслом*, что будут выглядеть *менее странными и менее необычными*, чем любые иные суждения на те же темы.

И я вовсе не хвалюсь тем, что был первым их изобретателем; я лишь утверждаю, что *никогда не принимал их ни потому, что они были уже высказаны кем-то другим, ни потому, что их ещё никто не сказал*,

но только потому, что разум убедил меня в их истинности.

Que si les artisans ne peuvent sitôt exécuter l'invention qui est expliquée en la Dioptrique, je ne crois pas qu'on puisse dire pour cela qu'elle soit mauvaise; car, d'autant qu'il faut de l'adresse et de l'habitude pour faire et pour ajuster les machines que j'ai décrites, sans qu'il y manque aucune circonstance, je ne m'étonnerais pas moins s'ils rencontraient du premier coup, que si quelqu'un pouvait apprendre en un jour à jouer du luth excellemment, par cela seul qu'on lui aurait donné de la tablature qui serait bonne. Et si j'écris en français, qui est la langue de mon pays, plutôt qu'en latin, qui est celle de mes précepteurs, c'est à cause que j'espère que ceux qui ne se servent que de leur raison naturelle toute pure jugeront mieux de mes opinions que ceux qui ne croient qu'aux livres anciens; et pour ceux qui joignent le bon sens avec l'étude, lesquels seuls je souhaite pour mes juges, ils ne seront point, je m'assure, si partiiaux pour le latin, qu'ils refusent d'entendre mes raisons pour ce que je les explique en langue vulgaire.

Если же ремесленники не смогут сразу реализовать изобретение, описанное в «Диоптрике», — я не считаю, что из этого следует, будто оно плохо.

Ибо поскольку требуется искусство и навык, чтобы изготовить и точно наладить те механизмы, которые я описал, не упустив ни одной детали, — я бы не меньше удивился, если бы у них всё получилось с первого раза, чем если бы кто-нибудь сумел за один день научиться

превосходно играть на лютне лишь потому, что ему дали хорошо написанную табулатуру.

(Пояснение переводчика: «je ne m'étonnerais pas moins... que si quelqu'un pouvait apprendre en un jour à jouer du luth...» — «я бы не меньше удивился... чем если бы кто-то выучился за день играть на лютне...»). Сравнение с музыкальной техникой подчёркивает сложность практической реализации при ясной теоретической мысли.)

А что касается того, что я пишу *по-французски*, то есть на языке своей страны, а не *по-латыни*, языке моих наставников, — то это потому, что я надеюсь: те, кто руководствуется *только своим природным разумом*, сумеют лучше оценить мои идеи, чем те, кто верит лишь *древним книгам*.

А для тех, кто *соединяет здравый смысл с учёностью*, — и только таких я хотел бы иметь своими судьями, — уверен, *не будет предвзятости к латинскому языку* настолько, чтобы они отказались слушать мои доводы лишь потому, что я излагаю их на *народном языке*.

Au reste, je ne veux point parler ici en particulier des progrès que j'ai espérance de faire à l'avenir dans les sciences, ni m'engager envers le public d'aucune promesse que je ne sois pas assuré d'accomplir; mais je dirai seulement que j'ai résolu de n'employer le temps qui me reste à vivre à autre chose qu'à tâcher d'acquérir quelque connaissance de la nature, qui soit telle qu'on en puisse tirer des règles pour la médecine, plus assurées que celles qu'on a eues jusqu'à présent; et que mon inclination m'éloigne si fort de toute sorte d'autres desseins, principalement de ceux qui ne sauraient être utiles aux

uns qu'en nuisant aux autres, que si quelques occasions me contraignaient de m'y employer, je ne crois point que je fusse capable d'y réussir. De quoi je fais ici une déclaration que je sais bien ne pouvoir servir à me rendre considérable dans le monde; mais aussi n'ai aucunement envie de l'être; et je me tiendrai toujours plus obligé à ceux par la faveur desquels je jouirai sans empêchement de mon loisir, que je ne serais à ceux qui m'offriraient les plus honorables emplois de la terre.

Впрочем, я не желаю здесь *подробно говорить* о тех успехах, на которые надеюсь в будущем достичь в науке, и не хочу *давать обществу обещания*, исполнение которых я не могу с уверенностью гарантировать.

Скажу лишь, что я *принял решение* не тратить остаток своей жизни ни на что другое, кроме как на *познание природы*, такого рода, чтобы на его основании можно было вывести *правила медицины*, более достоверные, чем те, что были до сих пор.

И моя склонность *настолько далека от всякого рода других замыслов*, особенно тех, что *могут быть полезны* одним лишь во вред другим, что если какие-то обстоятельства *вынудили бы меня ими заняться*, я, по правде сказать, *не верю, что смог бы в них преуспеть*.

(Пояснение переводчика: «je ne crois point que je fusse capable d'y réussir» — «не верю, что смог бы в них преуспеть». Принципиальная отстранённость Декарта от участия в делах, имеющих разрушительный или суетный характер.)

Такое признание, я понимаю, *вряд ли сделает меня значительной фигурой* в глазах общества; но и не имею ни малейшего желания *быть ею*.

И всегда буду считать себя *гораздо более обязанным* тем, по чьему благоволению я смогу *спокойно наслаждаться досугом*, чем тем, кто предложил бы мне *самые почётные должности на земле*.

- . - . - .

Конец книги

- . - . - .

Переводчик будет рад диалогу с читателями.
Двуязычная версия книги во всех форматах, удобных для чтения, прослушивания и скачивания, а также контакты переводчика, находятся на сайте в разделе "переводы". <https://boriskruger.com/translations/>